ЛЕА ГРОССЕ

ИТОГ ЖИЗНИ

ЛЕА ГРОССЕ

ИТОГ ЖИЗНИ

МЕМУАРЫ

Перевод с немецкого
Т. С. ГОЛУНОВОЙ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

LEA GROSSE

EINE INVENTUR

MILITÄRVERLAG
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN
REPUBLIK
BERLIN 1982

Г $\frac{1305000000-083}{068(02)-86}$ 163-86

В КАЧЕСТВЕ КУРЬЕРА

СПАСАЮТ ДРУЗЬЯ

Поезд мерно постукивает колесами. Я покачиваюсь в такт движению и думаю. Уже начало марта 1933 года, и скоро природа начнет пробуждаться! Но эта радость сразу исчезает, когда перед глазами встают зловещие картины нападения нацистов на наших товарищей, их зверских избиений и пыток.

А поезд неумолимо уносит меня в юго-западном направлении по заснеженной белорусской равнине. Я выхожу в коридор.

В моем купе сидит немецкий инженер-химик, который по делам своей фирмы находился несколько месяцев в Советском Союзе. На всем пути он настойчиво пытается заговорить со мной. Но я играю роль воспитанной фрейлейн из благопристойной семьи и все время стараюсь придать своему лицу выражение кротости и печали. Мне, мол, не до разговоров, я не нахожу себе места, поскольку разлука с оставшимся в Москве женихом невыносима. Теперь я с нетерпением буду ждать, когда он вернется в Берлин и мы поженимся.

За окном мелькают ели, березы и бесконечные поля. Через какую-то пару недель здесь, очевидно, раскинется широкое море зеленоватых нежных ростков, а летом оно превратится в колышущиеся хлебные нивы.

Грачи так плотно облепили ветки деревьев, что создается впечатление, будто на них выросли темные экзотические плоды. Правда ли, что они приносят несчастье? Да нет же! В этой стране грача называют птицей весенней. У нас же, в Рудных горах, старые люди всегда говорили: «От грача ничего хорошего не жди».

В Хемнице, или, как еще его называют в народе, Рускамтце, прошло мое детство. В 1906 году, спасаясь от еврейских погромов, мои родители эмигрировали в Германию из той части Польши, которая тогда принадлежала царской России.

Сначала мы жили в Лейпциге. Когда же разразилась первая мировая война, нас в числе других гражданских беженцев выслали в Хемниц и интернировали там.

Однако и в Лейпциге евреи-эмигранты жили на положении интернированных лиц, поскольку в этом городе были военные объекты. Беженцам, например, запрещалось покидать свои дома с шести вечера до восьми утра, они также не имели права устраиваться на постоянную работу. Такая, как в гетто, жизнь накладывала отпечаток и на детей. В раннем детстве они не только познавали нужду и лишения, но и видели, что значит шовинизм и антисемитизм в их самой неприглядной, жестокой форме.

«Жидовка, тебя, как и русских, надо убивать с первого выстрела!» — кричали мне одноклассники. В этой травле принимали участие и учителя. От подобных оскорблений жизнь казалась кошмаром, который преследовал меня и моих родственников годами.

И все же Хемниц я считала и считаю своим родным городом. Он славился революционными традициями, и здесь я, простая обездоленная девушка, обрела друзей и соратников, которые помогли мне найти ответ на давно волновавшие меня вопросы: «Почему есть на свете богатые и бедные?», «Почему одни имеют крышу над головой, а у других ее нет?».

Именно в Хемнице я впервые приобщилась к революционной борьбе. Летом 1927 года в окружном комитете Коммунистической партии Германии (КПГ) меня принял Вальтер Хенель и предложил вступить в ряды Коммунистического союза молодежи Германии (КСМГ). Вскоре я получила и первое поручение — собрать взносы у десятки. Мне предстояло посетить своих товарищей дома, познакомиться и побеседовать с ними.

— Ну о чем я буду говорить с ними? — спросила я.

Мне посоветовали прочитать «Кемпфер» и молодежное приложение к «Роте фане».

В дальнейшем я занималась поиском квартир для размещения участников III конгресса КСМГ, который должен был состояться в 1928 году в Хемнице.

— У тебя респектабельная буржуазная внешность, а поэтому иди к социал-демократам и у них ищи квартиры, — посоветовал мне мой политический руководитель Эрнст Вабра.

Встречаясь и беседуя с социал-демократами, я очень скоро почувствовала, как малоопытна, как не хватает мне элементарных политических знаний. Однако с помощью Вальтера Хенеля и Фридриха Гроссе я постепенно набиралась знаний, политического опыта и стремилась как можно лучше выполнять даваемые мне поручения. Они

также были первыми, кто привил мне огромную любовь к Советскому Союзу.

Работа в молодежном союзе позволяла мне ближе познакомиться с Фридрихом Гроссе, увидеть его замечательные человеческие качества. Между нами возникло глубокое чувство взаимной любви. Мы решили пожениться и вместе продолжать нашу дальнейшую борьбу.

В 1928 году я последовала за Фридрихом в Галле, куда его назначили секретарем молодежного союза окружкома Галле-Мерзебург. Я тоже стала членом окружкома и отвечала за пионерскую работу. В сентябре 1929-го, когда Фриц стал вторым секретарем КСМГ, мы переехали в Берлин. Некоторое время я работала в низовой организации нашего молодежного союза в Лихтенберге. В феврале 1930 года мне предоставилась счастливая возможность уехать в Советский Союз для работы в Коммунистическом интернационале молодежи (КИМ), КИМу требовалась новая сотрудница для работы в архиве, поскольку моя предшественница, жена Конрада Бленкле, получила другое задание. Я с радостью приняла это предложение. Кроме того, я могла также посещать лекции в Международной Ленинской школе (МЛШ).

Мои обязанности состояли в том, чтобы регистрировать, систематизировать и обрабатывать отчеты, которые посылали молодежные организации в КИМ, а также готовить их для доклада ответственным товарищам. В поступающей информации были и сообщения из различных частей страны о тяжелых условиях жизни и борьбы молодого немецкого поколения в последние годы Веймарской республики.

То, что я читала, внушало мне сильную тревогу. На политическом горизонте страны все более отчетливо вырисовывалась опасность установления фашистской диктатуры. Под руководством Эрнста Тельмана 300 тысяч немецких коммунистов самоотверженно боролись за единство действий рабочего класса против фашизма. Но, к сожалению, слишком много немцев недооценивали всю серьезность складывающейся тогда обстановки в стране.

Лидеры социал-демократической партии и свободных профсоюзов все время отвергали протянутую нашей партией руку помощи. Как только на местах рядовые члены социал-демократической партии объединялись с коммунистами для совместных действий, туда тотчас же устремлялись руководящие деятели социал-демократии и со

злостью и ненавистью разрушали тонкие, едва завязавшиеся связи этого союза. В то время как правые функционеры СДП клялись в верности буржуазному парламентаризму, десятки самых зрелых в политическом отношении рабочих уже стали жертвами фашистского террора.

Каждый раз при получении известий из Германии меня охватывал леденящий страх. Я все больше беспокоилась за жизнь самого близкого и дорогого мне человека, который находился в этом адском котле. Мой муж уже стал председателем КСМГ и был одним из самых молодых членов рейхстага. Как депутат, он пользовался правом неприкосновенности личности, но это ничего не значило для нацистов, которые нагло заявляли, что с приходом к власти они уничтожат всех коммунистов. Фашисты уже подожгли рейхстаг и кричали на всех перекрестках, что это дело рук коммунистов. Но всем нам было ясно, что эта провокация понадобилась нацистам, чтобы подавить рабочее движение в стране, уничтожить самых преданных и честных его представителей.

А я в это время, когда каждый немецкий коммунист должен был находиться на переднем крае борьбы с фашизмом, сидела в полной безопасности в архиве КИМа. Мне становилось все труднее изучать доклады, распределять и систематизировать их или справляться, как скоро будет получен ответ на какой-либо запрос.

— Вы не желаете поужинать вместе со мной? — прерывает мои мысли инженер-попутчик. — Это вам определенно пойдет на пользу.

Я очень вежливо, как и подобает хорошо воспитанной девушке, благодарю за это любезное приглашение и продолжаю стоять в коридоре. Сосед по купе направляется в вагон-ресторан.

Быстро сгущаются сумерки. На небе вспыхивают несколько блестящих точек. Я вхожу в купе, сажусь в уголок и снова мысленно возвращаюсь к событиям последних лет.

Собравшись с духом, я решила подать заявление в Исполком КИМа с просьбой разрешить выехать на родину. Меня должен был принять товарищ Чемоданов, или, как мы еще называли его, Чемо. Несмотря на свою молодость, он был человеком образованным, с богатым жизненным опытом. Он очень увлекался художественной литературой. Любимых писателей он считал своими самыми

близкими друзьями. По профессии Чемо был шахтером. В суровые годы гражданской войны он служил в Красной Армии и мужественно переносил все тяготы и лишения вместе с сотнями тысяч своих боевых товарищей.

Рванув дверь, я стремительно влетела в его кабинет.

— Товарищ Чемоданов, прошу освободить меня от работы! Мне нужно домой, я должна находиться теперь там! — выпалила я на одном дыхании.

Он совсем не удивился и воспринял мою просьбу как нечто само собой разумеющееся. Он продолжал стоять у окна и курил. Дым от папиросы тянулся вверх, образуя круглые голубоватые круги.

— Да, Леа, ты решила правильно, — сказал он, подходя ко мне.

У меня словно камень свалился с души.

— Мы ведь тоже приняли решение послать тебя с заданием КИМа в Берлин. Тебе надлежит в какой-то степени обеспечить выезд наших товарищей Прокофьева и Краснова из Германии.

Я с радостью согласилась. Ведь речь шла о судьбе двух советских товарищей с большим опытом в молодежном движении. Но в то же время в глубине души у меня теплилась крохотная надежда на встречу с моим Фрицем.

Я повернулась к окну, чтобы Чемо не заметил моего волнения.

— Но, Леа, со своим мужем ты не должна встречаться. Это необходимо в интересах вашей же безопасности! — снова раздался его голос.

Это строгое предписание очень огорчило меня. Быть в Берлине и не увидеть его? Как долго еще будет длиться наша разлука? Мне стоило больших усилий взять себя в руки, чтобы не разразиться рыданиями.

Затем Чемо стал детально объяснять мне суть задания, но я уже с большим трудом воспринимала его слова.

— Ты направляешься в Штутгарт под именем фрейлейн Кюхлер, уроженки этого города. Твои родители тоже живут там, а жених работает у нас в качестве иностранного специалиста, и ты ездила навестить его. Но прежде ты заедешь к тете в Берлин, куда через четыре недели вернется твой жених. А потом вы поженитесь.

— Однако полицейским может прийти в голову поинтересоваться моей теткой.

— И об этом мы тоже подумали, — улыбнулся Чемо, тряхнув копной светлых волос.

Инженер-попутчик вернулся в купе.

«Боже, как я устала», — подумала я и улыбнулась.

Поезд внезапно затормозил. Мы подъехали к польской границе. Таможенники с холодной корректностью проверили наши паспорта и, спросив о наличии валюты, изучающе посмотрели на нас. Но, очевидно, мой элегантный вид произвел на них впечатление, и они удалились.

Все это выглядело довольно трагикомично. Ведь мой гардероб состоял лишь из двух голубых поношенных юбок, одну из которых мне подарила товарищ Люция Ребентыш. В таком жалком виде я, конечно, никогда бы не смогла быть похожей на фрейлейн из хорошо обеспеченной семьи. Что делать? Однако меня выручила Лена Лебедева — сотрудница КИМа, которая недавно возвратилась из одной европейской страны и привезла шикарный, на мой взгляд, голубой костюм. Ее фигура была схожа с моей. Узнав о моем отъезде, Лена тотчас же отдала мне этот костюм и даже порадовалась тому, что смогла оказать мне услугу. Тем самым она подтвердила старую истину, что о людях судят по одежде.

Наконец поезд двинулся дальше. Полночь позади. Однако из-за нервного напряжения я никак не могла заснуть. Что меня ожидает? Что делает Фриц? Есть ли у него жилье? Мой отъезд тогда, в середине лета 1928 года, в Галле, разве не был тягостным? Отец и старший брат узнали, что я состою в переписке с неким Фрицем Гроссе, и устроили мне допрос.

— Кто он? — спросил отец.

— Коммунист, — ответила я.

— А какие у тебя могут быть дела с этим большевиком? — последовал полный презрения вопрос.

— Это мой друг.

Отец ни разу не бил меня. А теперь в ярости схватил кожаный ремень и дважды ударил меня по лицу. У меня из глаз искры посыпались. Левая щека сразу вспухла. Я молча бросилась в свою комнату и закрылась там. Мой брат Иозеф стучался ко мне в дверь. Я не стала говорить с ним. Рано утром, около четырех часов, я перебралась к Мелани, сестре Фрица.

— Если тебе будет очень трудно, — говорил он мне перед отъездом в Галле, — приходи к моей сестре. А там посмотрим, что делать дальше.

Я с горечью покинула родительский дом и уже больше никогда не возвращалась туда.

Мы приближаемся к немецкой границе. Быстро при-

вожу себя в порядок, стараясь выглядеть как можно лучше. Слышится лающее приветствие «Хайль Гитлер!».

Пожилой чиновник и человек в форме СА входят в купе, щелкают каблуками. Обстановка сразу накаляется. У всех создается впечатление, будто они оказались в казарме, а не на обычном пограничном контрольно-пропускном пункте. Разумеется, расчет очень прост — люди должны сразу почувствовать, что в рейхе веет новый ветер. Когда поезд тронулся дальше, я ощутила, что белье у меня прилипло к телу.

Пауль Кноблаух встретил меня на вокзале. Рядом с ним стояла хорошо одетая пожилая дама с букетом цветов. Кто им сообщил о моем приезде, мне неизвестно и до сегодняшнего дня. За два с половиной года работы в КИМе я твердо уяснила одно: в условиях нелегальной работы вопросов следует задавать как можно меньше, а если и надо что-то спросить, то только в интересах порученного тебе задания. Происходит это вовсе не от недоверия к людям, а диктуется прежде всего необходимостью обеспечить безопасность соответствующих организаций и самих подпольщиков. Я слышала, что во время провалов в Болгарии, Италии и Польше наши товарищи подвергались таким жестоким пыткам, что некоторые из них уже больше не могли владеть своей волей.

Мой надоедливый попутчик при выходе из вагона попытался в развязной манере назначить мне рандеву.

— Я обручена! — решительно заявила я и окинула его ледяным взглядом.

Он смутился и, заикаясь, пробормотал:

— Так может говорить только немецкая женщина.

А я подумала: «Ты просто осел».

Увидев, что меня встречают на вокзале, мой попутчик незаметно улизнул.

С Паулем Кноблаухом я познакомилась еще в Москве. С полной отдачей сил, с холодной головой и горячим сердцем трудился этот человек на благо Коммунистического интернационала молодежи. Я не преувеличиваю, говоря о нем. Всю свою жизнь без остатка он посвятил нашему делу. В такой же мере это относится и к Руди Туниг, второму товарищу, который самоотверженно поддерживал меня при выполнении данного задания.

В респектабельном районе Берлина, недалеко от Груневальда, они подготовили для меня надежное место. По

поручению Чемоданова я посвятила Пауля и Руди в суть нашего задания. После поджога рейхстага в Москве очень опасались за судьбу советских людей, если они останутся в Германии. Немецкие товарищи должны были обеспечить мне встречу с ними и достать заграничные паспорта. Мне тоже было необходимо поменять паспорт, так как под именем фрейлейн Кюхлер я не смогла бы снова пересечь германскую границу.

Хотя КСМГ уже перешел на нелегальное положение, мне все же удалось очень быстро выполнить порученное задание. Кто знает, сколько людей помогало нам, чтобы достать советским друзьям паспорта и железнодорожные билеты в Чехословакию. Кроме того, Пауль обеспечил мне встречу с советскими товарищами.

Наши партия и КСМГ продолжали борьбу, несмотря на жестокий террор. Арест Эрнста Тельмана и большого числа других коммунистов не успокоил фашистов. Об этом сейчас красноречиво свидетельствуют и захваченные Советской Армией в Берлине секретные архивы гестапо.

Сначала я направилась на встречу с товарищем Красновым в маленькое респектабельное кафе. Его стены были облицованы деревом, в зале стояли маленькие круглые столики, удобные кресла, напротив входа находилась стойка, где можно было купить кондитерские изделия и ликер. Стены кафе украшали гравюры Менцеля и Либермана.

«Как долго они еще будут здесь висеть, — подумала я, — ведь Либерман — еврей?»

Я сделала вид, что хочу выбрать что-нибудь из сладостей, но продавщица говорила с одной из посетительниц и не обратила на меня внимания. Я невольно прислушалась к их разговору.

— А знаете, что они надумали? Выселять меня хотят! У них нет на это никакого права. Я всегда плачу за квартиру вперед и прожила уже здесь тридцать пять лет!

— Что касается меня, то проживи вы хоть пятьдесят лет в этой квартире, все равно это теперь не имеет никакого значения. И правильно говорят, чтоб духа вашего не было здесь! Мой муж того же мнения и сказал, что Сарочке теперь и мебель не принадлежит.

Покупательница очень растерялась и смолкла, а хозяйка все несла околесицу. Угар антисемитизма захлестывал Германию.

Через зеркало над стойкой я разглядела Краснова и направилась к его столику. Заметив меня, он настолько

сильно обрадовался, что мне пришлось жестами сдерживать его. Ведь мы были хорошими старыми друзьями.

Краснов расплатился, и мы медленно направились к выходу.

Была типичная для апреля погода. Иногда сквозь облака прорывалось солнце, а затем снова шел проливной дождь. Краснов смеялся, радость его была безмерна.

— Так, значит, ты из Москвы! Я тебя едва узнал! Какая ты элегантная!

— Да, мой друг. Того же мнения были польские и немецкие пограничники.

Я сообщила ему, что он немедленно должен возвращаться домой. Объяснения были излишни. Все товарищи были единого мнения о ситуации в Германии. Краснов сказал мне о возникшем у него небольшом затруднении. Всего лишь три дня назад он переселился на новую квартиру, и было бы нелогично тайком уходить оттуда.

— Нет, ты этого не делай! — согласилась я. — Немедленно позабочусь, чтобы ты получил телеграмму: «Отец тяжело болен, твой приезд необходим».

Встреча с Прокофьевым тоже прошла благополучно.

— Знаешь, я ждал этого, — встретил он меня этими словами.

— И, как видишь, не напрасно, — пошутила я.

Получив от меня паспорта и познакомившись со своими новыми «биографиями», они порознь поехали на вокзал и расположились в разных купе. К отправлению поезда прибыла и я. Всюду мелькали эсэсовцы, а среди гражданских лиц, несомненно, были переодетые гестаповцы. Вести себя следовало как можно осторожнее, и при прощании мы обменялись лишь взглядами. Поезд медленно тронулся, а я смотрела ему вслед, желая своим товарищам от всего сердца счастливого пути.

Сейчас меня иногда спрашивают: а разве товарищи в Москве не могли установить связь с Паулем по почте? Зачем надо было посылать курьера?

Безусловно, выполнение такого задания было сопряжено с большим риском, но ответственные работники такого ранга, как Василий Чемоданов, Георгий Димитров и Вильгельм Пик, делали все возможное, чтобы свести его к минимуму. Что касается решения Коминтерна и КИМа вывезти из фашистского логова Краснова и Прокофьева, то это можно было осуществить лучше всего с помощью специального курьера. Использовать же почту в этом случае было просто невозможно, поскольку гитлеровская

банда следила глазами аргуса за всеми почтовыми и телеграфными поступлениями из-за границы. Таким образом, курьер в данной ситуации имел больше шансов успешно выполнить данное задание.

Но вернемся к тем весенним дням 1933 года. До очередной встречи с Паулем оставалось еще несколько часов. Чтобы хоть как-то изменить свой внешний вид, надо было купить что-нибудь из новых вещей. Я побрела к большому берлинскому универсальному магазину «Ка-Де-Ве» и остановилась перед ним, рассматривая витрины.

Здесь мы часто гуляли с Фрицем. В кондитерской напротив «Ка-Де-Ве» он иногда покупал мне конфеты. Тогда это было очень дорогое удовольствие: двести пятьдесят граммов апельсиновой карамели стоили одну марку. На эти деньги можно было дважды пообедать. Я бережно несла домой свой дорогой подарок, надеясь как можно дольше растянуть удовольствие. Однако я была ужасной сладкоежкой, и Фриц, зная это, обычно говорил: «Ну съешь еще одну конфетку, а то ведь заснуть не сможешь!» Чаще всего я так и поступала: одну конфету съедала сама, а другую — давала ему, чтобы совесть не мучила.

Сильная тоска охватила меня. Где ты теперь, мой Фриц? И вдруг, когда я уже собиралась войти в магазин, мое внимание привлек шедший по противоположной стороне улицы подтянутый, с гордой осанкой мужчина. Он был в модной широкополой шляпе, которая затеняла столь знакомое мне с тонкими чертами лицо. Да, это был Фриц! Вмиг у меня закружилась голова, ноги сделались ватными, и я остановилась.

— Вам плохо? — спросила какая-то женщина.

И, взяв под руку, она провела меня в магазин, усадила на стул, затем достала из сумки чистый носовой платок и вытерла мне пот с лица.

— Вам не легче? — поинтересовалась она через некоторое время.

Я ничего не ответила и только кивнула.

— Вам надо выйти на воздух.

Только на улице я смогла рассмотреть эту незнакомку. Она выглядела усталой, измученной, — очевидно, судьба у нее была нелегкой.

Мы двинулись к эсбану[1] на Ноллендорфплаце. Постепенно я пришла в себя, но боль в душе оставалась. Ведь

---

[1] Эсбан — городская железная дорога. — *Прим. пер.*

Фриц так и не узнает, что я видела его. Нельзя!.. Я была похожа на человека из притчи, изнывающего от жажды. Рядом с ним струится живительная влага, а он, прикованный, не может дотянуться до нее. Плач без слез — горький плач.

Наконец мы добрались до остановки. Спутница попрощалась со мной, а я еще раз внимательно посмотрела на нее и вроде ничего подозрительного в ее поведении не заметила. На всякий случай я вышла из вагона на следующей остановке и, осмотревшись вокруг, нет ли «хвоста», продолжала свой путь домой.

После небольшого отдыха я пошла на встречу с Паулем в кафе в Шарлоттенбурге, чтобы получить от него новый паспорт. Во время беседы я чувствовала, что Пауль ждет, когда я поинтересуюсь Фрицем, но я сдержалась и ни о чем не стала расспрашивать, чтобы не поставить его, возможно, в неловкое положение. Он подробно объяснил путь моего следования, сообщил новую легенду, согласно которой я в качестве личного секретаря директора завода текстильных машин должна была сопровождать своего шефа в Киев для переговоров с советскими торговыми партнерами.

На следующий день Пауль пришел проводить меня на вокзал. В зале ожидания он крепко пожал мне руку, пожелал доброго пути, а затем после короткой паузы добавил: «О Фрице не беспокойся, у него все в порядке!»

Пауль ушел быстро и незаметно, а я, счастливая, медленно, с трудом проталкиваясь через толпу, направилась к вагону.

Когда же после мучительно долгого путешествия я снова оказалась на советской территории, то вздохнула с великим облегчением, вмиг исчезло огромное напряжение, давившее на меня пудовой тяжестью.

«Наконец-то дома! Дома? — поймала себя на мысли.— А как же быть с Германией, ты что, расстаешься с ней?.. Да нет же! За нее мы будем бороться!»

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Кэти Рюдигер и я снова шли, как часто это бывало, вместе на работу.

— О чем ты задумалась? — спросила она, хотя и прекрасно знала, какие мысли одолевали меня.

Я не переставала беспокоиться о Фрице, о всех наших товарищах, положение которых осложнялось все более с каждым днем. Ведь и Кэти была озабочена не меньше меня. Ее родители, сестра, брат — все коммунисты — находились в Берлине.

Войдя в здание КИМа, я сразу же отправилась в свою небольшую комнату и разобрала вновь поступившую почту. Мысль уехать на родину и вести там подпольную работу не покидала меня. Когда же я наконец получу разрешение?!

Раздался стук, и я сразу вышла. За дверью стоял Чемо.

— Давай немного прогуляемся. Одевайся теплее, — сказал он улыбаясь.

Уже однажды он меня вот так приглашал на прогулку. Это было в начале ноября 1931 года. Тогда мы ездили в Высшую партийную школу. Голова моя опять пошла кругом. С кем может быть встреча? С Фрицем? Нет. Его послали представителем КИМа в Великобританию.

Забегая вперед, хочу отметить, что в этой стране Фрица арестовали и приговорили к шести месяцам тюрьмы. В октябре 1932 года он снова вернулся в Германию.

Внешне сохраняя спокойствие, я поднималась тогда с Чемо по лестнице. В здании ВПШ было очень тихо. Слушатели уехали на несколько недель на практику.

Мы остановились. Чемо открыл дверь в какую-то комнату, пропустил меня вперед. В тот же миг я замерла на месте. Ко мне с протянутой для приветствия рукой шел Эрнст Тельман. Впервые я увидела его так близко. Светлые спокойные глаза испытующе смотрели на меня. Затем мужчины дружески похлопали друг друга по плечу, и Чемо представил меня:

— Это — Леа, жена Фрица Гроссе. Она будет переводить.

Тельман угостил нас горячим ароматным чаем с шоколадными конфетами. Потом началась беседа. Они говорили о делах, обсуждали оппортунистическую позицию Курта Мюллера, который больше был известен под именем Кучи, вспоминали ХайнцаНоймана. Тельман сидел, свободно откинувшись на спинку, и оживленно говорил. А я изо всех сил старалась, чтобы как можно лучше переводить и ничего не упустить. Секретарь Тельмана в белой шелковой блузке склонилась над пишущей машинкой у окна и очень мерзла.

Тельман поднялся, скинул пиджак, снял серый шер-

стяной свитер, набросил его на плечи девушки. Этот жест очень тронул меня...

Но мы не могли теперь ехать на встречу с Тельманом. Ведь он, к огромной нашей печали, уже был схвачен фашистами. Итак, куда же мы едем?

Очень скоро центр города остался позади, и мы въехали в район парка «Сокольники». Там еще всюду стояли маленькие деревянные домики с красивыми резными украшениями. Перед одним из них машина остановилась. На крыльце нас уже ждала какая-то женщина. Со словами «Добро пожаловать!» она провела нас в полутемный коридор. Снимая верхнюю одежду, я услышала, как кто-то идет навстречу. Это был Фриц. Слезы радости невольно покатились из моих глаз, и я уже никого не видела. Придя в себя через некоторое время, я заметила, что рядом с мужем стоит наш общий знакомый из Германии.

Хозяйка пригласила гостей к столу. Обед был прекрасный. Фрицу особенно понравилось домашнее печенье, и он в шутку сказал:

— Если бы я знал, что дадут такое вкусное печенье, я отказался бы сразу от всех блюд.

После обеда мы много говорили о положении в Германии с приходом к власти фашистов, подробно обсудили сложившуюся обстановку в немецком молодежном движении.

Осенью 1932 года в рядах КСМГ насчитывалось 50 тысяч членов, но сейчас коричнево-рубашечникам удалось нанести нам серьезный урон. Много наших молодых товарищей были арестованы или погибли. Перед руководством КСМГ стояла трудная задача: обеспечить деятельность союза в нелегальных условиях, наладить связь с молодежными организациями на местах. Несмотря на репрессии и террор, наш союз должен был оставаться боеспособным.

— Ты изъявила желание поехать на нелегальную работу в Германию, не так ли? — обратился ко мне наш немецкий товарищ.

Убедившись, что мое решение остается по-прежнему таким же твердым, он сказал:

— В Берлин ты поедешь вместе с Фрицем. Там ты заменишь Миа Нидеркирхнер и будешь выполнять ее работу. Это значит, что ты должна будешь отвечать за связь между секретарями областных молодежных органи-

заций с ЦК КСМГ и с ЦК нашей партии. Тебе необходимо будет установить контакты с товарищами из спортивного общества «Фихте». Кроме того, в твои обязанности будет входить забота об обеспечении явочных квартир, а также участие в подготовке и проведении нелегальных встреч и заседаний.

А сначала вы отправитесь в Ленинград. Потом, на следующий же день после прибытия, вас переправят поездом в Хельсинки, а затем в Або. Оттуда вы пароходом проследуете в Стокгольм. Шведские товарищи достанут для вас билеты на самолет в Голландию. Из Амстердама вы поедете в разных вагонах в Дюссельдорф. В Берлин прибудете местным поездом, а не международным экспрессом. Вокруг таких поездов крутится много полицейских.

В КИМе отметили, что я будто бы простыла и соблюдаю постельный режим.

Мы отправились в Ленинград «Красной стрелой». В этом городе я еще ни разу не была и с нетерпением ждала встречи с ним. Проводник принес чай, положив на столик вместо сахара шоколадные конфеты. Мы пили чай с наслаждением, а Фриц разом съел все свои конфеты.

— А ты не забыла нашу историю с сахаром?

— Нет, конечно, — ответила я улыбаясь.

Это было в 1928 году в Галле. Фриц в должности секретаря КСМГ должен был получать в месяц 250 марок, но, если он приносил домой 50 или 80 марок, я радовалась и этому. В кухне у нас часто было, как говорится, шаром покати.

Порой я не знала, что мы будем завтра есть. Однако в такие времена нас часто выручала бабушка Енике, мать хозяйки, у которой мы снимали комнату.

— Рабочие всегда должны поддерживать друг друга, — говорила она. — Без этого, без взаимовыручки, нельзя обойтись и в большом и в малом. Особенно если проводится стачка или человек потерял работу.

Отказываться от помощи было бесполезно.

— Все на лице у тебя написано, — произносила она и решительно протягивала мне что-нибудь из продуктов.

В один из вечеров, когда Фриц готовился к выступлению перед шахтерами в Лейне, я поставила перед ним свежезаваренный чай, наполненную до краев сахарницу. Проснувшись утром, я с изумлением увидела, что сахарница пуста. Мой муж хорошо полакомился. Увидев выражение моего лица, Фриц растерянно сказал:

— Может быть, ты простишь меня еще раз?

Поезд мчался в ночной мгле. Каждый советский человек очень гордился этим поездом, называя его за скорость «Стрелой». Наступал рассвет. Проводник постучал в дверь и объявил:

— Через полчаса мы прибываем!

Этот город чем-то напомнил мне Дрезден, вероятно из-за множества мостов. Так считают многие из немцев, побывавших в Ленинграде.

Светлое солнечное утро занялось над Невой. После завтрака мы отправились в Смольный. Там находились обком партии и обком комсомола. Нас сердечно встретил первый секретарь обкома товарищ Киров. Между Фрицем и Кировым завязалась оживленная беседа. А я в это время, сидя в уголке, наблюдала за Сергеем Мироновичем. Он был среднего роста, широкоплечий. Открытое лицо, красивый высокий лоб, темные волосы, слегка тронутые сединой. Больше всего привлекали внимание его спокойные карие глаза.

Секретарь обкома комсомола тоже принял нас тепло. Он очень интересовался положением в Германии и задавал много вопросов. Я помогала в переводе.

— Осознали ли немцы слова Тельмана «Гитлер — это война»? — спросил он в заключение.

Фриц ответил, что, к сожалению, большинство людей еще не верят в то, что фашисты готовятся к войне. Обещания Гитлера дать работу каждому немцу действуют на обывателя и крестьянина одурманивающе. Безработица парализовала сознание людей.

Когда мы одевались в гардеробе, к нам подошел Киров. Пожимая руки, он сказал:

— Всего вам доброго. Будьте очень осторожны и бдительны. Держитесь бодро и никогда не падайте духом.

Воспоминания о Хельсинки не очень четко сохранились в моей памяти. Прибыли мы туда с наступлением сумерек. Отдохнув несколько часов, направились в Або (Турку), который представлял собой тогда небольшой портовый город с множеством кабачков. Здесь мы тоже пробыли недолго и шведским пароходом направились в сторону Стокгольма. Впервые я увидела море. Какое это величественное зрелище! Я с восторгом созерцала морскую гладь, а удалявшийся берег вызывал во мне приятное ощущение бесконечности простора.

На борту парохода находилось много прекрасно одетых дам, вероятно совершавших развлекательный вояж.

Мужчины также не уступали дамам в элегантности. Фриц в своем костюме, который он купил в Англии, ничем не выделялся в толпе.

Мое внимание привлекли две шведки, курившие толстые сигары, и я с детским любопытством принялась разглядывать их.

— Леа, может быть, хватит? — прервал мое занятие Фриц.

Я вспыхнула и почувствовала себя провинившимся ребенком.

Матрос принес шезлонги, пледы, и я с удовольствием стала греться на солнце. Мягкий прохладный ветер действовал успокаивающе. Вскоре раздался гонг, приглашая пассажиров на ленч. Желая выглядеть как можно элегантнее, я перебрала в каюте весь свой гардероб и остановилась на белой блузе, темной юбке и красно-голубом шелковом платке, завязываемом на шее в виде галстука.

Когда мы поднимались на палубу, уже всюду мелькали экстравагантно одетые дамы, наряды которых свидетельствовали о толстых кошельках их владелиц. Я почувствовала себя среди них Золушкой. Женщины не обращали на меня никакого внимания, но несколько мужчин окинули меня оценивающим взглядом.

— Поверь, здесь только ты — королева! — шепнул мне Фриц. — Взгляни вон на ту, с седыми завитушками! Осталась ли еще у нее на лице кожа или это только грим фирмы Диор?

Обмениваясь шутливыми репликами, мы дошли до большого салона. Празднично накрытый стол блистал хрустальными графинами, бокалами и поражал обилием салатниц с овощами, ваз с фруктами, блюд с рыбой и мясом.

Мы взяли тарелки и положили на них всего понемногу, стесняясь взять лишнего, чтобы никому не могло прийти в голову, что мы здесь новички. Но вскоре я и Фриц заметили, что господа с толстыми кошельками имеют и очень большой аппетит.

Наевшись до отвала, мы удалились в свою каюту.

Через какое-то время раздался стук в нашу дверь, и стюард пригласил нас на обед.

Мы оба с удивлением переглянулись. Когда же поднялись наверх в зал, столы были снова накрыты.

— Итак, до этого была лишь закуска, — сказал Фриц, едва сдерживаясь от хохота.

— Господь дал буржуазии не только толстые кошель-

ки, но и луженые желудки! И куда это только все в них вмещается?

Есть мы уже ничего не могли и брали что-нибудь из подносимых блюд только ради приличия.

На следующий день мы прибыли в Стокгольм. Этот лежащий на холмах город показался мне знакомым. Встречалось много старых зданий с красивыми фасадами. Жители города производили впечатление солидных деловых людей.

В Голландию добирались самолетом. Я летела впервые в жизни, и все, что открылось взору, производило сильное впечатление: голубизна неба, светло-зеленые поля с игрушечными домиками. Временами небо застилалось движущимися серо-белыми, похожими на вату облаками, затем они разрывались, и снова открывалась панорама уменьшенных до карликовых размеров предметов.

В Амстердамском аэропорту нас радушно встретили Ганс, секретарь Коммунистического союза молодежи Голландии, и его жена Анни. Я хорошо знала Ганса по учебе в Москве. Он много рассказывал интересного об Индонезии, которая тогда была голландской колонией. Здесь, в Голландии, я впервые увидела индонезийцев, особенно мне понравились их женщины. Я несколько раз ловила себя на мысли, что мне хочется остановиться и полюбоваться красотой их миндалевидных глаз, умными и спокойными лицами.

Ганс и Анни проинформировали нас о провокациях нацистов на немецко-голландской границе и дали ряд ценных советов, как себя вести.

Из Амстердама мы поехали через Дюссельдорф в Берлин в разных купе, как это было оговорено в Москве. Если бы с одним из нас что-нибудь случилось, то у другого, по крайней мере, оставались бы еще шансы добраться до места.

У меня был паспорт на имя швейцарской гражданки Марии Наглер, которая жила и училась в Париже. Сейчас она ехала в Берлин «навестить родственников». Фриц был «по специальности электротехник» и возвращался якобы из служебной зарубежной командировки.

Мое сердце забилось от волнения, когда мы приближались к границе, руки похолодели, но внешне я сохраняла спокойствие и делала вид, что читаю роман Виктора Гюго «Отверженные».

Когда в соседнем купе стали проверять паспорта, я положила моего Гюго на видное место у окна. Вскоре и

ко мне вошли два чиновника. Улыбаясь, я обратилась к ним, как я думала, по-французски:

— Хотите посмотреть мои чемоданы?

Однако они ничего не поняли, и мне пришлось указать рукой на багаж. Чиновники отрицательно махнули рукой и, взглянув на мой паспорт, вышли.

Теперь я беспокоилась о Фрице. Решила сходить в вагон-ресторан. Там было шумно и многолюдно, но все же удалось отыскать свободный столик. Я села и заказала кофе.

«Где же Фриц?» — сверлила голову мысль.

Тут дверь приоткрылась, и вошел он. Итак, этот этап прошел для нас благополучно. Я подмигнула ему, потом расплатилась и пошла в свое купе.

Хотя все обошлось, меня какое-то время не покидало ощущение, что я нахожусь в плену. Нечто подобное я испытала несколько лет назад, когда получила уведомление о том, что являюсь нежелательным иностранным лицом. И хотя я родилась в 1906 году в Польше, чувствовала себя всегда немкой, поскольку в Германии выросла, закончила школу. Сначала училась в Хемнице, в народной школе имени Бернбаха, а затем получила возможность продолжать учебу в реальной гимназии. Было совершенно ясно: выдворяя меня из страны, власти одновременно пытались избавиться и от коммуниста Фридриха Гроссе. Товарищ Макс Ладеманн, бывший в то время депутатом прусского парламента, добился отмены постановления о моей высылке.

С тех пор как я стала членом партии, я всегда рассчитывала и опиралась в самых сложных ситуациях на помощь товарищей. Например, во время моей недавней поездки в Берлин Пауль Кноблаух и Руди Туниг самоотверженно поддержали меня и обеспечили спасение советских товарищей. Теперь моей опорой и поддержкой был Фриц. И уже одно это придавало мне силы и полную уверенность при выполнении новых задач.

ТАКОВЫ НАШИ ДЕЛА

Примерно полтора года продолжалась моя нелегальная деятельность, и это время, полное опасности и напряжения, показалось мне вечностью. Мне не хочется подробно говорить о всех эпизодах своей деятельности в этот период, и я остановлюсь лишь на том, что особенно живо сохранилось в памяти.

Я очень удивлялась, как быстро может человек приспособиться к работе в нелегальных условиях. Я научилась, если можно так сказать, видеть спиной, чувствовать, кто идет за мной, что происходит вокруг. Многим это может показаться странным, но, поверьте мне, так бывает. В человеке в подобной обстановке просыпается новое, возможно шестое, чувство. Выходя на улицу, я в течение нескольких секунд уже могла оценить ситуацию.

В целях безопасности Фриц и я поселились в Берлине раздельно и встречались только в условленное время. Встречи назначались всегда в разных местах и при строгом соблюдении правил конспирации, которые определялись исключительно интересами выполнения тех или иных заданий. Наши личные отношения, естественно, не исключались, но все же они стояли на втором месте в нашей совместной борьбе.

Без надежной явочной квартиры подпольщик что рыба без воды. О самоотверженных людях, которые, рискуя своей жизнью, предоставляли нам убежище, можно написать целую книгу.

На всю жизнь я запомнила дядю Макса и тетушку Минну и их маленькую антикварную лавку на Паризерштрассе. Это были настоящие коммунисты, и тот, кому выпало счастье общаться с такими замечательными людьми, остается благодарен им на всю жизнь. Дядя Макс был в очках, с умными светлыми глазами, невысокого роста, несколько неуклюжий в движениях. Его большие седые усы напоминали рыжие усы Ладеманна.

При встрече он внимательно оглядел меня, затем дружески протянул руку и, рассказывая на ходу о какой-то картине, приблизился к двери, которую я сразу и не заметила. Он мягко нажал на ручку, и мы оказались внутри большого, уютно обставленного помещения. Из кухни навстречу нам вышла его жена Минна в бело-голубом фартуке.

— Так это, значит, ты, Лотти? — ласково спросила она и обняла.

Мне предстояло пробыть здесь около недели. Хозяева жили в другом доме и приходили в лавку к семи часам утра. Поэтому вечерами мне приходилось сидеть без света и осторожно, бесшумно двигаться. Днем было свободнее.

— На всякий случай обрати внимание на этот дубовый шкаф, в нем есть потайной выход, — сообщили мне в первый раз хозяева.

С интересом заглянула в этот шкаф. В нем висели женские платья. Отодвинула их в сторону и увидела маленькую дверь, которая вела в сени.

Тетушка Минна рассказала, что в ранней молодости стала членом социал-демократической партии и начала свою деятельность еще во времена Бисмарка. Вместе с мужем они порвали с социал-демократами, когда по приказу Носке пролилась кровь рабочих. И вступили в ряды тогда еще молодой Коммунистической партии Германии.

Когда я позднее переезжала на квартиру к Вилли и Кэте Штевин, эта женщина ласково погладила меня по волосам и сказала:

— Лотти, если тебе негде будет ночевать, у нас ты всегда сможешь найти приют.

Она обняла меня и сунула что-то в карман.

Когда я пришла к супругам Штевинам и обнаружила в кармане двадцать марок, то очень растрогалась. Важны были не эти деньги, а та любовь и поддержка, которые стремились оказать подпольщикам наши товарищи. Это вызывало чувство благодарности и уверенности у всех, кто работал в нелегальных условиях.

Как я уже говорила, мне пришлось заменить в Берлине Миа Нидеркирхнер, поскольку из-за возникшей опасности ареста ей требовалось срочно покинуть Германию. Миа была дочерью одного из самых известных и признанных профсоюзных деятелей в Берлине. Ее брат Михаель и сестра Катя, с которой мы впоследствии подружились, тоже являлись убежденными коммунистами. Перед отъездом Миа ввела меня в круг моих обязанностей, познакомила с курьером ЦК нашей партии коммунисткой Майер (за точность фамилии не ручаюсь) и курьером берлинской партийной организации товарищем Кунтом, вручила явочные адреса секретарей союза молодых коммунистов в округах и на крупных предприятиях, затем она помогла мне лично познакомиться с членами секретариата действующего в подполье ЦК КСМГ. Среди них был и Эрих Юнгманн. Но особенно меня обрадовала новая встреча с Вальтером Хенелем, который принимал меня в 1927 году в члены КСМГ в Хемнице. В то время он являлся секретарем окружной молодежной организации. Теперь же Вальтер занимался преимущественно профсоюзной работой в Берлине. Хенель-энтузиаст, как называли Вальтера за его юмор, был спокойным и уравновешенным человеком. Он умел находить выход из почти безнадежного положения и при этом обыкновенно шутил над товари-

щами, которые допускали промахи в работе. Смеялись все, и даже те, кому следовало бы стыдиться за свои неудачные действия. Такое непринужденное поведение руководителя оказывалось более эффективным, чем если бы он давал нагоняй.

Миа отправлялась в Москву через Прагу. Этот путь для наших товарищей, спасавшихся от ареста, был пока еще наиболее безопасным. Она везла с собой спрятанный под блузку отчет о положении в КСМГ, который был написан на очень тонкой шелковой китайской бумаге. Миа должна была передать этот отчет товарищу Чемоданову.

Перед ее отъездом мы договорились о том, что по прибытии в Прагу она пошлет телеграмму в Берлин торговцу углем на Кастаниеналле следующего содержания: «50 тонн каменного угля отправлены». Как видно, оговоренный текст этой телеграммы был прост и не привлекал особого внимания, но для меня он значил, что Миа добралась до Праги благополучно.

Через два дня я направилась на Кастаниеналле, чтобы узнать, нет ли каких-либо сообщений от Миа. Контору торговца углем я нашла очень быстро. Поднялась по ступеням наверх и открыла дверь. Пронзительно зазвенел колокольчик.

— Вы, коммунисты, — свиньи, свора лжецов! — услышала я, входя в контору.

«Опасность, смертельная опасность!» — промелькнуло в моей голове.

Я повернула назад и стремглав бросилась на улицу. К остановке подошел трамвай, но я решила перебежать на противоположную сторону улицы и спрятаться в продуктовом магазине. Обходя прилавки вместе с другими женщинами, я внимательно присматривалась к происходящему вокруг.

«Вроде все спокойно, — думала я. — Надо скорее уходить отсюда!»

Почти бегом добралась до Шенхаузералле. Там быстро удалось схватить такси и доехать до больницы во Фридрихсхайне. Оттуда направилась к Александерплац, проехала несколько остановок на эсбане, чтобы окончательно удостовериться, что за мной нет слежки. После этого я, совершенно усталая, поехала на Эмзерштрассе, на мою нелегальную квартиру. Только теперь ощутила, как я сильно вспотела от волнения.

Меня мучила мысль: откуда в гестапо узнали адрес

Миа? Ведь она говорила, что я была первой и единственной, кто знал адрес ее квартиры. Может быть, я сделала что-то не так или допустила какую-то оплошность?

Много позднее все прояснилось. Оказалось, что в наш союз гестапо внедрило одного молодого латыша — Константина Ракузина. Он держался очень самоуверенно и часто бравировал революционными фразами. Ракузин правильно предположил, что Миа знала многое, и решил прежде всего шпионить за ней. Ему-то и удалось накануне отъезда Миа выследить, где она жила.

Дни быстро следовали один за другим, и мне казалось, что я еще ничего не сделала, чтобы нанести какой-нибудь ощутимый урон нацистам. Однажды вечером во время встречи с Фрицем я сказала ему об этом. Он улыбнулся. Ему, опытному вожаку молодежи, было хорошо понятно мое настроение. Ведь за время своей деятельности он не раз встречался с нетерпеливыми и горячими молодыми людьми, которые верили, что они могут достичь цели мгновенно, одним ударом.

— Леа, девочка моя, поверь мне, фашизм нельзя уничтожить сразу, одним махом. Мы, коммунисты, должны очень терпеливо работать, чтобы объединить всех противников Гитлера и дать им правильную ориентацию. Как во всякой работе, каждый из нас должен добросовестно делать свое дело и тем самым вносить вклад в борьбу с нацизмом. Понятно тебе?

Эти слова и интонация, с которой они были сказаны, запомнились мне на всю жизнь. И в тот вечер я еще раз испытала огромное счастье от того, что со мной рядом был такой прекрасный человек.

Фриц также ввел меня в курс нового задания, в соответствии с которым я становилась одним из ответственных лиц печатного органа Коммунистического союза молодежи Германии — газеты «Юнге Гарде». Наша партия, следуя указаниям В. И. Ленина, делала все возможное, чтобы партийная пресса была частью общего пролетарского дела, его составной частью. Такая постановка вопроса была актуальна для «Юнге Гарде», основная задача которой состояла в том, чтобы обеспечить объединение прогрессивно мыслящей молодежи и мобилизовать ее на борьбу с нацистским режимом.

В начальный период своего нелегального существования газета «Юнге Гарде» издавалась в Германии. В не-

которых городах нам удалось создать простейшие типографии, однако со временем гестаповцы обнаружили и разгромили многие из них. Пришлось налаживать издание газеты также и за границей. Я была ответственна за доставку рукописных материалов в Саар, другие товарищи тайно перевозили их во Францию или Голландию. Например, номера газеты «Юнге Гарде», освещавшие судебный процесс над Георгием Димитровым, издавались частично во Франции, а другая их часть публиковалась в Сааре. Когда газета была готова, нам предстояла трудная задача доставить ее в Берлин, Лейпциг, Хемниц, Галле, другие крупные города и распространить там. Поскольку тираж газеты был ограниченным (в 1933—1934 годах он составлял примерно 10 тысяч экземпляров), мы просили своих читателей после прочтения газеты передавать ее своим товарищам. Иногда в целях безопасности мы подкладывали газеты под дверь квартир или засовывали в карманы одежды в гардеробе на предприятиях.

Издавалась «Юнге Гарде», конечно, нерегулярно. Часто у нас не хватало денег, подчас не удавалось своевременно доставить в редакцию необходимые материалы.

Я очень гордилась тем, что могла принимать участие в издании этой газеты. Сначала работала с Руди Тунигом, который познакомил меня со специалистом по рекламе Хартвигом, хорошим парнем и искусным конспиратором. Втроем мы составили детальный план выпуска газеты. Мне было поручено собирать статьи и доставлять их Паулю Кноблауху в условленные дни. Хартвиг отвечал за печатание газеты. Транспортировкой и распространением занимался молодой коммунист под именем Курт. Он был широкоплечий, не очень высокого роста. Его зоркие и пытливые глаза на круглом, открытом лице всегда изучающе смотрели на человека. Говорил он мало и всегда с оттенком мягкого юмора. Он был прекрасным фехтовальщиком. В 1942 году Курт был схвачен гестапо и казнен. При допросах он не проронил ни слова и даже не назвал своего имени.

Издание газеты, как и любая нелегальная деятельность, естественно, было связано с опасностью, но к этому нужно было быть внутренне готовым. Осторожность в поведении и осмотрительность в поступках помогали избегать провалов. Самыми опасными для подпольщика были непредвиденные ситуации. В таких случаях все зависело от его находчивости, умения хладнокровно и верно

реагировать на происходящее. В этой связи мне хочется рассказать об одном случае, который произошел со мной и с товарищем Хартвигом.

Мы договорились об очередной встрече. В Берлине в это время проходила Зеленая неделя — ежегодный праздник крестьян. Большая ярмарка собрала много народу. Приезжали на нее и господа помещики, скотопромышленники с толстыми кошельками, чтобы хорошо поразвлечься. Не вызывая особых подозрений, я могла свободно посетить рекламный стенд Хартвига и обсудить с ним важные детали выпуска «Юнге Гарде».

— Посмотри на этих нуворишей. Они толком не знают даже своего языка, а ведут себя как князья, — сказал Хартвиг и презрительным взглядом окинул посетителей выставки.

В это время к стенду приблизился человек в нацистской форме. У меня чуть сердце не остановилось. Хартвиг же улыбнулся ему и спокойно представил меня как свою племянницу Эллу. Сначала я побледнела, потом покраснела. Фашисту, вероятно, понравилась моя «застенчивость», и его поведение по отношению ко мне стало покровительственным. Обменявшись несколькими общими фразами, он сказал:

— Господин Хартвиг, позвольте пригласить вас и вашу племянницу на кофе.

Этого еще мне недоставало! А если сейчас здесь окажется кто-нибудь из знакомых, то еще подумают, что я работаю на нацистов.

Хартвиг реагировал как опытный бизнесмен. Он извинился, что не может оставить дела, но разрешил мне, его «племяннице», принять приглашение.

Между тем я смогла уже взять себя в руки и смириться с неизбежностью. Посещение кафе прошло без особых происшествий. Извинившись за то, что мой отец не любит, когда кто-либо из семьи отсутствует за ужином, я заставила этого молодчика быстро подняться из-за стола.

— Может быть, мы смогли бы еще встретиться? — спросил он, когда мы направились к Хартвигу.

— Я обручена, — решительно заявила я.

Он стал убеждать меня, что я еще молода и нужно проверить свои чувства, прежде чем решиться на такой серьезный шаг. У стенда он снова выразил свое сожаление и, уже прощаясь, отпустил дешевую остроту, на которую способен только нацист.

— Знаете что, фрейлейн Элла? — бросил он. — Давай-

ты и арестую вашего жениха. А выпустим его тогда, когда нам будет удобно.

Хартвиг немного выждал, а потом разразился громким смехом, как будто эта шутка на самом деле развеселила его. Засмеялась и я. В этот момент появились с красными рожами заядлых любителей пива подвыпившие приятели нашего гостя и заорали: «Жорж! Жорж!»

Я воспользовалась этим моментом, махнула рукой Хартвигу и исчезла.

Я и сегодня иногда спрашиваю себя: что могло случиться, если бы Хартвигу изменила выдержка?

Молодые люди интересуются иногда, как мы проводили свободное время и было ли оно у нас вообще? Я могу ответить на этот вопрос, только исходя из своего личного опыта. То, что я имела счастье работать вместе с мужем, в какой-то степени облегчало нам переносить тяготы и лишения, связанные с подпольной работой. Другим товарищам наверняка было гораздо труднее. И все же, как я уже упоминала, при встречах с мужем мы строго придерживались правил конспирации, стараясь встречаться как можно реже и на короткое время.

Особенно невыносимы были субботние и воскресные дни. Часто встречаться со своими товарищами, которые работали на предприятиях или в учреждениях и жили на легальном положении, — это значило подвергать их и себя неоправданному риску. Пойти прогуляться одной? Для молодой женщины это было небезопасно и привлекало к ней излишнее внимание. Поехать за город со своими хозяевами? Это также запрещалось. Поэтому я часто оставалась в квартире одна и читала книги, хотя нервы все время были напряжены. Постоянно прислушивалась, не стоит ли кто-нибудь за дверью, старалась не шуметь, даже не решалась что-нибудь готовить для себя. Ведь запахи могли выдать мое присутствие. Если хотелось кашлять, то прятала голову под подушку. Когда же появлялись хозяева, я очень радовалась, поскольку могла обмолвиться хоть парой слов.

Поэтому неизгладимым в моей памяти остался один из летних воскресных дней, который я смогла провести с Фрицем. Мы поехали на озеро Хольцернензее, куда в то время приезжало относительно мало отдыхающих. Однако этот день доставил нам немало тревог.

Спокойная водная гладь, летающие стрекозы, чьи кры-

лья в солнечных лучах переливались всеми цветами радуги, действовали умиротворяюще. Фриц был настолько усталым, что не смог бороться со сном и незаметно уснул. Я с нежностью рассматривала его лицо. Складки вокруг рта явились новостью для меня. Спал он беспокойно, временами вздрагивал и просыпался, но потом снова засыпал.

Солнце зашло за горизонт, но еще озаряло небо золотистыми лучами, как будто посылало свой последний привет. Я разбудила Фрица. Он очень расстроился оттого, что заснул и не смог побольше поговорить со мной.

— Не беспокойся! Ведь все равно же мы были вместе. Главное то, что ты немного отдохнул.

Мы отправились к вокзалу, а оттуда порознь поехали каждый к себе.

Когда я добралась до Эмзерштрассе, то не поверила своим глазам: навстречу мне шел Фриц.

— Что произошло? — спросила я, и сердце мое бешено забилось.

— Леа, за моей квартирой установлено наблюдение. К счастью, я своевременно заметил это.

— Что же мы теперь будем делать?

В первое мгновение я подумала о тетушке Минне и дяде Максе. Но был воскресный день и такое позднее время — уже пошел одиннадцатый час. В магазине наверняка никого не было. А где они жили, я не знала. Пойти к Паулю или Курту? Запасное время встречи давно прошло. Итак, что же делать?

— Будем эту ночь гулять по улицам, — предложил Фриц.

— Ни в коем случае, — категорически возразила я.

Оставалось лишь одно разумное решение. Мне следовало поговорить с Вилли и Кэте Штевин, а в это время Фриц должен подождать меня около Херманнплац.

Когда я вошла в квартиру, Вилли по выражению моего лица сразу понял, что что-то произошло. Я сообщила ему о случившемся. Кэте была не в восторге. Я тотчас же почувствовала это. И кто мог бы обидеться на нее за это? И все же Вилли согласился.

— Одну-две ночи еще можно. Но мы должны быть чертовски осторожны.

Я выскочила на улицу и привела Фрица в свою комнату.

Мы прилегли, но заснуть так и не смогли. Вскоре стало светать. Неожиданно за окном раздался поспеш-

ный топот сапог. Я встрепенулась, и Фриц, чтобы как-то успокоить меня, взял мою руку.

Шаги все приближались. В какое-то мгновение мне казалось, что мое сердце не выдержит всего этого.

Наконец шум шагов начал постепенно затихать, и я с облегчением вздохнула.

— Да, Леа. Неважные наши дела! — тихо промолвил Фриц.

МОЛОДЕЖНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В БАЙРЁЙТЕ

С 1 по 4 апреля 1933 года в Амстердаме при поддержке Коммунистического союза молодежи Голландии состоялось совещание руководящих деятелей Коммунистического союза молодежи Германии. Это совещание вошло в историю как конференция КСМГ в Байрёйте. В ее работе приняли участие около 40 делегатов. Руководил конференцией Фриц Гроссе — председатель ЦК КСМГ. В числе участников были члены Центрального Комитета союза и его сотрудники: Ульрих Брурайн, Адольф Бухгольц, Эрих Хонеккер, Эвальд Кайзер, Габо Левин, Леа Лихтер и Эрнст Вабра.

Большинство делегатов представляли подпольные молодежные организации из западных промышленных районов Германии. С докладом о положении в стране и задачах борьбы против гитлеровского фашизма выступил член Политбюро ЦК КПГ Вильгельм Флорин.

Если историку при освещении этого события можно опускать некоторые детали, то мне, Леа Лихтер, непосредственной свидетельнице, думается, будет дозволено рассказать о нем более подробно. Кстати, следует отметить, что этой конференции предшествовал пленум ЦК нашей партии.

Подготовка к каждой встрече такого уровня требует много сил, особенно в условиях нелегальной деятельности, когда тебя на каждом шагу подстерегает опасность. А заниматься приходится многим: найти и арендовать помещение для заседания, обеспечить делегатов ночлегом, питанием, транспортом, а также решить массу других мелких дел, которые трудно даже учесть.

По поручению ЦК Фриц и я начали эту подготовку в июне 1933 года.

В Амстердам мы поехали, разумеется, отдельно и с интервалом в один день: сначала выехал Фриц, а потом — я. Моего мужа снабдили новым фальшивым пас-

портом, который, надо отдать должное, был сработан мастерски. Вообще этим делом у нас занимались очень скромные, обладавшие большими художественными способностями товарищи. Работали они самозабвенно, не получая за это ни единого пфеннига.

И все же временами меня охватывала тревога. Человек есть человек. А что, если товарищ, изготовивший этот паспорт, вдруг упустил какую-нибудь деталь. При этих мыслях меня бросало в озноб. Забыв про свой атеизм, я начинала молить бога, чтобы он помог Фрицу благополучно пересечь границу.

«И о чем только не просят господа бога!» — ловила себя на грешной мысли, и мне становилось смешно от этого.

Поездка в Амстердам прошла гладко. Мы остановились у голландских коммунистов Хекстеров. Глава семьи работал в порту, а жена занималась домашним хозяйством. Их квартира, обставленная со вкусом, произвела на меня приятное впечатление. Она не была загромождена обилием мебели и безделушек, как это часто встречается в немецких домах. Особенно свободной и просторной была комната для приема гостей. Каждый чувствовал себя здесь уютно и непринужденно. Подобный стиль был свойствен многим голландским домам. Откуда это шло? Вероятно, от традиционного гостеприимства и благожелательности голландцев к людям всех стран мира.

Сам город выглядел прекрасно, особенно в предвечерний час, когда заходило солнце. Мне казалось, что я стою перед картиной Рембрандта. Лабиринт каналов разбивал Амстердам на бесчисленное множество маленьких островков, на которых стояли уютные домики. В городе были и типично пролетарские кварталы с характерной скученностью людей и нищетой. Там всегда пахло рыбой, подгоревшим маслом и бедностью.

В Голландии я почувствовала себя раскрепощенной. Здесь можно было громко говорить, свободно передвигаться. У Фридриха тоже поднялось настроение. Уже давно я не видела его таким оживленным, раскованным.

Амстердам не случайно был избран местом для проведения конференции. Многие голландцы работали в Германии, а немцы вели очень оживленную торговлю в близлежащих пограничных населенных пунктах. Все это создавало благоприятные условия для встречи и работы немецких антифашистов. Но в то же время необходимо было предпринимать строжайшие меры безопасности, по-

скольку для гестапо не представляло никакого труда заслать сюда своих агентов.

Помимо Фридриха за подготовку конференции в такой же степени отвечали секретари ЦК нашего союза Габо Левин и Эвальд Кайзер. Секретарь союза Эрих Юнгманн оставался в Германии и обеспечивал руководство подпольной деятельностью союза. Если бы в это время в какой-то организации произошел провал, он должен был отвести от нее удар, обеспечить переход некоторых товарищей на нелегальное положение и как можно быстрее поставить на их место новых надежных людей, чтобы подпольная борьба на предприятиях, в спортивных клубах, в лагерях трудовой повинности не прекращалась ни на минуту.

Немногословный Эрих Юнгманн надежно и умело руководил борьбой нашего союза. Он и сегодня еще принимает активное участие в общественной жизни республики. Вообще молодые коммунисты того времени сохранили и до сих пор юношеский пыл и задор, соединив их с богатым жизненным опытом.

Габо, умный, добрый, иногда слишком импульсивный человек, остался таким же и до настоящих дней. Таких, как он, не так уж много на свете. Габо всегда был беспредельно предан нашей партии и доказал это в самых сложных и трудных испытаниях. Стойко переносил тяжесть борьбы с нацизмом всегда спокойный и уравновешенный Эвальд. Ему тоже пришлось выполнять ответственные и сложные задачи, он никогда не пасовал перед ними.

Фридриху, Габо и Эвальду поручалось установить контакты с руководителями нашей партии и молодежного движения, находившимися в Амстердаме. Кроме того, они должны были собрать с мест все необходимые материалы, проанализировать их и подготовить доклад для конференции.

Я получила задание поехать в Париж и решить там с руководителями КПГ некоторые организационные вопросы, связанные с проведением конференции, а также передать материалы подготовительных заседаний.

Меня сопровождал энергичный молодой мужчина с респектабельной внешностью. На нем была черная дорожная кепка, темные роговые очки, слишком модный для его возраста пиджак и брюки гольф. Но больше всего привлекали внимание висевшие на его груди дорогой бинокль и фотоаппарат. Всем своим видом он производил

впечатление «молодого петушка, вышагивающего рядом с курочкой». От Фрица я знала, что это был очень надежный товарищ, который когда-то работал матросом на рыболовном судне и хорошо знал жизнь и людей. Говорили, что он даже написал книгу, кажется под названием «Промысловый бот—13».

На вокзале в Амстердаме было очень оживленно. Кругом звучала многоголосая разноязычная речь. Люди спешили, суетились, одни плакали, другие смеялись, иные даже ссорились.

Парижский вокзал Гар дю Нор поразил меня многоликой публикой. Здесь наряду с одетыми по последней моде европейцами встречались изящные японки в кимоно и с прекрасными прическами, алжирцы, марокканцы в фесках, которые несли на плечах или на головах ковры и свой багаж. Они были одеты в белые одеяния и расшитые рубашки, подпоясанные пестрыми поясами. Я старалась подолгу не задерживать своего взгляда на этих людях, чтобы не уподобляться ребенку, останавливающемуся на ярмарке перед каждым лотком.

Через связного я получила адрес Вильгельма Флорина, который отвечал в ЦК нашей партии за работу среди молодежи. Мы называли его «нашим представителем» в ЦК. Спокойный, рассудительный, он хорошо умел беседовать с молодыми людьми, очень любил их, и они платили ему тем же. На предстоявшей конференции Флорин должен был выступить с речью перед делегатами.

Он жил в предместье Парижа в небольшом, увитом плющом домике, окруженном садом. Я нажала на звонок, и через некоторое время в дверях появилась крупная красивая женщина. Она держалась свободно и непринужденно, ее большие карие глаза изучающе смотрели на меня.

— Меня зовут Лотти, я хочу видеть моего дядю, — тихо сказала я.

— Входите же! — пригласила она улыбаясь.

По произношению этой женщины можно было сразу сказать, что она жила в Кельне.

Мы вошли в комнату, где меня уже ждал Флорин. Сердце радостно забилось при виде его приветливой улыбки.

— Теперь приготовь нам кофе, Тереза, — обратился он к жене.

Беседа протекала непринужденно. Он говорил со мной так, будто мы были старыми, хорошими друзьями. Фло-

рин подробно расспрашивал об условиях нашей подпольной работы в Германии, его интересовала любая деталь. Жена его тоже участвовала в нашем разговоре. Передав все необходимые материалы, я сказала ему, что мне надо вернуться в Амстердам через три дня.

В эти дни я встретилась также и с Францем Далемом. Выглядел он элегантно, как типичный парижский служащий. Плоская белая соломенная шляпа канотье была надета несколько набекрень. Из верхнего кармана серого пиджака виднелся кончик носового платка. Первые фразы он произнес по-французски, которым он, уроженец Лотарингии, владел безукоризненно. Когда я медленно, с длительными паузами стала отвечать на его вопросы, используя свои скудные школьные знания, он терпеливо выслушал и, улыбаясь, все же похвалил меня за мой французский.

— Ты знаешь, один из курьеров арестован. Не могла бы ты помочь нам?

— Я постараюсь, хотя город знаю плохо. Ну а если и придется спрашивать, как мне проехать на какую-нибудь улицу, то, надеюсь, я смогу сделать это, — после некоторого смущения ответила я. — А спрашивать буду только в случае крайней необходимости.

Франц Далем улыбнулся.

— Тогда спрашивай у меня, как тебе пройти на улицу Рю-де-Кампань! — сказал он.

Так в течение двух дней мне пришлось работать курьером нашей партии в Париже. На третий день я уезжала. Вильгельм Флорин принес мне все необходимые для конференции документы. В моем чемодане не было ни двойного дна, ни двойной крышки — одним словом, никаких хитрых приспособлений. Материалы, которые я должна была доставить в Амстердам, были написаны на тонкой шелковой бумаге. Я легко свернула ее в небольшой рулончик, отделила кожаный слой от ручки чемодана и засунула его туда.

— Вот здорово, девочка! Такого я еще ни разу не видел, — понимающе оценил он мое изобретение и рассмеялся.

После возвращения я с Анни, голландской молодой коммунисткой, которая уже однажды встречала меня в Амстердаме, вплотную занялась поиском помещения для конференции. Через несколько дней нам наконец удалось арендовать небольшую пивную, где часто собирался простой люд, чтобы выпить пива или стопку шнапса и

закусить жареной рыбой. Во внутреннем дворике, скрытом от посторонних глаз небольшим садом, имелось несколько хозяйственных построек. Второй день заседаний мы решили провести на борту прогулочного катера, который достал для нас Ганс, муж Анни. На третий день, назначенный для прений по докладу, мы снова собирались в пивной. Для ночлега всех делегатов мы нашли надежные квартиры у наших голландских товарищей.

А как быть с питанием участников конференции? Вручить им деньги, чтобы они питались в недорогих ресторанчиках? Но у нас не хватало средств. Поэтому было решено закупить продукты и готовить еду в пивной. Все это поручалось мне и Анни.

Кухню я неплохо усвоила в детстве. Дело в том, что мои родители, а точнее, мать — отец к тому времени стал инвалидом — открыла маленький ресторанчик еврейских национальных блюд.

В 1926 году мать тяжело заболела, и мне пришлось вести дело. Благодаря советам матери, прикованной к постели, у меня получалось неплохо. Главное, что гостей не убавилось, а, скорее, даже прибавилось.

Однако предстояло еще обеспечить приезд делегатов на конференцию. Их надо было своевременно проинформировать, снабдить деньгами на проезд, если бы они оказались безработными или действовали в глубоком подполье. Что касается тех, кто еще находился на легальном положении, то с ними дело обстояло проще. Они могли купить туристическую путевку для поездки в Голландию. Гораздо труднее было с товарищами, работающими в подполье. Как им пересечь границу без документов? Этим должны были заняться Габо, Эвальд или Фриц, но на их плечи и так легло много забот. Кроме того, они осуществляли непосредственное руководство нашим союзом и рисковать ими никто не имел права. Стали обсуждать другие кандидатуры, и выбор пал на меня.

Я отправилась на одну из приграничных станций, где меня встретил голландский шахтер по имени Карл.

— Сейчас мы пойдем к моей матери. Вы отдохнете там, а после обеда я помогу вам перейти границу, — сказал он на хорошем немецком языке, правда с несколько гортанным акцентом, как говорят почти все голландцы.

Его мать уже ждала нас. В гостиной на столе стояли чашки для кофе. Я очень обрадовалась этому угощению в надежде, что оно поможет мне освободиться от нервно-

го озноба. Затем мать Карла проводила меня в спальню и сказала:

— Здесь ты наконец сможешь отдохнуть немного.

Я сразу же заснула и спала до тех пор, пока Карл не разбудил меня.

— Храни тебя бог, дитя мое! Будь счастлива! — пожелала на прощание мать Карла.

Мы быстро двигались к опушке леса. Посредине поля, на развилке проселочных дорог, Карл остановился и произнес:

— Дальше вы пойдете по этой дороге одна. За поворотом уже начинается граница. А вон за холмами виден ресторан. Там я и буду ждать вас. Поняли меня? — При этом он улыбнулся с такой искренностью и доброжелательностью, что я сразу перестала думать об опасности. — Ну а если вам кто-нибудь встретится на дороге, спросите только об одном: «Вам не встречался Карл?»

Но стоило мне остаться одной, как сердце снова тревожно забилось. Я пугалась каждого звука, каждого шороха в траве и поэтому старалась ускорить шаг. Наконец я добралась до ресторана. Из окон неслись звуки модной эстрадной музыки. Подойдя ближе, я заметила Карла. Мы вошли в зал, где около граммофона теснились подвыпившие мужчины, некоторые из них в военной форме, и модные девицы, ищущие приключений. Карл заказал мне кофе, а для себя — пиво. Мы немного посидели, а затем направились к вокзалу.

— Через четыре дня я буду ждать вас здесь, — сказал Карл, вручая мне билеты. — Желаю удачи!

Карла и его мать я запомнила на всю жизнь. К сожалению, мне не удалось выяснить, что с ними стало после войны. Все поиски, наведение справок оказались безуспешными. Мать Карла в моем представлении всегда ассоциируется с героиней известного романа М. Горького «Мать». Даже внешне она походила на нее. Хотя эта женщина и была неграмотной, она обладала острым классовым чутьем и очень гордилась своей принадлежностью к рабочему классу.

— Мой отец был шахтером, а теперь им стал и мой сын, — говорила она.

В Дюссельдорф я прибыла вечером. Там пересела на экспресс и поехала в Берлин. Моя поездка и на этот раз прошла благополучно.

По привычке я тут же пошла к тетушке Мипне, но жалюзи на окнах магазина были уже спущены. Верну-

лась к эсбану и поехала в направлении Шарлоттенбурга, где в небольшом кафе у нас с Куртом была запасная явка.

Курт явился в назначенное время. По его виду я поняла: произошло что-то неладное.

Он сообщил, что в последнее время гестапо резко усилило облавы, пытаясь любой ценой уничтожить коммунистов, и посоветовал мне временно выехать куда-нибудь из Берлина.

— Но мне очень необходимо встретиться с Руди Тунигом, — возразила я.

— Я потерял с ним контакт из-за провала связного.

Это было полнейшее фиаско! Не могла же я явиться без делегатов!

И здесь я вспомнила, что, провожая весной на родину Краснова и Прокофьева, мы вместе с Тунигом прошли часть пути до его дома. Где же это было, где?

Я металась в духоте пыльных улиц, стараясь восстановить в памяти тот маршрут. Наконец меня осенило. Да это же Бритц! Теперь найти нужный дом в этом поселке будет не так трудно. Но появляться там в послеобеденное время было бы опрометчиво. Поиск дома в эти часы мог бы привлечь внимание «милых» соседей. Лучше подождать часа пик, когда люди начнут возвращаться с работы.

Когда спала жара, я отправилась в Бритц. Бродить по его улицам долго не пришлось. Увидев табличку с надписью: «Туниг», я готова была прыгать от радости. Нажала на звонок. Дверь открыла Ольга, жена Тунига.

— Ах, Лотти, как хорошо, что ты пришла к нам! — воскликнула она и тотчас же втянула меня в квартиру.

— Мамочка, это наша тетя? — спросила тут же появившаяся ее маленькая дочь.

— Да, это твоя тетя.

— А ты мне что-нибудь принесла? — продолжал спрашивать ребенок.

— Я не знала, что купить тебе. Вот пойдем в магазин, и ты сама выберешь то, что тебе понравится.

Вскоре пришел Руди, и я все объяснила.

— Другого выхода нет. Спать будешь у нас. Особого комфорта предложить не можем. Пойдешь на встречу с человеком, которого ты хорошо знаешь, — сказал он улыбаясь. — На эту встречу должен был идти я. Но раз уж так получилось, пойдешь ты. На Клостерштрассе, у выхода из метро.

На следующий день в 11 часов я увидела поднимающегося вверх по лестнице Хенеля-энтузиаста. Заметив меня, он заулыбался. Обычно спокойный и сдержанный, он одним махом преодолел последние ступеньки, крепко обнял меня и приподнял в воздух.

— Никак не думал встретиться с тобой здесь.

Я сообщила Вальтеру дни работы конференции и попросила довести это до сведения пяти делегатов. Трое из них жили на нелегальном положении.

— В течение двух дней они должны добраться до Дюссельдорфа и выйти на эти явки, — закончила я деловую часть разговора и передала ему свиток шелковой бумаги, размером почти с сигарету. — Там им скажут, что делать дальше.

Это поручение для Вальтера Хенеля не было неожиданностью. Предварительную информацию о намечавшейся конференции, об организации поездки пяти делегатов и обеспечении их деньгами он получил своевременно.

Затем Хенель с глубокой печалью стал рассказывать об аресте многих наших товарищей. Со слезами на глазах он вспоминал об этих верных и прекрасных людях. Таким расстроенным я никогда не видела его. Взявшись за руки, мы молча шли по улице.

— Но всех они не убьют! Слишком руки коротки! — с решимостью сказал он, прежде чем мы расстались.

Все пять делегатов благополучно прибыли к назначенному месту. Было решено, что границу они будут переходить по одному. Я очень переживала за своих товарищей, волновались и они. При мысли о том, что когонибудь из них могут схватить, меня бросало в дрожь. Видя мое состояние, Карл попытался утешить меня.

— Держись спокойно, Лотти. Внушай себе, что все пройдет благополучно. Это помогает, — говорил он.

Я промолчала и только улыбнулась, понимая, как велико было напряжение.

Вздохнула с облегчением лишь только тогда, когда поезд с нашими людьми тронулся в Амстердам. Через некоторое время туда отправилась и я. Уже сидя в вагоне, я постаралась восстановить в памяти события последних дней. Было ясно, что борьба с нацизмом становилась все труднее и труднее, опасность подстерегала наших товарищей на каждом шагу. Однако при выполнении этого небольшого, но ответственного задания мы

постоянно, начиная с Дюссельдорфа, Берлина и кончая маленьким пограничным населенным пунктом, ощущали помощь и поддержку со стороны всех честных людей. Они помогали нам, не спрашивая ни о чем, делали это как нечто само собой разумеющееся. Я испытывала глубокую благодарность к Карлу за его стойкость и преданность великим идеям интернационализма.

Приближался день открытия конференции. Всех делегатов удалось надежно разместить среди друзей-единомышленников в Амстердаме. Теперь мы с Анни целиком занялись кухней, чтобы как можно лучше накормить наших товарищей. Когда они впервые увидели накрытые столы, то очень удивились такому сюрпризу, но потом заулыбались и с аппетитом стали поглощать приготовленные нами бутерброды, отпуская при этом щедрые комплименты в наш адрес. Анни и я тоже были довольны столь высокой оценкой наших кулинарных способностей.

Конференцию открыл Фридрих. В своей вступительной речи он призвал делегатов почтить память замученных нацистами немецких патриотов, вспомнить о пяти тысячах своих товарищей, томящихся в фашистских застенках.

— Как бы ни пытались фашисты скрыть следы преступлений, им никогда не удастся сделать этого. Об их злодеяниях будут свидетельствовать даже тюремные камни, обагренные кровью невинных жертв! — сказал он в заключение.

Прочувствованная речь оратора произвела сильное впечатление на делегатов. В зале на какое-то время воцарилась полнейшая тишина.

Затем Фридрих выступил с докладом. В нем он тщательно проанализировал сложные условия, в которых нашей партии и молодежному союзу приходилось бороться против фашистской диктатуры, и дал конкретные советы, как лучше организовать эту борьбу. Сейчас я, конечно, не могу подробно воспроизвести в памяти весь доклад, но четко помню, что одним из узловых моментов в нем был вопрос о формах и методах борьбы молодежи против фашизма и войны. Молодежным организациям на местах рекомендовалось шире использовать все легальные формы борьбы, вести активную разъяснительную работу в спортивных обществах, лагерях так называемой трудовой повинности, в христианских союзах. Короче говоря, быть всегда там, где есть молодежь. Конспирация не должна была вести к затворничеству и к изоляции от

жизни. В подтверждение своих мыслей докладчик приводил многочисленные примеры из истории борьбы большевистской партии в России. В сложившейся обстановке он призывал молодых коммунистов сосредоточить свои усилия на разоблачении социальной демагогии фашизма.

После доклада начались прения. Первой выступила товарищ Герда, представлявшая Рейнско-Рурскую область.

— Я не смогла бы прожить и дня, если бы не поддержка и солидарность рабочих. Они дают мне кров, поддерживают материально, хотя далеко не все из них являются членами Коммунистической партии. Среди них есть даже и католики.

В зале прошло оживление.

— Да, католики тоже! — продолжала Герда после паузы. — Они против Гитлера, и поэтому мы должны объединиться с ними в борьбе против фашизма, довести до их сознания, что без единства действий, как говорил об этом товарищ Фридрих, нельзя победить фашизм. Мы часто встречаемся с молодыми католиками, они предоставляют в наше распоряжение свои помещения. Речь здесь идет не о дискуссии с ними о существовании бога или о превращении христиан в марксистов, а в первую очередь — о том, чтобы сделать их нашими союзниками в борьбе против общего врага. В этом я целиком и полностью согласна с товарищем Фридрихом. Мы разъясняем молодым католикам, что лагеря трудовой повинности созданы нацистами прежде всего для воспитания молодого поколения в духе милитаризма и подготовки его к войне. Мы обговорили с ними круг вопросов, по которым можно прийти к взаимному соглашению, и они, чувствуется, проявили в этом искреннюю заинтересованность. У этих молодых людей наблюдается большой интерес к Советскому Союзу.

Мы не можем, не имеем права ослабить их интерес к себе, разочаровать в чем-то. Наш долг — доказать то, что сказал Тельман: «Гитлер — это война».

Затем поднялся делегат от Рейнской области. Обрамленное пышной копной темно-русых волос, его красивое лицо со светлыми глазами выделялось свежестью летнего загара. Говорил он на берлинском диалекте.

— Мы собрались, чтобы обсудить и наметить совместные действия всех антифашистских сил для борьбы против гитлеровского фашизма. Мы, например, уже составили листовку, которая разоблачает демагогическое тре-

бование нацистов «Долой кабалу!». Эта листовка имела большое воздействие. С помощью мужественных молодых католиков мы смогли распространить ее на больших предприятиях и шахтах.

В это время дверь в зал тихо раскрылась, и туда вошли товарищи Габо и Флорин. Многие лично знали последнего и очень бурно приветствовали гостя. Каждый старался пожать ему руку и поближе сесть к нему. Только один замолкший оратор по имени Франц держался в стороне. Он стоял у стены и, склонив голову, о чем-то задумался. На лице застыла растерянная улыбка. Мне это сразу бросилось в глаза, и я подумала, как же он теперь не похож на того энергичного, жизнерадостного, родившегося в центре Берлина парня, за которым бегали все девушки.

Через несколько минут прения возобновились. После Франца слово взял Рауте, прозванный нами Цыганом за его черные как смоль волосы и темперамент, которого бы хватило на трех настоящих цыган. Это был высокий, стройный молодой человек с красивым высоким лбом и не менее прекрасными темными выразительными глазами. Я знала Рауте еще с времен работы в молодежной организации в Хемнице. Однажды он так энергично пожал мне руку, что я чуть не свалилась с ног от боли.

— Девочка, а ты даже и не вскрикнула, — с уважением заметил он.

Рауте непримиримо относился к социал-демократам и даже в мыслях не допускал возможности каких-то совместных действий с ними для защиты интересов рабочего класса. Однако сейчас, когда я услышала его призыв объединиться с членами Союза социалистической рабочей молодежи, я не поверила собственным ушам.

— ...Ведь им долго и постоянно внушали искаженное представление о нас. Да и мы вели себя с ними не всегда корректно. Каких только кличек и ярлыков мы не навешивали на них! — отмечал он в своем выступлении.

Вечером, перебирая в памяти события первого дня работы конференции, я сказала Фрицу:

— Как Рауте изменился, он заметно повзрослел и идейно вырос. Но думаю, что его темперамент нисколько не уменьшился.

Да, он боролся с фашизмом с присущей ему страстностью, энергией и геройски погиб в этой борьбе...

Затем слово взял другой товарищ. Он был невысокого роста, блондин. Я не знала его.

— То, что здесь говорилось о молодежном социалистическом союзе рабочих, — верно! — решительно произнес он. — Например, в Лейпциге многих из них нам удалось привлечь на свою сторону. То же самое можно сказать и о молодежи из Социалистической рабочей партии[1]. Наша борьба имеет широкое поле деятельности. Это, если хотите, салоны богатой буржуазии и лачуги бедняков, деревенские домишки и роскошные загородные виллы. Политическую работу мы должны вести всюду, но обязательно проявлять осторожность и бдительность. Содержание и формы классовой борьбы в зависимости от обстановки могут меняться иногда стремительно, и мы обязаны поспевать за этим, уметь своевременно перестраиваться. Иначе нам и дальше придется за свои ошибки расплачиваться собственными жизнями.

Все делегаты очень внимательно слушали этого оратора. Чувствовалось, что говорил человек знающий и обладающий опытом политической борьбы. Это выступление заинтересовало и Вильгельма Флорина, он время от времени делал заметки для себя.

Около двух часов был объявлен перерыв на обед, который прошел очень весело. А когда на десерт мы подали груши и кофе, это вызвало всеобщее ликование.

— Девочки, вы организовали все прекрасно. Большое спасибо вам! — сказал в заключение Флорин.

— Да, это правильно! — поддержал его один из делегатов. — Они понимают, что путь к сердцу солдата лежит через желудок! Если бы ты, Леа, была свободная, я тотчас же на тебе бы женился.

— И всего лишь за понравившиеся тебе макароны. Однако же немного тебе надо!

Все засмеялись.

Затем Вильгельм Флорин стал рассказывать о том, как он в первую мировую войну, во время французской оккупации Рура, занимался подпольной деятельностью, о том, как ему и его товарищам приходилось тяжело зарабатывать на хлеб насущный. Одно время он даже был шарманщиком. Делегаты с интересом слушали своего старшего товарища, говорившего на мелодичном кёльнском диалекте.

---

[1] Социалистическая рабочая партия в 1931 году путем отделения от Социалистической партии Германии создала собственную организацию. Она придерживалась «теории моста», то есть рассматривала себя связующим звеном между КПГ и СДПГ. — *Прим. авт.*

На следующий день участники конференции в сопровождении гостеприимных голландских друзей направились к пассажирскому причалу и сели на зафрахтованный Гансом катер. После прихода Вильгельма Флорина все спустились в трюм, и катер медленно отчалил от берега, направляясь в одно из ответвлений канала, по обеим сторонам которого раскинулись напоенные влагой луга. По мере удаления от города взору открывалась живописная даль полей и спокойная гладь морского простора.

Мы с огромным вниманием выслушали яркую и содержательную речь Вильгельма Флорина. И каждый из нас надолго запомнил его советы и рекомендации.

— Если партия и молодежный союз хотят выжить, — говорил он, — они должны идти в любую организацию, где есть трудящиеся массы, к примеру в Рабочий фронт [1]. Мы не должны забывать и о «Гитлерюгенде» и с разрешения руководства смело вступать в эту организацию, чтобы проводить там политическую работу. Молодежь в своем большинстве стремится к социальной справедливости. Гитлер, хоть и мечет гром и молнии против так называемой плутократии, но в то же время он заискивает перед ней. Поэтому надо разъяснять народу, что лучшими друзьями Гитлера являются промышленные и финансовые магнаты Рёхлинг, Маннесманн, Кирдорф, Крупп. Скажите молодым людям: пусть они внимательно и критически смотрят кинохронику недели. Ведь в ней наглядно показывается, как трогательно эти воротилы опекают нацистов. Они, взявшись под ручку, всегда гуляют по парку и мило беседуют о том, как окончательно уничтожить в стране оппозицию, выступающую против подавления демократии, гражданских свобод и против нацистских планов подготовки к войне. Всегда ищите подходящие моменты для беседы с отдельными членами «Гитлерюгенд». Особенно с теми из них, кто принадлежит к рабочим семьям. Я слышал, что многие члены спортивного общества «Фихте» активно поддерживают нас, и мы должны широко использовать это.

Разумеется, я привожу содержание речи Флорина по памяти, поскольку по соображениям конспирации никто

---

[1] Рабочий фронт — официальная организация рабочих и служащих в фашистской Германии. — *Прим. пер.*

из нас не имел права делать каких-либо записей или пометок. Вероятно, некоторые читатели спросят: «А что здесь, собственно говоря, нового? Ведь сейчас многие действующие в подполье партии так и поступают». Это верно. Но для нас, молодых коммунистов, привыкших тогда только к легальным формам борьбы, таким, как стачка или политическая демонстрация, переход на нелегальное положение казался необычным и сложным: требовалось по-новому организовать свою деятельность, пересмотреть свое отношение к другим массовым молодежным организациям, чтобы привлечь их к совместной борьбе против фашизма.

В то время большинство европейских коммунистических партий добивались в своих странах создания Единого народного фронта. Международное коммунистическое движение меняло свою тактику в соответствии с новыми задачами. Надо было объединить всех тех, кто мог выступить против нависшей фашистской опасности и угрозы новой мировой войны. Теперь линия на непримиримую борьбу с соглашательской политикой социал-демократов и других оппортунистов нуждалась в пересмотре. Политика создания Народного фронта проводилась под лозунгом борьбы за мир, труд и хлеб. На VII конгрессе Коминтерна Георгий Димитров и представители других партий внесли большой теоретический вклад в разработку проблем Народного фронта.

После выступления Вильгельма Флорина мы вышли на палубу. Небольшие волны тихо покачивали наш катер. В чистом небе с криком носились чайки. Солнце ослепительно ярким светом играло на морской глади. Все мои товарищи стояли молча. Чувствовалось, что они старались глубже осмыслить поставленные Флорином задачи.

Вечером Вильгельм Флорин выехал в Париж, а Габо, Эвальд и Фридрих должны были встретиться с каждым делегатом на квартире Анни, чтобы детально обсудить план организации антифашистской деятельности на местах. Сопровождать этих товарищей было поручено мне.

Когда настала очередь Франца идти на беседу, он очень разволновался. Наш Испанец, как мы звали его, по-прежнему выглядел подавленным и совсем не был похож на того веселого и жизнерадостного человека, каким

все знали его. А не спросить ли его о причине такого настроения? Или пусть поинтересуются этим мои старшие товарищи? А вдруг он появится перед ними с нормальным выражением лица? А может быть, это вовсе не должно быть моей заботой? Вероятно, это должно интересовать только наших ответственных, руководящих товарищей. Но что значит быть ответственным? Разве и на мне не лежит такая же ответственность?

Я не могла решить для самой себя, как мне следует поступить здесь.

— Франц, что тебя беспокоит? — наконец решилась я и спросила. — Тебя просто не узнать. Я не хочу быть навязчивой, но все же в таких случаях надо выговориться до конца, и на душе сразу станет легче.

— Ты права, — сказал он взволнованно и положил руку на мое плечо.

И вдруг его прорвало. Заговорил он быстро, невнятно. Загорелое лицо покрылось пятнами, глаза заблестели, а его рука нервно вздрагивала у меня на плече.

— Я боюсь! Да, мне страшно! Не хочу больше возвращаться в Германию! В Париже у меня есть хорошо обеспеченные родственники, они позаботятся обо мне...

Был ясный, солнечный день, все изнемогали от жары, а меня стало знобить, холодный пот заструился по телу.

Что же мне делать дальше? Попытаться убедить Франца не совершать такого поступка? Однако подпольная борьба диктует свои законы. Предположим, что мне удалось бы образумить этого человека, но кто тогда мог бы гарантировать его надежность в будущем? Нет, конечно, никто! Ведь им снова может овладеть страх, и он дезертирует. Ради безопасности других товарищей с ним следует поступать беспощадно и исключить из своих рядов.

В детстве, когда мать рассказала мне сказку о Гансе, который продал душу черту, я спросила ее: «Что же за человек этот Ганс?!» Мать ответила: «Он ничего не видел, кроме себя».

Франц уже заключил такой союз с дьяволом, и поэтому не было смысла вступать с ним в дискуссии.

Теперь я успокоилась и медленно сказала:

— Франц, это хорошо, что ты открылся мне, а значит, и всем нам. У тебя, кажется, сдали нервы. Принимай предложение родственников и поезжай к ним. Пройдет какое-то время, и ты сам решишь, как быть тебе

дальше. Захочешь — мы сможем встретиться. Согласен?

Он молча кивнул. Прядь волос упала на лоб.

— Франц, давай увидимся еще раз до моего отъезда. Ты отдашь мне все свои документы. Зачем отягощать себя, — осенило меня сказать ему в последний момент.

Он помолчал мгновение, а потом ответил:

— Да, ты права. Но как это сделать? Я ведь хотел уехать сегодня ночным поездом в Париж.

— Ну что же тебе сказать? Мне тоже предстоит на днях поездка в Париж. Я навещу тебя там и заберу документы.

Он оставил мне адрес, и мы простились. На квартиру к Анни я направилась только после того, как полностью убедилась, что Испанец не следует за мной.

Эвальд, Габо и Фридрих уже ждали меня, и я сразу рассказала им о случившемся. Все трое лишь переглянулись и некоторое время сидели молча. Затем Фридрих поднялся и заходил по комнате, будто мерил ее шагами.

— Как иногда человек может подвести всех!.. — повторил он несколько раз. — Да, типичный обыватель! Заторопился спасаться от террора третьего рейха.

Он действительно поставил нас в трудное положение. Но это все же лучше, чем если бы он исчез, не предупредив никого, говорили Габо и Эвальд.

Позднее Испанец, между прочим, превратился в преуспевающего предпринимателя.

Это происшествие очень огорчило всех. Ведь предателем оказался один из тех, кого до сих пор мы считали надежным человеком. А не слишком ли жестоко мы осуждали Франца? Ведь подпольщик ежедневно подвергался смертельной опасности. Ему приходилось все время скитаться, недоедать, жить под чужим именем, когда гестаповцы на каждом углу устраивали облавы. Конечно, не всякий мог вынести это. И все же мне было непонятно, почему Франц с такой легкостью отбросил то, во что он раньше свято верил, забыл про идеалы, за которые он клялся бороться. Ведь с приходом к власти Гитлера руководство КПГ и КСМГ сразу же предупредило своих членов о том, что в стране против коммунистического и рабочего движения будет развязан невиданный террор, и поэтому каждому предлагалось честно решить для себя вопрос, сможет ли он продолжать борьбу в таких условиях или нет. Многие люди остались верны своей клятве и до конца героически боролись с фашизмом. Однако были и такие, кто не выдерживал террора и прекращал

борьбу. Так поступил и Франц-Испанец. До сегодняшнего дня я не могу простить его за то, что он предал нас тогда.

НЕЛЕГАЛЬНО В ПАРИЖЕ

После конференции я сопроводила делегатов к Карлу, и он снова переправил их через границу. А мне пришлось еще побыть некоторое время у него в деревне, пока не пришла телеграмма: «Мы здесь нашли работу». Это значило, что мои товарищи благополучно прибыли домой.

В нашей нелегальной прессе было опубликовано сообщение о Байрёйтской конференции. Говорилось об этом и в распространенных нами листовках. Гестапо изо всех сил старалось схватить кого-нибудь из участников этой конференции. Оно резко увеличило число облав в общественных местах и на транспорте, усилило слежку за «неблагонадежными» и хватало людей по малейшему подозрению в нелояльности к новому режиму.

В связи с этим партия приняла решение не посылать Фридриха в Германию, а направить его в Париж. Он должен был оставаться там до тех пор, пока обстановка в стране не станет более спокойной. Связь с Берлином поручалось обеспечить мне.

В то время во Франции, особенно в Париже, скопилась огромная масса эмигрантов. В поисках работы и хлеба они кипели здесь как в котле. Очень много находилось в стране голодных алжирцев, приехавших на заработки или для сбыта ковров ручной работы. Теперь сюда хлынул поток беженцев из Германии. Французская полиция внимательно следила за эмигрантами, а нацисты, используя их бедственное положение, стремились морально сломить некоторых из них и превратить в жалких, покорных слуг. Поэтому мы, жившие в Париже нелегально, обязаны были проявлять чрезвычайную осторожность и бдительность.

Для нас меры предосторожности начинались уже с одежды. Ведь подпольщик не должен был ничем выделяться среди окружавших его людей. Следовательно, в этих условиях не могло быть и речи о какой-либо погоне за модой.

— Твой костюмчик сойдет еще у нас, но для Парижа не подходит. Отправляйся в ателье мадам Ре Рихтер, чтобы она нашла для тебя соответствующее одеяние, —

сказал при встрече Франц Далем, окинув меня критическим взглядом.

Ре Рихтер, насколько я знаю, родилась в Мюнхене, но уже давно переехала в Париж и обслуживала здесь лучшие дома. Но самым главным было то, что эта умная, очаровательная женщина самоотверженно поддерживала нас, антифашистов.

Наша первая встреча живо сохранилась в моей памяти. Мадам Ре была занята разговором с одной из клиенток, когда я вошла в салон. Она сразу посмотрела в мою сторону, и я увидела перед собой высокую женщину с выразительными глазами и темными волосами, гладко зачесанными назад и открывавшими красивый чистый лоб. Я осмотрелась вокруг. Мебель, стены, большие зеркала — все это было выдержано в бело-золотистых тонах. Наверх вела винтовая лестница.

Наконец клиентка покинула ателье, и передо мной предстала приветливая, несколько застенчивая женщина. Я протянула ей открытку от Франца Далема. Она обняла меня и увлекла за собой к винтовой лестнице. Там, наверху, мадам Ре без особых церемоний перешла на «ты».

— Садись! Сначала мы поедим и выпьем кофе, — сказала она на ярко выраженном баварском диалекте. — У меня есть кое-что для тебя. — И она окинула меня испытующим взглядом. — Ты нисколько не будешь выделяться на общем фоне, хотя ты и так выглядишь очень мило.

Мы приступили к священнодействию примерки. Костюм цвета бордо. Ничего более элегантного я не видела в жизни. После того, как мадам Ре несколько убавила в талии жакет и чуточку ушила юбку, костюм стал сидеть на мне идеально. Затем из того же самого материала она смастерила маленькую шляпку.

— Как ты все это находишь? — спросила она, поставив меня перед зеркалом.

От восторга я потеряла дар речи. Неужели это я? Возможно ли такое превращение?

— Сколько же это все стоит? — опомнившись, спросила я.

— Пусть это останется моей тайной, — скромно ответила Ре. — В конце недели зайди еще раз. У меня найдется еще что-нибудь для тебя.

Я вышла от мадам Ре, думая, что каждый встречный будет смотреть на меня. Но никто из прохожих не ог-

лядывался. Искусство Ре превратило меня в типичную парижанку.

Теперь я могла без особых тревог и волнений направиться по поручению Франца Далема к назначенному месту встречи.

— Завтра, в двенадцать часов, ты отправишься на площадь Вандом. В большом ресторане встретишься с человеком, с которым ты еще лично не знакома, но он тебе, конечно, известен. Это совершенно точно, — сообщил мне Далем, особо подчеркнув интонацией последнее слово.

Я пересекла площадь и направилась к старинному внушительному зданию. Здесь любил бывать, как рассказывали мне, сам Вольтер.

«Кто же меня там ждет?» — спрашивала я себя.

Подойдя к ресторану, я увидела через открытые окна зажженные хрустальные люстры, хотя улицы были залиты ярким солнечным светом. Их огонь весело отражался на полированных деревянных стенах с шахматным орнаментом. С замиранием сердца вошла внутрь зала. Люди разговаривали здесь слегка приглушенным голосом. Мои ноги утопали в мягких темно-красных коврах. Я замедлила шаг, чтобы лучше осмотреться вокруг. Наконец разглядела знакомое лицо: торчавшие ежиком седые волосы, широкий лоб и улыбающиеся глаза.

Неужели это Вильгельм Пик? Он опознал меня по букетику фиалок, который я бережно сжимала в руке. Мы поздоровались, и я почувствовала, что краснею как мак от смущения.

— Меня зовут Лотте, — представилась я.

Товарищ Пик приветствовал меня так мило и непринужденно, что сидящие вблизи наверняка приняли его за моего отца.

— Ты можешь заказать обед на французском языке? — тихо спросил Вильгельм Пик.

Я сделала заказ. Официант обслуживал быстро и молча, с точным соблюдением всего церемониала. Мне никогда еще не приходилось видеть такого священнодействия в приготовлении и подаче блюд. Все это происходило торжественно, выполнялось тщательно и, я бы сказала, даже с большой любовью.

Несмотря на доброжелательность Вильгельма Пика и уютную атмосферу ресторана, я чувствовала себя очень скованно, постоянно опасаясь забыть или сделать что-нибудь не так. Товарищ Пик был тогда уже известным

политическим деятелем, и мы, молодежь, восхищались им. Он был соратником Карла Либкнехта и Розы Люксембург, являлся одним из основателей и руководителей нашей Коммунистической партии.

Признанный лидер рабочего движения, человек с большим международным авторитетом, он жил во Франции в условиях глубокого подполья. Ему приходилось спасаться не только от гитлеровских головорезов, но и от французской политической полиции, которая пристально следила за деятелями международного рабочего движения.

Каждый раз, вспоминая о своей первой встрече с Вильгельмом Пиком, я не перестаю восхищаться этим человеком, его необыкновенной манерой беседовать с людьми и умением направлять их работу. Давая мне поручение, он, несмотря на свою огромную занятость, нашел время подробно поговорить со мной обо всем. Вильгельм Пик не смотрел на меня как на простого исполнителя, письмоносца, он хотел, чтобы я внутренне убедилась в необходимости и значимости выполняемого задания, осознала взаимосвязь его в масштабе общего большого дела. Мне предстояло выполнить несложное поручение — договориться с Рут Фишер о встрече с товарищем Пиком. Однако он прекрасно понимал, какую реакцию вызовет у меня, еще молодой и довольно неопытной подпольщицы, упоминание этого имени.

Рут Фишер, занимавшая несколько лет один из руководящих постов в КПГ, проводила ультралевую, сектантскую политику, которая наносила нам большой вред. За это в 1926 году ее исключили из партии. Однако она не прекратила своей враждебной деятельности и использовала любой повод, чтобы дискредитировать нашу партию.

Товарищ Пик очень подробно разъяснил мне необходимость создания широкого фронта антифашистской борьбы.

— Сейчас самое главное состоит в том, чтобы собрать воедино все антигитлеровские силы, даже если среди них и будут наши политические противники, — говорил он.

— Но враг всегда останется врагом!.. — выпалила я и тут же пожалела об этом.

Какой-то внутренний голос подсказал мне, что я веду себя неправильно и могу создать о себе плохое впечатление. Ведь в условиях подполья много говорить и задавать лишние вопросы ни в коем случае не следует.

Вильгельм Пик посмотрел на меня с улыбкой:

— Разве мы хотим превратить промышленных магнатов и торговых воротил в коммунистов? Да нет же, конечно! Или, скажем, пасторов и капелланов? Но некоторые из них выступают против Гитлера, и мы должны использовать это, привлекать их на свою сторону в качестве союзников. Понимаешь?

— Все ясно, но как-то это сразу не укладывается в голове... Разумом принимаешь, а сердцем противишься.

— Ну, это уже лучше. Но только не забывай постоянно вести работу среди антифашистски настроенных людей и делай все возможное, чтобы побудить их к активной борьбе с фашизмом.

Я вспомнила о конференции в Байрёйте. Разве не те же самые вопросы были поставлены и там?

Вильгельм Пик продолжил нить начатой мысли:

— Теперь понимаешь, Лотти, почему я хочу послать тебя к Фишер? Ведь сегодня и за ней стоят некоторые люди, а это тоже имеет значение.

— Но ведь я незнакома с ней.

Мое замечание прозвучало, видимо, не слишком убедительно, и Вильгельм Пик, желая загладить мою неловкость, с улыбкой сказал:

— Да эту женщину трудно не заметить.

Я встретилась с Фишер на мосту в центре Парижа. Вильгельм Пик был прав. Мне не составило особого труда узнать ее по чрезмерно тучной фигуре. Облокотившись на перила, она спокойно поджидала меня. Я передала ей необходимую информацию и, стремясь избежать каких-либо вопросов, поспешила попрощаться с ней.

К сожалению, ни горький опыт времен фашизма, ни трудные годы эмиграции не помогли Рут Фишер отойти от своих ошибочных взглядов и представлений.

Однажды после очередного утомительного дня я возвращалась домой. У двери нашей квартиры меня уже ждал Фриц. По его виду я поняла, что он озабочен чем-то. Но чем? Первой не решилась спросить.

— Леа, я возвращаюсь в Берлин, — произнес он после недолгого молчания.

Эти слова были сказаны спокойно, без тени волнения на лице. Затем он, расхаживая по комнате взад и вперед, стал говорить о своей предстоящей деятельности в Германии, о том, что он усилит политическую работу

прежде всего на больших промышленных предприятиях, в лагерях трудовой повинности и в организациях «трудового фронта».

— Именно здесь необходимо создавать разветвленную сеть подпольных групп из самых надежных людей, поддерживать постоянную связь с ними, вести разъяснительную работу среди рабочих и разоблачать нацистскую ложь о достигнутом «единстве народа». Я считаю, что огромную роль в разоблачении фашизма сыграет Георгий Димитров. Фашисты ведут себя так, словно они уже выиграли этот процесс... А ты, Леа, будешь помогать мне отсюда!

И он посмотрел на меня с таким безграничным доверием, что на душе сразу стало как-то теплее. Но в тот же миг меня охватил страх за него. Однако я не подала виду и как можно спокойнее спросила:

— Когда же ты уезжаешь?

— Завтра...

— Так скоро?

— Леа, до отхода поезда осталось еще целых двадцать часов. Подумай только: двадцать раз по шестьдесят минут! А если перевести это время в секунды?

Мой муж будет со мной еще двадцать часов! А потом снова разлука. И так будет все время, пока идет эта смертельная схватка с фашизмом, полная тревог и опасностей. Да, жизнь подпольщика — не для романтиков, она требует всего человека. Чувство страха не раз овладевало нами, и мы должны были побеждать его ради самой жизни.

Мы вышли из дома. Я оделась в самый лучший наряд своего скромного гардероба. На метро добрались до Елисейских полей. Здесь был совсем другой мир. В наступающей темноте вспыхивали светом уличные фонари. У дверей ресторанов стояли в роскошных ливреях швейцары, готовые в любой момент оказать услугу подъезжавшим на машинах элегантным дамам и господам. Я с интересом наблюдала за всем этим, и мне казалось, что я смотрю какой-то спектакль в театре.

Фридрих держал меня под руку и тоже почти все время молчал. Я чувствовала, что все его мысли были заняты планами предстоящей работы в Берлине. Он любил людей, и борьба за достойную для них жизнь была внутренней потребностью его души. Поэтому грозившую ему в Германии опасность он воспринимал не так тягостно.

Мы проголодались, но наш кошелек для ресторана на Елисейских полях был слишком тощ. Решили поехать в направлении Бют Шомон, где разместились несколько маленьких уютных кафе, в которых можно было вкусно и не очень дорого поесть. Там часто собирались артисты и художники.

Потом мы медленно бродили по улицам, наслаждаясь освежающей прохладой ночи и любуясь бледно-желтой луной. Наконец, усталые, мы пришли домой, широко раскрыли окно и просидели около него всю ночь.

— Если я погибну, Леа, не плачь по мне. Продолжай бороться за нас двоих. Мы должны отдавать себе отчет в том, что это может случиться в любой момент.

— Я не стану плакать, обещаю. Но буду мстить фашистам всюду, пока бьется мое сердце.

Мне нельзя было провожать Фрица на вокзал. Мы молча спустились по лестнице и перед выходом из дома крепко обняли друг друга. Фриц ушел, а я еще долго стояла у дверей.

ДЕНЬГИ ДЛЯ «ЮНГЕ ГАРДЕ»

К счастью, последующие дни были полностью заполнены работой и времени для личных переживаний совсем не оставалось.

Вот и сейчас я пришла на очередную встречу с Францем Далемом. Он посмотрел на меня изучающим взглядом, словно ожидая, не буду ли я жаловаться на свою судьбу. Я даже разозлилась на него, но тут же подумала: окажись я на его месте, поступила бы так же.

— Товарищ Далем, у нас нет денег для выпуска следующего номера «Юнге Гарде». А в нем мы собираемся сообщить о процессе над Георгием Димитровым, — перешла я сразу к делу, стараясь не проявлять своих чувств.

— Господи! — произнес он задумчиво. — Надо достать их... Слушай, сходи к мадам Ре. У нее ты сможешь познакомиться с одним известным пацифистом Солто. Он, кажется, австриец, уже долгое время живет во Франции и имеет широкие связи среди интеллигенции. Думаю, что он сможет помочь найти деньги. Если Солто попросит выступить перед его знакомыми, заранее обдумай, о чем ты будешь говорить. Все будет зависеть от того, какое впечатление ты произведешь на них. Будут

затруднения — приходи, мы обсудим. Желаю успеха! — закончил он и протянул руку для прощания.

Оставшись совсем одна, я вдруг испугалась и почувствовала даже колики в животе. Держать речь перед такой аудиторией — это большая ответственность. Очень расстроилась, что со мной не было Фридриха, а советоваться с Францем Далемом стеснялась: он часто бывал резковатым.

Мне пришла мысль встретиться с Артуром Беккером, членом Центрального Комитета нашего союза. В течение многих лет он избирался секретарем ЦК КСМГ и был членом Исполкома КИМа. Мы долгое время работали вместе. Он, конечно, поможет мне, и я как-то немного успокоилась. Все же как это важно, когда есть с кем посоветоваться. Ты сразу обретаешь уверенность в себе, начинаешь спокойно рассуждать.

У мадам Ре ко мне подошел мужчина средних лет, брюнет с зачесанными на пробор волосами и широким лбом. Большой рот и маленький нос придавали его лицу несколько комическое выражение.

— Так вот она, наша молодая коммунистка! — обратился он без обиняков. — Послезавтра мы встретимся возле Порт д'Иври. Я зайду за вами, фрейлейн Лотте. Только скажите мне куда? Я приглашаю вас на ужин. Среди гостей будет известный актер Шевалье, а также другие интересные люди. Поделитесь с ними личными впечатлениями о положении в Германии. Для них это будет интересно.

Затем мы заговорили о процессе над Георгием Димитровым. И когда я сказала, что Димитров является одним из самых образованных людей, с которыми я встречалась, это вызвало искреннее удивление у Солто.

— Вы действительно его знаете? — спросил он, все еще не веря мне.

— Да, я познакомилась с ним в Москве, в тысяча девятьсот тридцатом году, когда впервые приезжала в Советский Союз.

— Об этом вы должны непременно рассказать нам!

Мадам Ре примерила на меня «скромное», как она выразилась, выходное платье с короткими рукавами, большим декольте на спине и узким поясом. На ярко-желтой набивной ткани искусно вырисовывались изображения персиков. Я не узнала себя в этом платье.

— Вот увидишь, как станут раскошеливаться эти господа, когда ты появишься перед ними в этом наряде, — серьезно заметила она.

Усталая, но внутренне уже спокойная, я направилась домой, думая о Георгии Димитрове, об этом жизнерадостном, очень умном и серьезном человеке. Да, уже прошло три года с тех пор, как я познакомилась с ним, а мне временами казалось, что минула вечность. Я вспомнила о Москве, ее Тверской улице (ныне улица Горького), гостинице «Люкс» с полированными застекленными дверями, около которых стояла улыбающаяся Кэти и разговаривала с каким-то человеком. Она подала мне знак, чтобы я подошла ближе, и познакомила меня с ним. Это был Георгий Димитров. Они продолжали весело говорить на русском языке, которого я еще не знала.

— Кэти не хочет приглашать меня на чай. Замолвите, пожалуйста, за меня словечко! — обратился он ко мне на немецком языке.

— Это я могу. Но поможет ли оно?

— Вот вы уже и помогли!..

Мы договорились после обеда встретиться у Кэти за чаем. Я принесла варенье из клюквы и мелко натертой моркови.

Я с интересом слушала рассказ Димитрова о Болгарии, о ее прекрасном народе, который нещадно эксплуатировали и грабили царь и его прислужники; о табачных плантациях, где люди изнемогали от непосильного труда, умирали от голода и туберкулеза; об антифашистском Сентябрьском восстании в 1923 году. Тогда Димитрова, как одного из руководителей восстания, приговорили к смертной казни, но об этом он в нашей беседе умолчал...

Настал день, когда мне надо было ехать на званый ужин. Солто, как мы договорились, ждал меня у станции метро. В связи с предстоящим визитом я купила и новые туфли. Во время примерки в магазине мне показалось, что они вполне подходят мне. Но вот теперь, при ходьбе, выяснилось, что правая туфля жала.

«Поскорее бы сесть!» — подумала я.

Наконец мы вошли в старинный фешенебельный ресторан. Между столами были расстелены темно-красные ковровые дорожки, красивые хрустальные люстры освещали зал мягким, равномерно рассеянным светом. Мы подошли к одному празднично накрытому столу, за которым сидели около двадцати пяти человек.

— Старайся все замечать, запоминай имена. Сама говори мало, пусть больше говорят другие, — прошептал мне на ухо Далем, прежде чем я расположилась за столом.

Я улыбнулась в душе. Он советовал почти то же самое, что и моя мать, когда впервые отпускала меня на вечер танцев.

Я села между Солто и каким-то старым господином, у которого время от времени, как у куклы, поднимались и опускались тяжелые веки. Он постоянно улыбался.

Боль в ноге от тесной обуви прошла, но вместе с ней из головы улетучилась и моя тщательно подготовленная речь.

Солто протянул мне хрустальное блюдо с устрицами. Я поблагодарила и призналась, что не знаю, как их есть. Он поднялся помочь мне, но у меня мгновенно пропал аппетит, когда я увидела, как сидевший напротив сосед заглатывал с присвистом содержимое раковины.

Я тайком стала рассматривать туалеты дам. Их наряды и драгоценности стоили больших денег, которых хватило бы на издание газеты «Юнге Гарде» в течение многих лет.

После ужина в маленьком соседнем салоне был подан крепкий кофе. Теперь мне предстояло выступить. Солто произнес несколько вступительных слов, а затем заговорила я. От волнения голос дрожал. Я рассказывала о том, как на моей родине фашисты преследуют честных людей и обрекают их на невыносимые мучения. Особенно тяжело приходится тем, кто не смирился с нацизмом и борется с ним в глубоком подполье. Эти люди часто оказываются без гроша в кармане и крыши над головой, поскольку в условиях тотальной слежки нелегко организовать надежную связь...

Чувствовалось, что присутствовавшие на этом ужине люди внимательно выслушали мой короткий рассказ. Они задали много вопросов, очень интересовались в эти сентябрьские дни 1933 года предстоявшим судебным процессом над Георгием Димитровым.

Тот факт, что эти люди выражали свою искреннюю обеспокоенность за судьбу Димитрова, объясняется прежде всего огромной политической работой Коминтерна, который смог мобилизовать общественное мнение многих стран против фашизма. Миллионы людей, будто внезапно очнувшись, поняли, что же на самом деле происходи-

ло в Германии; они начали осознавать: фашизм — это варварство.

Результат вечера оказался удачным: на собранные деньги мы смогли финансировать выход двух номеров «Юнге Гарде».

КРАТКОВРЕМЕННАЯ ПОЕЗДКА В СААРСКУЮ ОБЛАСТЬ

Во время исторического судебного процесса по делу о поджоге рейхстага, проходившего с 21 сентября по 23 декабря 1933 года в Лейпциге и Берлине, произошли два события, о которых, я считаю, необходимо упомянуть.

Как и все участники движения Сопротивления, я с нетерпением ожидала начала этого процесса. Нацисты стремились дискредитировать и оклеветать нас, коммунистов, и тем самым оправдать перед мировой общественностью фашистский террор, развязанный даже против представителей буржуазной демократии. Как известно, этот процесс благодаря мужественному и бесстрашному поведению Георгия Димитрова закончился полным провалом и разоблачением его зачинщиков. Из обвиняемого Георгий Димитров превратился в обвинителя. Его выступления на этом судилище нашли широкий отклик в сердцах всех честных людей.

Кажется, в день открытия процесса кто-то позвонил в мою дверь. Я с испугом подумала, что это могла быть французская полиция. Отворила дверь и, увидев на лестничной клетке Артура Беккера, с облегчением вздохнула. Он вошел в комнату, держа в правой руке маленький чемоданчик. Я стала гадать, что же он принес.

Несколько дней назад мы говорили с ним о предстоящем Лейпцигском процессе и я очень сожалела, что нахожусь так далеко от места событий. Беккер, работавший в то время секретарем Антиимпериалистической лиги молодежи, как бы между прочим заметил:

— Услышишь обо всем по радио.

— По радио? Легко сказать! Прежде его надо иметь. А я не могу позволить себе такой роскоши.

И когда он открыл чемоданчик и достал из него радиоприемник, радости моей не было предела. Теперь я могла настраиваться на немецкую волну и слушать передачи, которые в первые дни процесса транслировались непосредственно из зала заседаний суда. Этот дружеский жест моего товарища я запомнила на всю жизнь.

Артур Беккер прожил короткую, но героическую жизнь. В 1938 году, будучи комиссаром батальона имени Тельмана, он, тяжело раненный, попал в руки франкистов. Они несколько недель зверски истязали нашего товарища и, ничего не добившись от него, расстреляли. Однако память об этом замечательном человеке фашистские мракобесы истребить не смогли. Теперь в нашей стране не многие молодые люди, достигшие выдающихся успехов в производственном труде и творчестве, с честью носят на груди золотые, серебряные и бронзовые медали с изображением Артура Беккера. Передовые коллективы трудящихся борются за звание быть достойными этого имени.

«Юнге Гарде» и другая нелегальная печать нашего союза публиковала материалы, в которых разоблачались истинные организаторы поджога рейхстага. В связи с этим я по поручению Франца Далема должна была совершить поездку в Саарскую область и обсудить с Эрихом Хонеккером некоторые вопросы, связанные с изданием «Юнге Гарде».

На вокзале в Саарбрюккене приехавшие парижским поездом пассажиры стали быстро расходиться, а я остановилась с маленьким чемоданчиком на перроне, ища глазами Эриха Хонеккера. Вскоре я увидела его. Он приближался ко мне стремительной походкой и, как всегда, приветливо улыбался. Мы были знакомы уже давно, и мне всегда очень нравилось, как он четко и кратко излагает свои мысли. Мы вместе направились к Фреду Эльснеру за материалами для Далема.

Фреда Эльснера я тогда почти не знала, но впоследствии имела возможность познакомиться с ним поближе. Это был высокообразованный и остроумный человек с энциклопедическими знаниями. Эльснер преподавал в МЛШ, а позднее — в вузах ГДР. Был избран членом Политбюро ЦК СЕПГ и занимался вопросами идеологии. Товарищ Эльснер внес существенный вклад в распространение марксистско-ленинского мировоззрения среди трудящихся ГДР.

Эрих Хонеккер пришел проводить меня на вокзал. Мы тепло попрощались, и я вошла в вагон. Поезд медленно тронулся, а Эрих Хонеккер продолжал идти за ним, махая рукой. И вдруг почему-то только сейчас я заметила, в какой поношенной одежде он ходил.

«Да, нелегко жилось немецкой рабочей молодежи», — с грустью подумала я.

Действительно, что только не случается в жизни подпольщика! Помню, как при встрече с Францем Далемом, когда я передавала ему материалы от Фреда Эльснера, у нас зашла речь о необходимости соблюдать строжайшую бдительность. Оказалось, что несколько недель назад в Париже арестовали курьера партии. Позже выяснилось, что он ухаживал за женщиной, которая сотрудничала с французской полицией или, возможно, была агентом гестапо.

Я, конечно, полностью соглашалась с Далемом. Но, как говорится, не бойся начала, а бойся конца. Так и вышло. В заключение он преподнес мне настоящий сюрприз.

— Лотти, руководство партии предлагает тебе стать француженкой, — спокойно произнес он.

Эта новость ошеломила меня, и я не знала, что сказать.

— А что для этого мне надо сделать? — растерянно спросила я.

— Это не так сложно. Выйдешь замуж за француза.

Товарищ Далем заметил мое изумление:

— Ты ведь не первая коммунистка, которая из конспиративных соображений и в интересах дела принимает другое подданство, чтобы обезопасить себя и помочь другим. Роза Люксембург тоже так поступила. Это просто фиктивный брак. В твоих отношениях с Фрицем ничего от этого не изменится.

Он был, конечно, прав.

— Но где же я найду француза, который женится на мне? — последовал наивный вопрос.

Я чувствовала, что он был готов разразиться громким смехом, но с трудом сдерживался, чтобы не ввести меня в еще большее замешательство.

Разумеется, я понимала, что борьба в легальных условиях политически более эффективна и надежна, чем деятельность человека, живущего и путешествующего с фальшивым паспортом. Но несмотря на это, я ушла от Франца Далема с довольно странным чувством.

По пути домой я вспомнила о старых большевичках, поступавших так. Человека, которому эти женщины были обязаны своей новой фамилией, они видели один-единственный раз в жизни — при получении в паспорте штампа о супружестве. В связи с этим иногда возникали

курьезные случаи. Так, например, одна из русских политэмиграпток при заполнении анкеты для французской полиции ошибочно написала, что она замужем, хотя по паспорту ее муж умер.

— Мадам Дюпон, ведь вы являетесь вдовой с тысяча девятьсот двенадцатого года, — возразил ей полицейский, обнаруживший это несоответствие.

Женщина не растерялась, она быстро всплакнула, затем вытерла слезы и, изобразив на лице большую скорбь, сказала:

— Извините, но я часто забываю, что моего мужа нет уже в живых. Трудно смириться с этой утратой. Временами я даже разговариваю с ним.

Вступить в фиктивный брак мне должен был помочь Раймон Гийо, с которым я познакомилась, когда он находился в Москве в качестве члена Исполкома КИМа. Это был энергичный, веселый и остроумный человек — одним словом, типичный француз. В волосах его было много седины — память о пребывании в военной тюрьме, куда он попал в годы первой мировой войны за участие в антивоенном движении. Его друзья рассказывали, что Раймон долго сидел в одиночной камере, прикованный к стулу, с маской на лице.

Я изложила Раймону Гийо суть своей проблемы, и он среагировал на нее мгновенно:

— Думаю, самое позднее через две недели мы отпразднуем твою свадьбу. Хорошо?

— Согласна. Итак, я жду, когда ты представишь мне суженого.

Два дня спустя я получила ответ. Мне нужно было явиться в одно из рабочих кафе. Сразу после обеда я, взволнованная, направилась туда, держа в руках две гвоздики и номер газеты «Тан», как было условлено. Сквозь окно мне удалось разглядеть зал, до отказа заполненный людьми. Когда я появилась в дверях, сутулый мужчина средних лет отделился от общей толпы и устремился ко мне. На голове у него красовался берет, шея, несмотря на теплый октябрьский день, была обмотана шарфом. Он схватил меня за руку со словами: «Моя крошка! Моя крошка!» — потащил за собой в толпу. Мне показалось, что все происходящее вокруг было нереальным, что кто-то другой, а не я управляет моими действиями и поступками. Люди смеялись и подмигивали друг другу. Затем они дружно подняли бокалы и выпили

за меня. Я еще раз взглянула на своего «кандидата в женихи».

Он носил свисавшие к подбородку усы. Лицо, испещренное морщинами, походило на печеное яблоко. Бокал он подносил дрожащей рукой.

«Боже мой! — подумала я. — Если я зарегистрируюсь с ним, полиция сразу же поймет все».

Как бы поскорее отсюда выбраться! Я увидела туалет и, извинившись, юркнула туда, а затем тайком выбралась на улицу и растворилась в толпе.

Когда я рассказала Раймону о своем женихе, он буквально покатился со смеху. Вскоре он успокоился и сказал:

— Теперь жениха для тебя я буду искать лично сам.

Однако его услуги больше не понадобились. Через несколько дней я встретилась с Францем Далемом, который, к моей великой радости, сообщил следующее:

— Необходимость в твоем замужестве отпала. Мы нашли французскую коммунистку, которая часто бывает в служебных командировках в Берлине.

Итак, как говорится, лучшего и желать нечего.

Честно говоря, эта радость, видимо, объяснялась и теми буржуазными предрассудками, которые еще оставались во мне.

РОЖДЕСТВО 1933 ГОДА

В такой день горечь эмиграции чувствуется особенно остро. Рождество в Париже. Двери соборов и церквей распахнуты. Оттуда доносится прекрасная музыка. Множество нарядно одетых парижан устремляются к рождественской мессе. Большинство из них несут в руках ветки омелы, украшенные золотом или серебром. Я заглядываю в окна и вижу эти ветки, подвешенные к люстрам и лампам. Из кухонь доносится ароматный запах приготовляемых праздничных блюд. Он действует настолько одурманивающе, что у меня создается впечатление, будто я пробую каждое из них. В быстро наступающих сумерках медленно идет снег, и спешащие парижане превращают его в грязное месиво.

Куда же мне теперь пойти? Не знаю!

Я вышла к старой церкви, между Плас де л'Опера и Плас Клиши. Там пел хор мальчиков. В мелодии церковного хорала, к моему удивлению, слышалось что-то мятежное. Я вошла в переполненный храм. Какое велико-

ление вокруг! Католическая религия культивирует роскошное убранство в храмах веками, и не без умысла. Я оказалась во власти музыки и пения мальчиков с их нежными высокими голосами. От нахлынувших чувств сдавило сердце, я полностью забылась и очнулась лишь тогда, когда прихожане устремились к выходу. Я тоже вышла и побрела к метро.

Снова встречаются мне оживленные и радостные лица людей, держащих в руках подарки для ближних. А куда мне направиться, кому отнести подарок? Где сейчас Фридрих? На пути в Москву или все еще в Берлине? Может быть, пойти к супругам Далем или Флорин и с кем-нибудь из них провести рождество? Нет, этого по соображениям конспирации делать нельзя. Наконец я подошла к своему дому. Во всех квартирах раздавались веселые голоса, на лестничной клетке вкусно пахло жареным мясом и чесночной приправой.

В комнате я не включила свет, медленно подошла к окну и стала любоваться красивой панорамой вечернего Парижа, озаренного мириадами мигающих огней. В этом городе жили миллионы людей, а я чувствовала себя совсем одинокой и никому не нужной. Мои мысли опять вернулись к мужу. Тяжелая тоска охватила меня так сильно, что я стала воспринимать ее как физическую боль. Такое состояние я испытывала уже не раз.

Я очень долго стояла у окна, наблюдая, как в темноте холодной ночи земля укутывалась снежным покровом. Устав, я закрыла шторой окно, забралась в постель, но уснуть в эту рождественскую ночь так и не смогла.

АНТИФАШИСТСКИЙ ФРОНТ НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

1934 год оказался для меня безотрадным и даже трагически печальным. В августе в руки гестапо в Дюссельдорфе попали около трехсот наших товарищей. Среди них оказались Фриц и я. Для всех нас, кто был схвачен гестаповцами, наступили тяжелые дни, полные лишений, страданий и неизвестности.

Однако в первые месяцы 1934 года подпольная деятельность в Германии протекала относительно спокойно. В соответствии с решениями высших руководящих органов международного коммунистического движения немецкие молодые коммунисты совместно с молодежными союзами других стран развертывали широкую политиче-

сиую кампанию по разоблачению фашизма и милитаристской политики международного империализма с целью объединения всех противников нацизма в единый антифашистский фронт.

Фридрих, как председатель КСМГ, в ноябре — декабре 1933 года принимал участие в XIII заседании Исполкома Коминтерна в Москве и присутствовал на одном из важных совещаний Исполкома КИМа. В феврале 1934 года он снова вернулся в Берлин и вместе со своими товарищами приступил к выполнению стоявших перед союзом задач.

В первую очередь необходимо было под руководством партии выработать программу социального и национального освобождения трудящейся молодежи и укрепить или создать новые первичные организации союза на всех предприятиях страны, обеспечить выпуск газет, информационных бюллетеней, листовок и других печатных материалов, расширить антифашистскую деятельность в лагерях трудовой повинности. Все это предстояло осуществлять, я повторяю, в условиях постоянно усиливающегося террора и репрессий со стороны нацистского режима.

Одновременно фашистские заправилы выделяли огромные финансовые средства на ведение пропаганды, чтобы отравить сознание немецкой молодежи и использовать ее для осуществления своих преступных планов мирового господства. В конце февраля или начале марта 1934 года, точно не помню, я тоже переехала в Берлин. Велика была моя радость снова увидеть дядю Макса и тетушку Минну, Пауля Кноблауха, Эриха Юнгманна, Габо, Курта, Герду, эту мужественную хрупкую девушку, и, конечно, моего Фрица.

До конца мая мне пришлось выполнять преимущественно обязанности курьера Западноевропейского бюро Коминтерна, которое отвечало за установление и поддержание связей с коммунистическими партиями и молодежными союзами европейских стран. Оно издавало газеты, листовки и другие печатные материалы, организовывало конференции и совещания, проходившие чаще всего в нелегальных условиях, заботилось о безопасности подпольщиков и обеспечивало их паспортами. Западноевропейское бюро являлось важным инструментом в классовой борьбе с международным империализмом, который всегда выступал единым фронтом против всех прогрессивных сил планеты. Мы, коммунисты, превратились бы в своей борьбе в оторванных от жизни мечтателей, если

бы не смогли противопоставить мировому империализму свой пролетарский интернационализм.

Я не стану приводить подробный перечень всех выполненных мною поручений: это только утомило бы читателя. Хотя лично для меня каждая конспиративная встреча, каждое задание и поручение были сопряжены с большим риском и переживаниями, они требовали огромных затрат физической и нервной энергии. Но я всегда испытывала радость от сознания выполненного задания. Правда, иногда были разочарования. Пусть это будет и повторением, но мне очень хочется еще раз остановиться на роли и обязанностях курьера в нашей нелегальной деятельности. Слово «курьер», как известно, французского происхождения, означает оно посыльного для разноски деловых бумаг.

В нашей партии курьер тоже доставлял различные материалы, но этим его роль не ограничивалась, его обязанности были гораздо шире. От работы коммунистического курьера зависело многое, и его никто не считал обычным пассивным почтальоном. Мы рассматривали каждого нашего курьера прежде всего как активного политического бойца. Он подбирал конспиративную квартиру, совершал поездки не только по стране, но и за границу, чтобы передать какие-либо сведения, — одним словом, выполняемые им функции не вмещались в понятие, обозначаемое словом «курьер». Как всякий подпольщик, он должен был проявлять находчивость, инициативу и осмотрительность в своей работе.

День ото дня и я набиралась опыта. При поиске конспиративной квартиры я научилась учитывать многие детали, о существовании которых раньше и не подозревала. Например, я решительно отвергала квартиру, если она находилась в доме, где проживало много пенсионеров, поскольку они от скуки постоянно наблюдают за тем, что происходит на улице. Научилась я внимательно присматриваться и к окружающим меня людям. Однажды, например, мне предстояло выступить в Кёльне перед молодыми католиками-антифашистами. В целях предосторожности я попросила капеллана не сразу представлять меня аудитории и обращаться со мной, как с одним из активных членов данной общины. В зале царила довольно оживленная атмосфера, которая почти всегда бывает там, где собирается молодежь. Мое внимание привлек один блондин. Он вел себя совсем не так, как другие. Тихо сидел с листом бумаги перед собой и время

от времени делал какие-то записи неразборчивым почерком. Я осведомилась у капеллана об этом человеке и в ответ услышала: «Он здесь впервые у нас». Эти слова явились для меня предостерегающим сигналом, и я решила не выступать здесь.

Быстрая реакция, умение мгновенно оценить обстановку, правильно проанализировать свои действия и сделать соответствующие выводы — вот те основные качества, которые должен иметь курьер. Конечно, не все из нас обладали такими идеальными качествами, но мы в меру своих сил и способностей стремились вырабатывать и развивать их в себе, ибо понимали, что только в этом случае мы могли рассчитывать на успех в борьбе. Антифашистам, работавшим в нелегальных условиях, противостоял сильный и опытный враг, который располагал мощным государственно-полицейским аппаратом, и, чтобы бороться успешно с ним, надо было иметь хорошую подготовку. Поэтому и неудивительно, что многие наши товарищи, несмотря на огромные трудности, смогли относительно долго продолжать борьбу с нацизмом.

В соответствии с решением нашей партии о децентрализации руководства союза ЦК КСМГ в 1934 году был распущен и местные организации возглавили специально назначенные инструкторы. В связи с этим мы с Фридрихом переехали в Дюссельдорф. Я по-прежнему обеспечивала связь с заграничным бюро КПГ в Голландии и во Франции. Кроме того, мне поручалось вести работу среди молодых католиков-антифашистов.

В Рейнской области верующая молодежь все более активно выступала против фашистской «Гитлерюгенд». Нацисты открыто терроризировали молодых католиков, прибегали к клевете и оскорбляли их руководителей, мешали проведению встреч, оскверняли и разрушали церковные здания. Мы, коммунисты, очень внимательно следили за этими внушающими тревогу событиями и пытались привлечь католическую молодежь к совместной борьбе против фашизма.

На сотрудничестве со священником доктором Иозефом Россэном я остановлюсь потом подробнее, а сначала скажу несколько слов о нашем переезде в Рейнскую область. Если бы я была суеверной, то сразу отложила бы день отъезда из Берлина, поскольку в этот день, 22 мая 1934 года, в руки палачей попал Эрнст Вабра, мой

первый политический руководитель, когда я работала в партгруппе в Хемнице. Гестаповцы схватили и Эвальда Кайзера. Он стал жертвой предательства Вилли Клингера, члена первичной партийной организации района Лихтенберг. С этим подонком я часто сидела рядом на собраниях и считала его хорошим товарищем. Однако первых же допросов с пристрастием в гестапо он не выдержал и сразу выдал Эвальда. Ценой этого предательства он сохранил себе жизнь, а после войны сотрудничал с тайной полицией Западного Берлина.

В первой половине 1934 года фашистам удалось вырвать из наших рядов много товарищей. В феврале были замучены наши замечательные соратники Джон Шер, Эрих Штайнфурт, Ейген Шенхаар и Рудольф Шварц. В Гамбурге с мая по июнь гестаповцы арестовали около двухсот молодых коммунистов. В мае в Цвиккау состоялся суд над 69 членами нашего молодежного союза.

Вот при каких трагических обстоятельствах мне с Фридрихом приходилось начинать нашу подпольную деятельность в Дюссельдорфе.

Фридрих поселился в городе под именем Юлиуса Блау, дипломированного инженера-электрика, якобы работавшего над своим изобретением для одной из фирм. Я под своим старым псевдонимом Мария Наглер стала «студенткой-медиком». Для конспирации пришлось купить у букиниста несколько учебников по медицине, по которым время от времени я делала конспекты. Книги и записи всегда лежали на видном месте. Комната Фридриха, всегда заваленная чертежами и расчетами, находилась на первом этаже дома, расположенного на Генрих-Гейне-штрассе. Я тоже сняла комнату на первом этаже на Пёнгсгенштрассе. Чтобы не привлекать к себе внимания, мы договорились встречаться ежедневно в часы, когда рабочие и служащие возвращались с работы.

Владельцем квартиры, где я снимала комнату, был портной Хумперт, который сдавал площадь еще двум студентам-нацистам. Меня это устраивало, поскольку такое соседство в какой-то степени отводило от меня подозрения полицейских. Супругов Хумперт я раньше не знала и была для них обычной квартиранткой.

В одно из воскресений Хумперты собрались в гости к знакомым. Уходя, фрау Хумперт попросила закрыть окна в комнатах ее квартиры, если вдруг разразится гроза.

— Если вам станет скучно, можете взять что-нибудь

для чтения из моего книжного шкафа. Там наверняка найдется что-нибудь интересное и для вас, — сказала она, уже прощаясь.

Такой любительнице чтения, как я, повторять предложение дважды не было необходимости. Каково же было мое удивление, когда в глубине шкафа за другими книгами я обнаружила произведение Горького! Я взяла эту книгу, и, когда стала перелистывать страницы, из них выпал белый листок с напечатанным вверху текстом: «Мария Хумперт, депутат городского совета от социал-демократической партии». В первое мгновение я растерялась и не знала, что мне делать. Затем постепенно успокоилась, направилась в спальню, чтобы закрыть и там окна. Над старой супружеской кроватью висело распятие, освещенное неугасимой лампадой. Я сразу вспомнила о посещении в Советском Союзе одной из деревень. Когда мы вошли в дом крестьянина, я увидела висевшие в углу комнаты икону и над ней портрет В. И. Ленина. Заметив мое удивление, хозяйка дома сказала:

— Этот человек действовал по велению самого бога.

Видимо, и фрау Хумперт, хоть она и была депутатом от социал-демократической партии, искренне верила в бога.

День спустя я показала фрау Хумперт листок. Она покраснела, потом побледнела, но через некоторое время взяла себя в руки и решительно заявила:

— Фрейлейн Мария, я не меняю так легко своих убеждений.

— Фрау Хумперт, иначе вы не были бы мыслящим человеком. А впрочем, я ничего не знаю, ничего не видела, как говорится: мое дело — сторона, — сказала я, спокойно глядя на нее.

Она улыбнулась. С этого дня чувство взаимной симпатии связало нас.

Работа с молодыми католиками-антифашистами имела существенное значение в период моей деятельности в Дюссельдорфе. Связи с католическими молодежными организациями руководство нашего союза установило еще до прихода к власти фашистов. Особая заслуга в этом принадлежит Берте Карг, члену нашего союза. Она раньше участвовала в католическом молодежном движении и активно боролась с нацизмом в Рейнской и Рурской областях. С давних пор у нее сохранились хорошие отно-

шения и связи с некоторыми из руководителей молодых католиков, и наш союз успешно использовал это. Берту Карг арестовали еще в начале 1934 года, и ей пришлось испытать на себе все зверства и жестокости, на которые только были способны фашисты. Ее приговорили к пятнадцати годам каторги. Я знала Берту с 1931 года. Она училась в Высшей школе КИМа, избиралась на руководящие посты в нашем союзе. Позднее наши пути разошлись.

Было бы ошибкой считать, что молодые католики охотно шли на сотрудничество с нами, как они называли «безбожниками», хотя сами тоже страдали от притеснений нацистов.

Отрицание марксистско-ленинского мировоззрения, их предубеждения против Советского Союза вставали между нами труднопреодолимым барьером. Да и у нас, молодых коммунистов, сохранялась определенная настороженность по отношению к ним. Одним словом, обе стороны должны были выяснить свои позиции, прежде чем заключить союз в борьбе против фашистского варварства.

В этой связи следует высоко оценить заслуги таких истинно верующих католиков, как священник доктор Иозеф Россэн из Дюссельдорфа, как генеральный секретарь католического мужского молодежного союза Якоб Клеменс, глава католических отрядов штурмовиков рейхсфюрер Штебер, а также доктор Эрих Клаузенер и Адальберт Прост, которые, несмотря на все препятствия, все же сумели протянуть нам руку для совместной борьбы против фашизма.

Мне здесь хочется особо отметить доктора Россэна, с которым приходилось встречаться чаще всего. В начале нашего знакомства он был священником в Дюссельдорфе. До 1932 года, как я узнала позднее, он был священником в церкви Святой Марии в Оберхаузене. Он поддерживал тесные связи с руководящими товарищами из нашего союза. Я очень хорошо запомнила первую встречу с ним, которая случайно совпала с проведением в Дюссельдорфе и других городах Рейнской области парадов рейхсвера[1]. Еще задолго до прибытия солдат громкоговорители зычно вещали об этом событии и призывали население города торжественно встретить воинские колонны. Охваченные националистическим угаром,

---

[1] Рейхсвер — германские вооруженные силы с 1918 по 1955 гг. — *Прим. авт.*

люди вываливали на улицы и, застывая на месте, вытягивали руки в гитлеровском приветствии перед марширующими солдатами, выкрикивали «Хайль Гитлер!» и другие нацистские лозунги. Напрасно я пыталась найти в этой возбужденной, орущей толпе хотя бы одно лицо с осмысленным выражением. Те, кому не хватало места на тротуарах, высовывались из окон домов, кондитерских. Одетые в серо-зеленые униформы, в касках и с цветами на винтовках, солдаты гордо шествовали по городу, сопровождаемые ревом беснующейся толпы. Особенно истерично вели себя женщины. Это наши-то тихие, скромные Гретхен!..

В этот момент я подумала: отдай кто-нибудь из нацистов приказ этой толпе убивать несогласных с фашизмом людей, большинство ее без колебаний ринулось бы выполнять его. На сердце стало тяжело. Ведь с этими людьми мы, коммунисты, должны были работать, находить путь к их сердцам, разъяснять им, в какую пропасть толкают их фашисты.

«А выполнима ли эта задача?» — с тревогой спрашивала я себя.

Тут же снова вспомнила годы первой мировой войны. В нашем доме, на пятом этаже, жила маленькая Элла Лозе. Она умерла в 1915 году от недоедания. Ее отца отправили на фронт, мать заставили изготовлять гранаты. Элле было всего восемь лет, а мне — девять. Она была первой покойницей, которую я видела в своей жизни. Память об этом до сих пор хранит мое сознание.

С тяжелым чувством я пришла к доктору Россэну. Мы долго смотрели друг на друга изучающим взглядом. Наконец священник с сочувствием улыбнулся, и я поняла, что он угадал мое состояние.

— Как вам нравится этот балаган? Мне от него становится страшно. Ведь это пролог к чему-то более ужасному.

— Да, дело идет к войне. Война — это смерть и голод. Ужасы первой мировой войны омрачили мое детство, — произнесла я так же тихо, как и он.

Россэн выглянул в окно. Несколько молодых людей приближались к дому.

— Это наши друзья, — спокойно сказал он.

Молодые люди вошли в квартиру и тепло поприветствовали священника и меня. Чувствовалось, что он пользовался у них большим доверием и любовью. Они стали рассказывать, как им чудом удалось избежать по-

боев за то, что они не поднимали рук в фашистском приветствии, когда проходили солдаты. Какие-то разъяренные фанатики заметили это и начали орать, оскорблять их, но молодые люди, воспользовавшись толчеей, сумели ускользнуть от них.

Как всегда перед началом выступления перед аудиторией, я очень волновалась, хотя и не собиралась произносить большую речь. Я решила просто еще раз обратить внимание своих слушателей на то, что они сами только что видели.

— Тельман несколько месяцев назад сказал: «Гитлер — это война»! — начала я дрожащим от волнения голосом. — Те, кто раньше воспринимал эти слова как пропагандистское заявление, сегодня воочию смогли убедиться в правоте нашего руководителя. Подготовка к войне идет полным ходом. Командование рейхсвера полностью согласно с политикой нацистов. По самым скромным подсчетам, двести тысяч солдат и офицеров, причем очень хорошо подготовленных в военном отношении, дают присягу на верность фюреру и рейху. Фашисты безжалостно расправляются с теми, кто не согласен с ними, в том числе и с католиками. Вспомните о недавно учиненной расправе над вашими активистами. Нацисты презирают вас и пытаются деморализовать ваше движение. И стоит вам уступить им в чем-нибудь, они тотчас же превратят вас в послушное стадо овец...

По поведению и замечаниям молодых католиков я поняла, что они соглашались со мной. Затем началась честная и откровенная дискуссия, в ходе которой один молодой человек обратился ко мне со следующим вопросом:

— Как вы относитесь к богу и к идеализму?

Заданный вопрос прозвучал искренне, в нем не было и намека на провокацию. Я постаралась ответить как можно лучше и убедительнее, используя весь имевшийся у меня багаж знаний:

— Нацисты все время говорят, что мы, коммунисты, — безбожники, материалисты, то есть обычные эгоисты, заинтересованные лишь в собственном обогащении. Да, мы действительно материалисты, но вкладываем в это слово совсем другое значение, не имеющее ничего общего с эгоизмом. Таких людей мы презираем. Они так же далеки от коммунизма, как небо от земли. Мы последователи материалистического философского учения, которое утверждает первичность материи и вторичность сознания. Все, что окружает нас, все, что мы видим или

не видим, признаем или не признаем, даже мы с вами, — это материя, существующая независимо от нашего сознания. Материя находится в постоянном движении, переходя в различные формы. В этом состоит суть нашей философии. Однако теперь не время для философских дискуссий. Нацисты были бы очень довольны, если бы мы занимались только разговорами и спорами на такие темы. Главное сейчас состоит в том, чтобы объединенными усилиями сохранить мир, отстоять элементарные человеческие права. Я пришла к вам по желанию многих молодых коммунистов, чтобы предложить вам начать решительную борьбу за политическую и религиозную свободу, за демократические права людей, за искоренение в нашей стране расизма!

Какой же это был счастливый день для меня, когда в конце встречи я договорилась с молодыми католиками о совместном выпуске листовок и их распространении!

И действительно, вскоре эти листовки появились в Дюссельдорфе, Эссене, Кёльне, Дортмунде. Каждая из них была небольшого размера, и в случае опасности ее можно было легко спрятать или даже разжевать и проглотить. Вот содержание этой листовки:

«Проявляйте солидарность с теми, кто является плотью вашей плоти, кровью вашей крови, такими же рабочими или служащими, как и вы, будь они коммунисты, католики или социал-демократы. Сегодня нацисты замучили вашего брата Пробста, завтра они убьют твоего родного брата или сестру. Они хотят весь мир превратить в руины. Нашему отечеству, Германии, грозит смертельная опасность! Защищай людей, которые имеют мужество бороться против Гитлера! Поддерживая их, ты спасаешь себя, свою мать, отца, сестер и братьев! Действуй умно и осторожно при выполнении своей благородной миссии! Твои друзья».

Дюссельдорф не был уже для меня чужим городом. Здесь я нашла много друзей. Познакомилась даже с некоторыми дамами и господами и во время прогулок с ними по набережной Рейна и на Кёнигсалле использовала их в качестве прикрытия своих конспиративных встреч с представителями Союза социалистической молодежи (ССМ), связь с которыми мне удалось установить также благодаря молодым католикам, сотрудничавшим с социал-демократами на больших промышленных предприятиях. Сама политическая обстановка в стране способствовала объединению их усилий. Но молодежь этих союзов

охотно шла на сближение и с нами, поскольку она нуждалась в четкой политической ориентации. Самые мужественные их представители готовы были и на более тесные контакты с коммунистами; этих молодых людей больше всего волновал только один вопрос — как объединенными усилиями более эффективно противостоять Гитлеру?

Сотрудничество с ССМ и католиками значительно облегчало работу молодых коммунистов в нелегальных условиях, помогло им улучшить распространение таких наших изданий, как «Юнге Гарде», «Роте Фане» и «Интернационале Прессе-Корреспонденц». Неоценимый вклад в это сотрудничество, как я уже отмечала, внес доктор Россэн, и мне хочется от имени участников движения Сопротивления еще раз выразить ему искреннюю благодарность. Живя в ФРГ, он по-прежнему остается стойким и принципиальным борцом против фашизма и реваншизма, активно выступает за сохранение мира во всем мире.

Я хотела бы закончить свой рассказ о совместной борьбе коммунистов и молодых католиков против фашизма воспоминаниями Фридриха Гроссе, помещенными в антологии «Молодая гвардия Германии», выпущенной издательством «Нейес Лебен» в 1959 году.

«Широко известно, что в рядах католической верующей молодежи неприятие фашизма было сильным. Чаще всего это проявлялось стихийно, в эмоциональной форме, и нам, коммунистам, приходилось вести большую политико-разъяснительную работу среди этих молодых людей. В условиях террора и отсутствия у нас достаточного опыта подпольной борьбы делать это было нелегко. Кроме того, предстояло еще преодолевать с обеих сторон некоторые предрассудки и предубеждения, неправильные представления друг о друге. Центральному Комитету нашего союза было известно о сопротивлении фашизму молодых католиков. Они тормозили создание организаций «Гитлерюгенд» в областях Рура и Рейна. Почти каждое воскресенье в местах загородных встреч и отдыха молодежи, в туристических лагерях возникали драки и потасовки между молодчиками из «Гитлерюгенд» и остальной молодежью. Против этих подонков решительно выступали молодые католики, проявляя такое же мужество и стойкость, как и члены нашего союза.

Итак, было ясно видно, что именно в этих областях следовало предпринять все возможные меры для постоянной координации совместной борьбы против фашизма.

После того как наш союз сделал в этом направлении первые серьезные шаги, оказалось, что разрушить стену недоверия было не так уж трудно. У большинства молодых католиков существовали неправильные представления о Советском Союзе, которые Гитлер методически внедрял в сознание немецкого народа. В ходе наших многочисленных дискуссий католики смогли многое узнать о Советском Союзе и понять суть происходивших там революционных преобразований. Мы пришли к общему убеждению, что фашизм — наш общий враг и что для объединенной борьбы с ним существующие между нами разногласия во взглядах имеют лишь второстепенное значение.

КСМГ выпустил тогда ряд политических материалов, специально рассчитанных на католическую молодежь. Например, в Рурской области была издана небольшая брошюра «Святой Георгий», а в Рейнской — мы опубликовали брошюру «Письма Роланда», которые были совместно составлены и распространены представителями наших союзов. Благодаря личным контактам и дружественным связям члены КСМГ могли присутствовать на вечерах в католических клубах и участвовать в дискуссиях. Позднее на некоторых таких встречах стали выступать с докладами и рефератами ответственные руководители нашего союза. Однажды в конце рабочей недели был проведен даже семинар, на котором обсуждались проблемы борьбы с фашизмом. На этом семинаре присутствовало около сорока человек. Политическая работа проводилась и в низовых организациях и группах католического союза. Молодые католики подчас не имели элементарнейших политических знаний, а также ясных и четких инструкций от своих руководителей по организации совместной борьбы против нацистов, и наши товарищи учитывали это обстоятельство в своей работе, проявляя большое терпение и такт.

После убийства эсэсовцами известного лидера движения молодых католиков доктора Клауснера 30 июня 1934 года произошла поляризация политических сил в католическом движении. Часть руководства католической молодежи, большинство высшего духовенства и индустриальные магнаты-католики открыто переметнулись в стан Гитлера. Другие же руководители католического молодежного союза, преодолев свои колебания, решительно встали на путь объединения всех антифашистских сил в стране.

Я хочу привести несколько примеров нашего тесного сотрудничества с католической молодежью, чтобы дать читателю некоторое представление о том, как трудно иногда приходилось решать даже небольшие организационные вопросы.

В Дортмундской области один наш товарищ работал в католической больнице шофером. В гараже он спрятал гектограф. Работать там было опасно, потому что второй шофер в любой момент мог застать его за размножением подпольных материалов. Однажды к нашему товарищу зашел молодой ординатор, являвшийся одним из руководящих деятелей католического молодежного союза.

— Будь осторожен, Юпп. Занятие «левой» работой может доставить тебе неприятности. Ну а если уж тебе она так необходима, то делай ее в моем кабинете.

С тех пор дортмундская молодежная организация имела надежное место для размножения своих материалов.

В Дортмунде для выпуска «Кампфэрфарунген» («Опыт борьбы») не хватало бумаги, торговля которой строго контролировалась нацистами. Однако один молодой католик через своего родственника сумел полностью обеспечить нас ею.

Члены католического союза помогли местным организациям нижнего и среднего Рейна провести конференцию, которую в пределах Рейнской области организовать было опасно и сложно. Они обеспечили под видом паломников доставку наших делегатов без документов в Голландию, где представили их настоятелю одного монастыря как немецких католиков, которым было крайне необходимо побеседовать вдали от гестаповских ищеек. Таких примеров взаимопомощи и дружеской поддержки было много.

Друзья из Союза молодых католиков очень активно помогали нам также в распространении нелегальной «Юнге Гарде». В Рейнской области, как, впрочем, и в других районах Германии, были люди, которым удавалось реализовать до ста экземпляров этой газеты. Кроме того, они распространяли еще листовки и другие подпольные печатные материалы.

В ряде лагерей «добровольной» трудовой повинности мы вместе предъявляли администрации требования по улучшению условий труда и быта людей, но нацисты воспринимали их как подстрекательство к бунту. В результате нашей настойчивой деятельности фашистским властям пришлось ликвидировать несколько лагерей.

В 1936 году гестапо нанесло тяжелый удар по католическому молодежному движению, и размах наших совместных акций сильно ослаб».

САМЫЙ СТРАШНЫЙ МОМЕНТ

Преимущество было на стороне противника, и опасность ареста подстерегала нас на каждом шагу. Как бы умно и осторожно мы ни старались действовать, никто не был застрахован от провала. В период третьего рейха арест следовал за арестом. И когда случалось это несчастье, мы говорили: «Настал и его час...»

Теперь я расскажу, как арестовали Фридриха, его товарищей и меня. Точных причин, повлекших за собой эти аресты, я так и не узнала, и поэтому ограничусь хроникой событий.

В соответствии с решениями, принятыми на Байрёйтской конференции, Фридрих и его товарищи намеревались провести совместное совещание с представителями католического молодежного движения и Союза социалистической молодежи. Разумеется, это мероприятие необходимо было согласовать с Политбюро КПГ. В связи с этим в августе 1934 года я получила задание доставить в Париж проект подготовленных к этому совещанию документов и после их утверждения вернуться на следующий день в Дюссельдорф.

Однако в Париже произошла задержка, и я оказалась в трудном положении. Тотчас же отправиться назад? Опасно. Своим быстрым возвращением через границу могла привлечь к себе внимание нацистов. Я уже представляла себе, какое беспокойство охватит Фридриха, когда он не найдет меня в месте назначенной встречи, а еще хуже — и на запасной конспиративной явке. Как будут реагировать Гано Мале и Герберт Помп, с которыми я тоже договорилась встретиться? Не подумают ли они, что я попала в руки фашистов? Мои товарищи наверняка предпримут ряд мер для обеспечения своей безопасности, а это создаст дополнительные трудности в их работе. Я бесцельно бродила по парижским улицам, не зная ни минуты покоя.

Наконец ко мне в гостиницу пришел товарищ Флорин и, вручая документы, сказал:

— Скажи Фридриху, чтобы он уменьшил число явоч-

ных встреч. Так будет больше шансов избежать провалов. Гестапо многому научилось за это время. Будьте очень осторожны и внимательны.

Тогда я как-то не подумала, как глубоко был прав товарищ Флорин.

Из Парижа мне предстояло сначала поехать в Амстердам, где Август Крейтцбург, начальник пограничного пункта Вест, должен был передать мне деньги и некоторую устную информацию.

24 августа я вернулась в Дюссельдорф. Вокзал был буквально наводнен гестаповскими ищейками, и я инстинктивно почувствовала, что произошло что-то неладное. Домой пошла лишь после того, как убедилась в отсутствии за собой слежки.

— Ах, фрейлейн Мария, ваш жених приходил сюда вчера вечером! Он был очень обеспокоен, думал, что вы заболели.

Этими словами встретила меня хозяйка.

О, если бы фрау Хумперт только знала, что мы понимали под словом «заболеть», она, вероятно, не стала бы произносить его вслух!

Итак, прежде всего мне надо было попытаться встретиться с Фридрихом. Я направилась на его квартиру на Генрих-Гейне-штрассе, хозяйка которой считала меня приятельницей Фридриха. Она открыла дверь и очень странно посмотрела на меня, с каким-то недовольством и одновременно состраданием.

— Его здесь нет, — сказала она после некоторой паузы.

Я заметила, что в темном коридоре стоял еще кто-то, но разглядеть ничего не могла. Я сразу поспешила к выходу. Дверь за мной быстро захлопнулась, и в тот же миг до меня донесся шум голосов. На улице мое внимание привлекли двое мужчин, которые стояли рядом с полной женщиной, державшей в руках сетку с капустой, и о чем-то говорили. Сердце подсказывало мне, что от этих трех людей исходит опасность. Решила ехать на оживленную Кёнигсалле. Толпы людей, поток автотранспорта, скопление больших магазинов дадут возможность легче уйти от слежки.

«Где же был допущен промах? — все время спрашивала я себя, и голова моя разламывалась от различных догадок. — Только бы с Фридрихом ничего не случилось!»

Наконец я добралась до центра. Мои чувства были

обострены до предела. Нет, кажется, никто за мной не шел. И все же я не сразу отправилась к себе, а до 16 часов бродила по самым оживленным местам города.

Первое, что я сделала, когда пришла домой, — сожгла все привезенные из Парижа документы. При прощании Руди Туниг предупредил меня: если запахнет порохом, сжигай все немедленно и не рискуй ничем. Для такого случая подпольщики всегда держали с собой бутылочку бензина, чтобы быстро уничтожить компрометирующие материалы.

В печке уже все взялось пламенем, когда за дверью раздался истеричный крик:

— Где же эта ведьма! Проклятая коммунистка!

Через полминуты несколько мужчин с силой распахнули дверь и ворвались в мою комнату.

— Давай лезь в печь и доставай из огня горящую бумагу. Живее, живее! Или ты хочешь, чтобы мы тебя избили?..

Но их вопли уже не доносились до моего слуха, я приготовилась проститься с жизнью.

Мужественная маленькая фрау Хумперт встала перед гестаповцами и громко закричала:

— Мария — порядочная девушка, и в моем доме никто не имеет права поднять на нее руку.

Я с удивлением посмотрела на нее. Мне показалось — в этот миг она поняла, кем я была в действительности.

Нацистские бестии били меня по лицу, но я держалась спокойно, а это еще больше распаляло их. Я уже ничего не чувствовала: ни их пинков, ни ударов, не слышала, о чем они говорили, а только видела их искривленные от бешенства лица. Я достигла такой степени душевного напряжения, когда все происходящее воспринималось как нереальное, а твоя собственная судьба вставала перед глазами как чужая, словно запечатленная в кадрах какого-то ужасного фильма.

Через несколько секунд в комнате воцарился неописуемый хаос.

Однако, когда фашисты бросились ощупывать и простукивать маленький диван в стиле бидермейер, сердце мое сильно забилось. Ведь под одной из широких темных планок дивана были спрятаны несколько сот марок! Эти деньги я получила от товарища Крейтцбурга. К счастью, гестаповцы не обнаружили их. Очевидно, деньги так и остались там. Кто знает? Ведь с 1934 года я никогда больше не бывала в Дюссельдорфе.

Четыре здоровенных верзилы выволокли меня из дома. Фрау Хумперт плакала.

— И вам не стыдно так обращаться с ней? В сравнении с вами она выглядит ребенком! — бросила она им вслед.

На улице ждал нас пресловутый черный лимузин «беролина»[1], а рядом с ним стояла, издевательски усмехаясь, толстуха с кочанами капусты.

---

[1] Беролина—скульптура женщины, олицетворяющая г. Берлин. — *Прим. пер.*

УКРАДЕННАЯ СВОБОДА

В ТЮРЬМЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Тюрьма, в которую меня доставили, походила на огромную казарму. Меня подняли наверх, а затем повели по длинному коридору, потом спустили по слабо освещенной лестнице в подвал, которому, как мне казалось, не было конца. Мои церберы пинками подгоняли меня, пока наконец не втолкнули в какое-то помещение, где находилось много гестаповцев.

— С кем ты хотела встретиться? — начал допрос один из них с грубым и наглым лицом.

Я молчала.

— Твое настоящее имя?

Я продолжала молчать.

— Мы заставим тебя заговорить! Здесь и не у таких, как ты, быстро развязывались языки!

На короткое время меня поместили в одиночную камеру. Оставшись одна, я с тревогой думала о своих товарищах.

«Что с ними? Арестовали ли Фридриха? А может быть, все обошлось благополучно?» — старалась я как-то успокоить себя.

Я вспомнила, что у меня была запланирована встреча с Гансом Мале. Ходил ли он еще раз на место резервной явки? Очень сожалела о несостоявшейся встрече с Гербертом Помпом — с этим прекрасным рабочим пареньком из Хемница, спокойным, деловым, преданным нашему делу товарищем.

После войны Герберт Помп много лет был секретарем партийной организации немецко-советского акционерного общества «Висмут». Сегодня он ветеран рабочего движения и живет в Карл-Маркс-Штадте.

Перед началом нового допроса меня долго водили по лестничным клеткам вверх и вниз. Я чувствовала себя как затравленный зверь. Этими бесконечными гонками гестаповцы стремились довести меня до полного физического изнеможения, а потом пытками сломить волю.

Только на рассвете меня снова втолкнули в камеру, волосы склеились от пота и крови.

Я молчала. Это было моим единственным оружием.

Тюремщики неистовствовали. Временами мне очень хотелось, чтобы скорее кончились эти мучения. Но всякий раз я ужасалась этой мысли. Одновременно во мне росла решимость доказать этим негодяям, что у человека всегда хватит сил вынести любые пытки и издевательства, если он чувствует свое моральное превосходство.

Я уже не знала, как долго находилась в тюрьме, поскольку потеряла всякое представление о времени. Не могла сказать, когда и ела в последний раз. Единственное, что я еще ощущала, — так это страшную слабость. Порой мне казалось, что я стала совсем невесомой, будто не иду, а лечу, что все это происходит не со мной, а с кем-то другим. Меня снова вызывали и снова допрашивали. В ушах звучали одни и те же слова: «Кто ты? Как тебя зовут?»

Однажды гестаповский верзила, взбешенный моим молчанием, стал меня трясти за плечи, а затем изо всех сил ударил. Я рухнула на пол и потеряла сознание. Сколько я лежала, не помню. А когда очнулась, то испугалась своего вида: платье, белье были изорваны в клочья. Один из гестаповцев подошел к обитой дерматином двери и распахнул ее в смежную комнату, откуда до меня неожиданно донесся голос Фридриха. Значит, его тоже схватили! Я заплакала и попыталась крикнуть, но из горла вырвался только хрип.

Дверь снова закрыли, и допрос продолжался.

— Ну, скажи ты наконец, как тебя зовут? У тебя поддельный паспорт, и ты такая же Мария Наглер, как я, скажем, китайский император! — бешено орал следователь.

— Меня зовут Леа Лихтер, я из Хемница. Мой отец. Симон Лихтер, постоянно живет там. Моя мать умерла,— тихо ответила я.

Я прекрасно понимала, что теперь мои слова уже не могут повредить Фридриху. Если бы я сделала это заявление раньше, не зная об аресте Фридриха, тогда они наверняка узнали бы, что мы женаты, и замучили бы меня до смерти, чтобы выпытать место его пребывания.

— Вы занимаетесь коммунистической деятельностью?

— Нет! Я жена Фридриха и совершенно не разбираюсь в политике.

— Вы знаете Лотте?

— Нет.

— С кем вы хотели встретиться?

— С Фридрихом.

Игра в вопросы продолжалась. Все, что могло повредить Фридриху и его товарищам, я начисто отрицала и продолжала твердить только одно: «Я жена Фридриха».

— То же самое заявил о тебе и твой сожитель, — прорычал следователь. — Твой Фридрих чуть не лишился головы. Мы стреляли в него, когда он пытался улизнуть от нас. На этот раз ему повезло — пуля задела только рукав.

И он протянул мне пальто Фридриха. Действительно, на левом рукаве виднелась опаленная пулей дыра.

Если до этого меня допрашивал в основном один следователь, то теперь к нему присоединилось еще пятеро здоровенных верзил. Они уселись полукругом и оценивающими взглядами рассматривали меня. Сапоги у всех были начищены до блеска.

Вопросы посыпались один за другим. Я изнемогала от напряжения и ждала с нетерпением, когда все это кончится. Хоть бы кто-нибудь отвлек их — молила я.

Наконец словно кто-то услышал мою немую мольбу. Дверь внезапно открылась, и появилась сотрудница гестапо. Это была та самая полная женщина с гигантским бюстом, что следила за мной в городе. Она несла на подносе кофе, свежие булочки, масло и мед. Комната тотчас же заполнилась ароматом кофе.

Гестаповцы приступили к трапезе. Я старалась не смотреть на них и потихоньку глотала слюни.

— Фрейлейн Лихтер, не ставьте нас в неловкое положение! Возьмите что-нибудь. Поешьте с нами.

Теперь они делают «снисходительный» жест. Я отвернулась к окну и подумала: «Я не рыба и на вашу приманку не клюну».

Насытившись, они собрали посуду. Перерыв закончился.

— Как же долго мы еще позволим этой Саре водить нас за нос?! — рявкнул один из гестаповцев.

Затем он слегка наклонился и нанес мне такой удар, что я сразу же рухнула наземь без сознания. Очнулась уже в камере, когда в нее вошел старый тучный полицейский. Только хотела подняться, как вдруг услышала его слова:

— Девочка, оставайся лежать. Скоро придет врач.

Он повернулся к выходу, но, прежде чем покинуть камеру, с горечью взглянул на меня и сказал:

— Ах, девушка, отвечай же! Здесь и не таких, как ты, заставляли говорить.

Сначала я приняла его за провокатора, но, как выяснилось потом, я ошиблась.

Действительно, вскоре появился врач и вместе с ним еще два тюремных служителя. Они осторожно уложили меня на носилки и понесли в лазарет. Я очень ослабла от потери крови и почти все время спала там. Выходила меня одна девушка по имени Лизель. К сожалению, ее фамилии я не знаю. Она так же, как и я, была политзаключенной. В тюрьме ее заставили работать уборщицей. Она родилась в Эссене, где постоянно жили ее родители. Девушка работала секретарем Ганса Пфайфера, члена Центрального Комитета нашей партии.

Лизель настойчиво заставляла меня что-нибудь поесть. Она даже доставала молоко. Когда мне стало немного лучше, она принесла кусок белого, хрустящего, свежего хлеба с изюмом и заботливо следила за тем, чтобы я ела его маленькими кусочками.

После выписки из лазарета меня перевели в женскую тюрьму в Дюссельдорфе — Дерендорф.

Моя камера находилась на верхнем этаже. Как во всех современных тюрьмах, окна камер выходили на тюремный двор, и можно было наблюдать за всем происходящим. Камеры слева и справа от меня пустовали, а подо мной внизу одна освобождалась как раз в момент моего прибытия сюда. Наверху было тихо, если не считать истошных криков прусского фельдфебеля, от которых содрогались стены.

Теперь у меня было время собраться с мыслями и восстановить в памяти события последнего времени.

Я верила, что, несмотря на провал, мои товарищи, оставшиеся на свободе, — Ганс Мале, Герберт Помп и другие, имена которых я уже не помню, продолжали борьбу. Вероятно, развертывают сопротивление фашистскому режиму и молодые католики, проявляя при этом чрезвычайную бдительность и осторожность. Эта уверенность давала мне силы стойко переносить одиночество, которое меня очень угнетало.

Время тянулось мучительно долго и монотонно. Наступила глубокая осень, дни становились все короче и прохладнее. Холодный ветер часто завывал за моим окном, которое для заключенного было недосягаемым, если он не обладал недюжинным ростом. Оно было застеклено рифленым стеклом, а в проеме торчала мощная решетка.

Да, буржуазия тратит немалые деньги, чтобы ее тюрьмы обрекали людей на самоубийство. Я постоянно двигалась по камере, а когда уставала, садилась на откидную скамью. За все время пребывания в так называемой следственной тюрьме я не получила ни одной книги, даже библии. Газетную бумагу для определенных целей нарезали так мелко и так перетасовывали ее, что нельзя было даже догадаться о смысле напечатанного. Чего только фашисты не выдумывали, чтобы отравить жизнь политзаключенным!

Часто я спрашивала себя со страхом, как долго я смогу это выдержать? Полгода, год? И через какие этапы предстоит мне еще пройти? Что там еще замышляет гестапо? Хорошо, что человек не все может предвидеть, иначе он мог бы пойти на крайности или необдуманные действия. Чаще всего в таких условиях помогает выжить неопределенность...

Поздней осенью 1935 года дверь моей камеры неожиданно отворилась, и старший надзиратель сказал:

— Приготовиться к отправке!

Я испугалась. Снова в гестапо? Но этого не произошло. Меня отправляли в Берлин в Моабитскую тюрьму. Перед обитыми железом воротами тюрьмы я увидела «зеленую минну». В детстве, когда я видела эту тюремную машину, то еще крепче сжимала руку матери. Я боялась, что из нее выйдет преступник и обидит нас. Теперь в этой машине везли меня.

Мы ехали не очень долго. Вскоре машина остановилась, и один из конвоиров вышел из нее; он о чем-то поговорил с кем-то, а затем втолкнул еще одного человека. Это был Фридрих. Я тихо назвала его по имени. Он повернулся ко мне и предупредил:

— Здесь нельзя говорить!..

Разве могли эти чудовища, конвоировавшие нас, понять обычное проявление человеческих чувств? Большинство из них полностью очерствели на своей службе. Я очень редко встречала среди этих людей способных к сопереживанию или желающих разобраться, на чьей стороне была правда. Тот же, кто сидел здесь, в машине, и дымил трубкой, был бессилен даже перед языком мимики, жестов. А взгляд Фридриха говорил мне о многом...

К вечеру нас вместе с еще двумя заключенными доставили в Моабитскую тюрьму. После долгого сидения в тесной клетке у меня онемели ноги, и я с трудом встала. В сопровождении полицейского и конвоира меня привели

к дежурной по тюрьме и сдали по акту, как какой-нибудь кусок мыла.

В приемной мое внимание привлекла лежавшая на столе газета с проштампованной на ней красной краской фамилией подписчика — Хельд. Это был печатный орган католиков. Верующая христианка и — служащая каторжной тюрьмы! Как это возможно совместить? Интересно, как она пришла сюда? По принуждению или добровольно? Что она за человек? Однако больше всего меня беспокоило, почему я доставлена в Берлин. Чего они все-таки добиваются? Ведь арестовали-то меня в Дюссельдорфе.

— Вы ели? — спросила женщина, когда мы остались одни.

— Нет, — ответила я и тут же почувствовала, как от голода закружилась голова.

Она предложила взять часть бутербродов из ее коробки, но я поблагодарила и отказалась.

— Берите и ешьте. Только никому ни слова об этом. Ведь я знаю, вы, политзаключенные, обо всем говорите друг другу. Но я не хочу этого знать. Вы поняли, надеюсь? — настаивала на своем эта женщина.

Я взяла бутерброды, а сама с тревогой думала: «Зачем она это делает? Может быть, она — провокатор гестапо и хочет таким путем завоевать мое доверие?»

Как же трудно составить правильное представление о человеке, когда нет достаточного опыта. Лишь много позже я поняла причину такого поведения фрау Хельд, а также старого полицейского в Дюссельдорфе и ряда других слуг гитлеровского рейха.

Моабитская тюрьма мало чем отличалась от места моего заключения в Дерендорфе. Правда, камера была несколько просторнее. Теперь, совершая прогулки по ней, я могла делать четыре шага по диагонали и три вдоль стены!

И здесь мне тоже запрещалось получать корреспонденцию, книги, газеты, журналы, а также просить свидания с кем-либо. Эти ограничения устанавливались в соответствии с нацистскими инструкциями, которые полностью противоречили еще действовавшим в стране законам. Но для фашистов закон и права человека не имели никакого значения. В гестапо мне прямо заявили, что я, как обвиняемая, не могу оставаться на свободе, поскольку, мол, обязательно попытаюсь скрыться и тем самым создам препятствия для ведения следствия.

В шесть часов утра надзирательница принесла на завтрак сто граммов хлеба и кружку ячменного кофе. Затем дверь камеры захлопнулась, звякнул засов — и я снова в полном одиночестве. Потом дверь камеры еще дважды открывалась: на обед мне принесли миску супа, а на ужин — кусок хлеба с чаем. И так повторялось изо дня в день. Наконец мне разрешили прогулки, которые теперь разнообразили монотонность тюремных будней. Я всякий раз с волнением ждала, когда меня выведут на 10—15 минут на тюремный двор. Шагая по кругу, я вспоминала о лошадях на шахтах, которые тоже двигались по кругу, а когда бедные животные старели и дряхлели, их просто забивали.

Эти минуты пребывания на воздухе проносились быстро, а затем опять одиночество. Для меня, человека общительного по натуре, оно было особенно тяжелой и страшной пыткой. Я стала замечать, что временами начинала непроизвольно говорить сама с собой. И какую же большую радость и счастье я испытала, услышав в одно из воскресений звуки органа! Я плотно прижала ухо к двери и наслаждалась исполнением хорала, который разучивала еще в школьные годы. Он назывался «Помни обо мне и пой в честь высшего творца».

Я вспомнила учителя Марбаха, который открыто издевался надо мной перед всем классом за то, что я без ошибок исполняла этот хорал.

— Даже еврейка смогла запомнить его текст! Вы что, хотите, чтобы она над вами взяла верх? — со злостью ругал он учеников.

Перед моими глазами отчетливо вставал образ этого зловещего человека — среднего роста, темноволосого, с густыми черными усами, в очках с золотой оправой. Он и учитель Кучбах преподнесли мне наглядные уроки антисемитизма и шовинизма.

Я еще не раз наслаждалась этими отдаленными звуками органной музыки. До сих пор не знаю, кто же играл на органе, но мне хочется воздать благодарность неизвестному музыканту за то, что он доставлял заключенным минуты радости и придавал им новые силы.

Если бы все только зависело от фашистов, то мы рано или поздно морально надломились бы или погибли. Жизнь наша висела на волоске, и то, что она оборвалась не у всех, объяснялось различными причинами или просто счастливым случаем. Каждый переживший этот ад мог бы привести десятки примеров того, как ему удава-

лось выстоять против коричневой чумы. Так было и со мной. Находясь в Моабитской тюрьме, я, к счастью, встретила среди тюремного персонала людей, которые еще оставались верными принципам Веймарской республики и не подверглись тлетворному влиянию нацизма. К их числу я отношу фрау Хельд и ее сестру, а также и еще двух тюремных служительниц. Они, как я уже отмечала, в своем гуманном поведении исходили из принципов религиозной морали.

Однако такие люди составляли редкое исключение в Моабитской тюрьме. В основном в ней, как и во всех фашистских тюрьмах, господствовал тип служителей, которым собаки были дороже, чем люди. Среди тюремщиков были и скрытые провокаторы, пытавшиеся втереться в доверие к заключенным. Поэтому нам приходилось сохранять постоянную бдительность.

Однажды незадолго до обеда в мою камеру вошла одна из самых жестоких и грубых надзирательниц, прозванная Попугаем за ее уродливый нос.

— Посещение! — протрубила она и взглянула на меня воспаленными красными глазами.

Не ослышалась ли я? Но тут же появился и сам посетитель — католический священник! Что ему от меня надо? Я насторожилась. А может быть, он от наших друзей — молодых католиков? По возрасту он был еще довольно молод.

Его елейные речи и неестественно мягкая манера поведения вскоре стали действовать мне на нервы.

— Не нуждаетесь ли в чем-либо? — растягивая слова, спросил он.

— Вас, вероятно, неправильно информировали, я — не католичка и не собираюсь стать ею.

Священник извинился и ушел.

Через день ко мне явился в старомодном черном сюртуке раввин, с седоватой бородой, близорукий, с медлительными движениями.

— Дитя мое, ты — еврейка и ни разу не отрицала этого на допросах.

Он знает о моих ответах на допросах! Это очень удивило меня.

— Вернись в нашу общину, ведь скоро наступит наша пасха. Мы возьмем тебя к себе. Найди путь к богу снова!

— Извините, я не припомню, чтобы обращалась с

просьбой о вашем визите, — ответила я, с трудом сдерживая гнев.

Он помолчал несколько мгновений, затем тихо произнес:

— Двери в храм божий открыты, ты можешь войти.

Я отвернулась к окну. Шел снег с дождем... Раввин почувствовал себя лишним и покинул камеру.

«Только еще протестантского пастора мне не хватает», — подумала я.

И действительно, на следующий день появился молодой, элегантный пастор.

— Что же это все означает? Сначала католик, затем раввин, теперь вы? Что, вера стала товаром? — бросила я ему в лицо.

Мой прямой вопрос обескуражил его, он повернулся и вышел.

Я еще очень долго размышляла по поводу этих странных визитов. Да, служители культа шли в психологическую атаку в надежде прибрать к рукам «заблудшую душу».

За все время пребывания в тюрьмах мне не разрешались свидания с родными и близкими. Но вот однажды сопровождавшая меня к следователю надзирательница Гертруда, которая гуманно относилась к заключенным, сказала:

— Кто-то из твоих родственников должен быть у тебя сегодня. Я сама видела запись в журнале посещений.

Это сообщение потрясло меня. Кто же это мог быть? Для отца я уже умерла в 1928 году. У ортодоксальных евреев женщина, которая вышла замуж за человека другой национальности, считается умершей. В синагоге состоялась официальная служба моего отпевания. Отец объявил для себя траур, он восемь дней подолгу молился, сидя на полу, и не имел права менять белья.

Вообще, когда я вспоминаю об отце, то вижу его всегда молящимся. Он произносил свои молитвы на староеврейском языке, и я как-то из любопытства спросила, что они означают по-немецки.

— Самое главное — меня понимает бог, это — его язык, — со злостью ответил он.

Моя сестра Яхета какое-то время была членом левого крыла сионистов. Мы с Фридрихом часто спорили с ней, стараясь разъяснить ей классовую сущность сионизма, всю его реакционность и кто финансирует эту организацию. Со временем она порвала свои отношения с сиони-

стами и вступила в ряды нашей партии. Позднее она вела политическую работу на предприятии по производству резины в Пистерице. Вскоре с приходом фашистов к власти ее арестовали. Однако ей удалось бежать из тюрьмы и выехать в Советский Союз. Там она вышла замуж за одного советского офицера, который погиб во время второй мировой войны.

Брат Йозеф был на три года старше меня. Он получил экономическое образование и состоял членом социал-демократической партии. Он также попал в руки нацистов и погиб в расцвете сил.

Самый младший брат Маркус — мы его называли Макси — после установления в стране фашистской диктатуры нигде не мог найти работы и жил случайными заработками. Новая власть отнимала у евреев всякую надежду на достойную человека жизнь.

Итак, мои ближайшие родственники или умерли уже, или рассеялись по всему свету. «Кто же хочет посетить меня?» — снова спрашивала я себя. Поэтому я не поверила своим глазам, когда, войдя в помещение для встреч, увидела своего младшего брата.

Маркус был очень привязан ко мне. Ему исполнилось всего четыре года, когда умерла наша мать, и я заменила ему ее. Когда же отец своими побоями изгнал меня из дома, я очень волновалась за судьбу Маркуса и старалась в меру своих сил и возможностей помочь ему. Фридрих тоже заботился о нем.

Мы устремились навстречу друг другу и крепко обнялись. Следователь доктор Миттендорф был настолько поражен бурным проявлением наших чувств, что в первые мгновения забыл потребовать от нас соблюдения установленных правил при свиданиях.

— Лихтер, это запрещено, — сказал он, когда мы уже немного успокоились.

Я села и стала рассматривать Макси, пока он говорил, что хочет уехать из Германии, но у него еще нет для этого достаточно денег. Я соглашалась с ним. Действительно, ему необходимо было как можно скорее покинуть эту страну. Я спросила следователя, могу ли я потребовать свое кольцо, которое находится на хранении у золовки Мелани, и передать его брату. Она была известна гестапо и находилась под его наблюдением.

Миттендорф сначала задумался, а затем заявил, что не возражает против этого.

— Быстрее иди и возьми кольцо! Куй железо, пока горячо! — крикнула я уже вслед уходящему брату.

Кольцо он сразу же забрал и на вырученные деньги купил билет за границу.

Мой младший брат! Когда я думаю о нем, становится тяжело на сердце. Он погиб в Палестине, не дожив и до тридцати лет. Вырвавшись из нацистского ада, он погиб в бессмысленной войне с арабами.

Новый период в моей тюремной жизни начался с того момента, когда чей-то голос несколько раз повторил имя Гермина. Я насторожилась; ведь это было одно из моих подпольных имен. Я подошла к окну, подпрыгнула и ухватилась за железные прутья решетки, подтянулась вверх и снова услышала голос:

— Сегодня вечером после отбоя мы опять дадим о себе знать.

Да, это касалось меня. Теперь стоило больших усилий дождаться вечерней смены караула. Наконец все стихло, и до меня снова донесся знакомый голос:

— Гермина, не падай духом! Завтра во время прогулки я тебе кое-что положу в камеру. Спокойной ночи!..

Вернувшись с прогулки, я тотчас бросилась тщательно осматривать камеру. Заглянула в шкаф, под кровать. (С разрешения врача я могла пользоваться откидной кроватью и в дневное время.) Обыскала все уголки, но ничего не обнаружила. «Видимо, этот человек обращался не ко мне», — решила я. Разочарованная, я легла на тюремную лежанку. И вдруг почувствовала, что под круглым валиком что-то лежит. Я сдвинула его и нашла тюбик зубной пасты, плиточку шоколада и кусок смальца в плотной пергаментной бумаге. Нижняя часть тюбика была закатана. Я развернула его — оттуда выпала маленькая записочка со следующим текстом:

«Дорогая Гермина! Как ты себя чувствуешь теперь? В ближайшее время тебя ознакомят с обвинительным актом, а затем состоится суд. Если ты хочешь передать что-нибудь на волю, сообщи мне. Сердечно приветствую тебя. Подтверди получение записки. Эльза Штайнфурт».

Эльза Штайнфурт! Сколько же этой бедной женщине пришлось пережить! Ее мужа Эриха при аресте гестаповцы убили выстрелом в затылок, и, чтобы скрыть свое преступление, они в своей газете поместили сообщение: «Убит при попытке к бегству». Однако это большое горе

не сломило Эльзу, и она продолжала активно бороться даже в фашистских застенках. В Моабитской тюрьме она очень помогла мне, благодаря ей я получила возможность связаться с товарищами по партии. Когда же меня посадили в каторжную тюрьму в Яуэре, мои контакты с ней прервались. Но я на всю свою жизнь запомнила ее неиссякаемую доброту и заботу обо мне.

Мы обе теперь живем в Берлине, но видимся довольно редко. А если и случается встретиться, мы чувствуем себя так, будто никогда не расставались.

Прежде всего мне надо было попросить у Эльзы, чтобы она достала хоть какой-нибудь карандаш. Для записок же я могла использовать поля газетной бумаги.

Вечером я сообщила ей:

— Моя дорогая, мысленно пишу тебе сотни писем! Однако как мне хочется написать тебе настоящее письмо!

Эльза все поняла, и уже через день я получила механический карандаш с графитным стержнем, немного бумаги и вторую записку, в которой она писала:

«Моя сестра Лизель будет заботиться о тебе. Она обратится с прошением разрешить тебе переписку. Ей ты можешь писать все, даже об адвокате и питании. Нужны ли книги, одежда? Есть ли у тебя сведения о Фридрихе?»

Это письмо уже было без подписи и написано печатными буквами, некоторые из которых были вырезаны из газетной бумаги. Я не могла удержаться от улыбки.

Через три недели я получила первое письмо от Лизель и ее маленькое фото. У нее, как и у Эльзы, было красивое открытое лицо с серьезным, пытливым взглядом.

В 1945 году после окончания войны я собралась навестить Лизель, но узнала, что она погибла. С чувством глубокой благодарности мои дети и я храним память о ней.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Незадолго до рождества 1935 года Попугай принесла мне в камеру папку с какими-то бумагами и, вручая их, с издевкой сказала:

— Теперь у тебя будет что почитать. Возьми обвинительный акт!

Нацистскому правосудию потребовалось четырнадцать месяцев, чтобы состряпать это так называемое «дело».

Фридриху предъявлялось обвинение в измене родине и предлагалось вынести ему смертный приговор. Приводился длинный перечень сведений, которые он якобы передал врагам Германии. Эта секретная информация касалась военного потенциала страны, называлось количество моторизованных и кавалерийских частей, формирований штурмовиков, а также число молодых людей, отбывших обязательную трудовую повинность, и общая численность всех родов войск.

Против меня следователи выдвинули два вещественных доказательства моей вины. При аресте гестаповцы нашли в сумке фальшивый паспорт и листок бумаги с началом текста воззвания «Ко всей молодежи, любящей Германию». На допросах я призналась, что этот текст переписан мною, но категорически отрицала свое авторство. При самом благоприятном исходе дела я могла рассчитывать на несколько лет каторжной тюрьмы, но это меня меньше всего беспокоило, поскольку над Фридрихом нависла смертельная опасность. Я не находила себе места, очень ослабла и похудела, хотя внешне и старалась держать себя в руках.

Только в марте 1936-го нацистский суд приступил к рассмотрению наших дел. В зал судебного заседания нас ввели почти одновременно. Руки Фридриха были в наручниках. Он взглянул на меня и улыбнулся. Я тоже пыталась ответить ему тем же.

Последнее письмо Лизель расстроило меня еще больше. Она писала: «Ты в состоянии понять положение и без адвоката», а это значило, что я должна была быть готова к самому страшному.

Фридрих сидел сбоку от меня, мы все время переглядывались. Когда он наклонялся, наручники издавали тихий звон. Очевидно, в другой ситуации я постеснялась бы вести себя так. Однако сейчас мне было не до стыда, для нас двоих больше никого не существовало в этом зале.

Так называемые народные судьи заняли места. Среди них были два высоких военных чина, а остальные — гражданские в красных судейских мантиях. Расставленные полукругом в зале стулья в основном пустовали, публики почти не было.

Началось судебное разбирательство. Фридрих держался спокойно, его лицо было напряженно-сосредоточенным. И даже когда прокурор потребовал вынести смертный приговор, он не шевельнулся, а продолжал сидеть

в своей обычной позе, несколько склонив набок голову.

Как во сне я выслушала обвинение в свой адрес. Мне было уже все равно, что там говорили судьи; мысли мои были обращены к Фридриху, и я по привычке молила бога сохранить Фрицу жизнь, а взамен взять мою. А слова у судей сыпались, как горох в банку, и я совсем перестала обращать на них внимание. Но в какой-то момент до моего слуха долетела фраза:

— Лихтер вовсе уж не такая кроткая овечка, какой она прикидывается здесь. Она лавирует, стремится ввести нас в заблуждение! Я требую приговорить ее к пяти годам каторги!

Я взглянула на Фридриха, и он улыбнулся. Откуда только брались у него силы? Его стойкость и выдержка удивляли меня.

Наступила очередь выступать назначенному судом защитнику.

— Обвиняемый и обвиняемая отказались от своего права на защиту. Тем не менее я хотел бы сказать несколько слов в их оправдание. У меня сложилось впечатление, что судьба этого молодого человека уже была предопределена его юностью, той жизнью, которой он жил. Его политические убеждения искренни и честны, хотя и ошибочны. Он убежден, что человечество сможет обойтись без экономики, основанной на извлечении прибыли. Он — настоящий идеалист. Поэтому, пользуясь предоставленным мне правом, я обращаюсь к высокому суду с просьбой не выносить смертного приговора подсудимому.

В душе я сомневалась в искренности этого защитника. Наверняка он был одним из тех болванов, которые слепо шли за Гитлером, а сейчас помогал нацистам разыгрывать этот спектакль.

Фридриху дали последнее слово. Его спокойный голос звонко зазвучал в пустом зале:

— Здесь предложили вынести мне смертный приговор. Я, как и любой человек, люблю жизнь, она дается нам лишь один раз. Конечно, вы можете убить меня, но этим вы все равно ничего не добьетесь. Наше дело, которое начали Маркс и Энгельс сто лет назад, непобедимо, вместо павших борцов встанут другие. Все несчастья в мире происходят от эксплуатации человека человеком...

— Обвиняемый, не занимайтесь здесь пропагандой!— грубо прервал его председатель суда.

— Ну что ж, хорошо!.. Вы обвиняете меня в измене

родине, в том, что я якобы работал в пользу другого государства. Однако никаких доказательств у суда на этот счет нет. Вы обвиняете меня в том, что я приводил в своих статьях и выступлениях «секретные» данные. Но возьмите, пожалуйста, «Дер Ангриф», «Фёлькишер Беобахтер», молодежный журнал «Махт унд Вилле» — и вы убедитесь, что всего лишь за две марки я почерпнул из них всю ту важную информацию, о которой вы говорите здесь. Следуя букве закона, надо было бы прежде всего посадить на скамью подсудимых главных редакторов этих печатных органов и предъявить им точно такое же обвинение. Вы даже приводите конкретные цифры, которые я назвал в своем выступлении на декабрьском пленуме 1933 года Коммунистического интернационала молодежи. Но ведь они публиковались в швейцарском журнале «Рундшау», а авторами помещенных в нем статей, как хорошо вам известно, являлись национал-социалисты. Так что раньше их я не мог совершить своего «предательства»...

— Прекратите! Я лишаю вас слова! — заорал председатель.

Он стал яростно жестикулировать руками и в своей красной мантии походил на летучую мышь. От гнева лицо у него покрылось багровыми пятнами, как у пьяницы.

Фридрих сел. Мне очень хотелось подбежать к нему и обнять.

Затем суд приступил к рассмотрению моего дела. Эта процедура длилась недолго, и вскоре мне предоставили последнее слово. Я медленно поднялась, поскольку ноги сделались словно ватными. С трудом сдерживая волнение, я начала говорить:

— Почему я должна защищаться? Скажите же, в чем состоит мое преступление? Я жена Фридриха Гроссе и люблю его так же, как и миллионы других женщин в мире любят своих мужей и готовы ради них пойти на все. Спросите своих жен, как бы они поступили на моем месте. Разве любить и помогать мужу — это преступление? Да, я сторонница марксистского учения и ничего предосудительного в этом не вижу.

Моя вина состоит в том, что у меня оказался фальшивый паспорт, который я купила за очень большие деньги, чтобы быть ближе к Фридриху. Этим я нарушила закон и признаю себя виновной, — закончила я свое выступление и быстро села.

— Лихтер ловко хитрит и старается выдать себя за того, кем она не является на самом деле, — заметил один из военных.

Меня охватил гнев, но, взглянув на Фридриха, я взяла себя в руки и спокойным тоном возразила:

— Да, я придерживаюсь других политических взглядов и заявляю об этом честно и открыто, как учили меня дома и в школе. Если человек разделяет те или иные взгляды, то это еще не означает, что он является профессиональным политиком.

Судьи о чем-то пошептались между собой, а затем дали слово защитнику.

Его речь была очень краткой:

— Лихтер не скрывает своего мировоззрения, и я прошу суд учесть это обстоятельство. Ее основная вина состоит в том, что она купила фальшивый паспорт, и за это она обязана понести наказание. Однако и в этом случае суд должен принять во внимание чистосердечное признание вины подсудимой.

Суд удалился на совещание. Фридриха и меня вывели из зала и повели вниз по лестнице в какой-то подвал. Там нас разместили по разным комнатам.

Настали минуты тягостного ожидания. Мои мысли по-прежнему были обращены к Фридриху, над которым нависла смертельная угроза. Нервы у меня были напряжены до предела.

Ну вот наконец пришел момент, которого я ждала с таким страхом. Суд приговорил Фридриха Гроссе к пожизненной каторге, а меня — к пяти годам каторжной тюрьмы.

От радости я рванулась к Фридриху и, повиснув у него на шее, твердила только одно:

— Ты будешь жить, жить!..

После небольшого замешательства один из охранников схватил меня и снова водворил на место.

В ЯУЭРСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

После суда Фридриха отправили в каторжную тюрьму в Бранденбурге, а меня — в Яуэр (теперь он называется Явор). Яуэрскую тюрьму с потрясающей силой описала в своем романе «Дом с тяжелыми воротами» Эва Липпольд, мой товарищ по неволе. И все же мне тоже хочется коротко рассказать об этой тюрьме, где каждый умирал или выживал в одиночку.

Городок Яуэр, населенный тогда преимущественно ремесленниками и мелкими торговцами, располагался непосредственно у подножия огромной горы. Немало женщин этого идиллического уголка работали, как они называли себя, служащими, а на самом деле надзирательницами местной каторжной тюрьмы. Сделав такой выбор, они незаметно сами превращались в ее узниц на всю жизнь. Тюрьма находилась в старом рыцарском замке. Крепостная стена толщиной в полтора метра, вечно холодные и влажные помещения замка, в которых содержались заключенные, очень живо напоминали о мрачных временах средневековья. Как и много веков назад, в замке не было ни водопровода, ни канализации. Воду приходилось качать ручным насосом из глубокого колодца.

Тюрьма в Яуэре жила по своим собственным законам, которые учреждались самим ее начальником по прозвищу Хромой. Как его звали на самом деле, едва ли кто-нибудь знал. Он всегда орал, размахивая своей палкой, и у каждого возникало ощущение, что он сейчас ударит именно его.

Первые полгода я не получала от Фридриха никаких вестей, хотя официально власти и не запрещали мне вести переписку. Оказалось, что Хромой самовольно лишил меня этого права. Когда я в связи с этим попросила встречи с ним, то в ответ услышала начальственный окрик:

— Вы что, желаете писать этому преступнику? Получать письма от подобного субъекта непристойно!

Я посмела возразить, и меня бросили за это на три дня в карцер. Это было еще менее жестокое наказание, поскольку с 1937 года за малейшую провинность заключенных помещали в карцер уже не меньше чем на пять дней.

Охранники тоже сами решали вопрос, давать ли заключенной предписанное врачом ореховое масло или нет. Оно было почти безвкусным, но имело целебные свойства. Врач выписывал его изнуренным и ослабевшим людям. Оно выдавалось в маленьких колбах в количестве от 10 до 15 граммов в каждой. Мы делились им с особо нуждавшимися в поддержке узницами. В 1936 году политическим заключенным дали на обед испорченную скумбрию, и многие из них серьезно отравились.

Одной из наших заключенных удалось неизвестным мне путем сообщить об этом случае на волю. Самовольно

назначенное Хромым расследование было, однако, пострашнее официальных проверок комиссии. Постоянные обыски с унизительной процедурой раздевания и ощупывания узниц выводили людей из терпения. Они не знали покоя от распоясавшихся тюремщиков. Особенно усердствовали начальник тюрьмы, надсмотрщицы Никсдорф, Циммерманн и другие.

Питание в Яуэре было еще хуже, чем, скажем, в Вальдхайме или Дюссельдорфе. Там политзаключенные получали маргарин, а в Яуэре только по сто граммов черствого хлеба. Один раз в месяц по воскресеньям давали по двадцать пять граммов сиропа, или кровяной колбасы, или конфитюра.

Строгие административные наказания практиковались в Яуэре еще до того, как их стала официально вводить фашистская фемида. Пять дней карцера вместо трех, как раньше. Был урезан рацион питания для тех, кого сажали в карцер. Заключенный должен был в течение дня сидеть на корточках на холодном каменном полу. На время сна ему давали деревянные нары и тоненькое одеяло. Наказанный получал всего лишь литр холодной воды и кусок черствого хлеба. Лишь на третий день выдавали миску теплого супа, которого должно было хватить до пятого дня.

По возвращении в общую камеру человек обычно заболевал или едва держался на ногах от слабости и истощения.

Обращение с заключенными в Яуэре было очень грубым и бесчеловечным, оно сопровождалось непрестанными окриками и ругательствами. Я раньше даже и вообразить себе не могла, что женщины могут так противно орать. Ни в Моабите, ни в Дюссельдорфе надсмотрщицы не позволяли себе так истошно вопить. Однако мы сразу научились пользоваться истеричностью этих особ. Как только начинался их крик, от которого содрогались стены, мы могли переговорить друг с другом, особенно когда нас выводили на прогулку.

Раздеваться в камере, даже в одиночной, при умывании запрещалось. Я долгое время находилась в одиночном заключении и поэтому принимала свой утренний туалет так, как мне было необходимо и удобно. Но однажды ко мне с воплями и бранью ворвалась Никсдорф.

— Ты — нахальная тварь, безнравственная дрянь! — с яростью набросилась она на меня. — А ну-ка живо в карцер!

Ничего подобного, как мне известно, в других тюрьмах не происходило.

Всем заключенным официально разрешалось один раз в шесть недель отправлять домой письма. В Яуэре наши «попечительницы» имели право запретить переписку, если, по их мнению, заключенная плохо вела себя. А когда это решали такие люди, как Никсдорф, то обыкновенно критерии в оценках добра и зла легко менялись.

Как и во всякой другой фашистской тюрьме, в Яуэре часть заключенных содержалась в одиночных камерах, а большинство же — в общих. Для этих целей использовались оба бывших парадных зала замка. Это были огромные, высокие и очень холодные помещения. Боковые окна тянулись с пола до потолка, и надсмотрщицы всегда оставляли их открытыми. Поэтому заключенные постоянно находились на страшном сквозняке. В одном люди работали, в другом — спали. Зал для ночлега был разделен железными щитами на сто двадцать узких камер, похожих на клетки для зверей в зоопарке. В каждой из них имелась железная откидная кровать с соломенным матрацем. При умывании ее всегда приходилось прижимать к стене, чтобы дотянуться до деревянной табуретки и зачерпнуть руками воды из глиняной миски.

Боковые стенки этих клеток были закрыты листовым железом, окрашенным в белый цвет. Таким образом, каждая из нас могла видеть только свою соседку напротив. Разумеется, мы пытались общаться друг с другом, но надзирательницы строго следили за нами. Они очень радовались, когда им удавалось поймать нарушителя порядка и отправить его в карцер. Особым рвением здесь выделялась Никсдорф, презрительно прозванная нами Кикиморой. Глазами Аргуса следила она за каждым нашим движением. Тупо уставившись сквозь очки в золотой оправе и ни на минуту не прекращая жевать карамель, она постоянно сквозь зубы цедила:

— Не болтать! За-пре-щаю!

В Яуэр меня доставили в мае 1936 года. По пути в Бреслау (теперь Вроцлав) в машину подсадили еще женщину-уголовницу. В тюрьму мы прибыли поздно вечером, и прежде чем добраться до своих камер, нам пришлось трижды останавливаться перед тяжелыми железными дверьми и ждать, пока наш конвоир сдаст какие-то документы. Двери открывались со страшным грохотом и скрипом. Наконец мы предстали перед маленькой бледной женщиной, одетой в длинное платье, которое скры-

вало ее очень кривые ноги. Потом мы узнали, что эта особа носила прозвище Кривоногая Такса.

— Знайте, здесь не санаторий! Где политзаключенная? — пронзительно, скрипучим голосом спросила надзирательница.

Я оглянулась вокруг и, убедившись, что рядом со мной стояла лишь уголовница, подняла руку.

— Остерегайся таких особ! Они хотят убить нашего фюрера! — указывая на меня пальцем, со злостью сказала она.

После такого представления нас направили к Хозяйке Дома, обычной кастелянше, распоряжавшейся арестантской одеждой, посудой, мылом, обувью, хозяйственным инвентарем для работы и уборки. Эта пожилая грузная женщина с гладко зачесанными седоватыми волосами превратила обычное переодевание в настоящее глумление над нами. Мы разделись в ее присутствии. Она пристально осматривала наши тела, словно ощупывая их глазами, определила размер арестантской робы и с брезгливостью бросила ее нам. Мне стало дурно от этой сцены и от запаха нафталина, на который у меня была аллергия.

По винтовой лестнице я поднялась за надзирательницей в огромный зал. Где-то в углу горел тусклый ночник. Вокруг раздавались храп и стоны, бред и плач спящих людей. Когда глаза немного привыкли к темноте, я увидела множество клеток. Попыталась заглянуть в одну из них, но тут же Такса гневно заорала:

— Это запрещено делать! Здесь тюрьма, и в ней свои порядки!

И с этими словами она грубо втолкнула меня в железную клетку.

Я разделась, опустила откидную кровать и легла. Но едва только я согрела своим теплом постельное белье, как ощутила на себе нашествие полчища клопов. Они непрерывно терзали меня укусами, все тело горело и сильно зудело.

«Как только могли спать люди среди этого кошмара», — подумала я.

Только на рассвете, когда по стенам поползли бледно-серые тени, я задремала. Но вскоре шум шагов и лязг железа разбудил меня. Я чувствовала себя разбитой, в нос ударило страшное зловоние...

— Но ты к этому привыкнешь, — как-то сказала мне отчаянная Кэте Хинце.

И действительно, она оказалась права.

В тюрьме, как я уже отмечала, не было туалетов, поэтому администрация «любезно» позволила для ста двадцати политзаключенных установить две параши, каждая из которых имела емкость в пятьдесят литров. Они очень быстро заполнялись, опорожнение их входило в обязанность каждой заключенной поочередно. От этого не освобождались даже преклонного возраста женщины, такие как Омс и Кребс.

Роман Анны Зегерс «Седьмой крест» кончается словами: «Все мы знали, как беспощадно и страшно внешние силы могут терзать человека до самых глубин его существа, но мы знали и то, что в самой глубине человеческой души есть что-то неприкосновенное и неприступное навеки».

Эти слова мне очень часто приходят в голову, когда я вспоминаю о годах заключения в Яуэре. Нас истязали, постоянно унижали, обрекали на произвол и капризы надсмотрщиц, но все же в конечном счете мы были сильнее своих мучителей. Несмотря на строгий контроль за поведением заключенных, бесконечные обыски с раздеванием, пребывание ночью в железных клетках с двойным запором, когда казалось, что ничто не может ускользнуть от хищных глаз надзирательниц, в тюрьме жила и действовала партийная организация, которая объединяла людей на борьбу против произвола тюремной администрации, помогая им выжить в этом кромешном аду. С больными и приговоренными к длительному заключению мы делились своим скудным рационом. Те из нас, кто направлялся на полевые работы на землях, примыкавших к замку, или к зажиточным крестьянам, всегда тайком приносили что-нибудь из съестного — кусок хлеба, головку лука или пару яблок. Все это мы прятали в длинных широких шароварах или грубых свободных рубашках, которые нам выдавались. Некоторым женщинам рекомендовалось почаще обращаться к врачу и просить его выписать ореховое масло, которое затем передавалось тяжелобольным.

Например, я вначале заботилась о Минне Хермс, затем опекала Рут Хайнерсдорф. Почти два года подряд от порции хлеба я оставляла для себя только жесткие корки. Отдать селедку или кусочек свинины нуждавшейся подруге не составляло для меня большой трудности.

Гораздо сложнее было отказываться от ложки сиропа, который мы получали раз в месяц на ужин. В эту ночь я обычно не могла заснуть. Так велика была моя потребность в сладком.

Мы передавали подругам дополнительное питание через уборщиц или во время приема душа, когда краны горячей воды специально открывались на полную мощь, чтобы быстрее наполнить душевую паром.

Нацистские ищейки знали, что мы помогаем друг другу, а поэтому изо всех сил старались поймать кого-нибудь из нас с поличным. Когда же им удавалось схватить нашу подругу, то она всегда молчала, и ее бросали на пять суток в карцер.

— Уж очень дружные эти люди, их водой не разольешь, — сокрушались наши мучители в таких случаях.

Да, здесь они были справедливы в оценке нашей сплоченности и солидарности.

Руководство подпольной партийной организации смогло даже организовать регулярные политзанятия с коммунистами. Они проводились в насосной, которая находилась в подвале. Качать воду из глубокого колодца был тяжкий труд, и надзирательницы с особым удовольствием поручали выполнять его политзаключенным. Каждый раз в наряд добровольно вызывались восемь человек вместе с руководителем занятий. Часто среди них была Фридель Франц, вероятно больше известная многим под именем Фридель Мальтер. Этой женщине я обязана в основном своими первыми познаниями в политэкономии. О Фридель Франц можно написать целую книгу. Ее жизненный путь, в котором отразилась целая эпоха в истории немецкого народа, наглядно показывает, как наша партия воспитывала из угнетенных и забитых женщин талантливых пролетарских борцов.

Фридель родилась в Бреслау в простой рабочей семье, в которой было семеро детей. С первых дней первой мировой войны ее отца призвали в армию, хотя он был кормильцем многодетной семьи. Таким образом, вся забота по содержанию детей свалилась на плечи матери. Она пошла работать в госпиталь. С самого раннего детства Фридель помогала своим родителям. Сначала она заботилась о младших братьях и сестрах, потом в сезонное время работала скорняком, затем устроилась горничной

к одному таможенному чиновнику. Фридель очень любила читать, и хозяин, заметив это, дал ей почитать некоторые книги из своей библиотеки. Таким путем девушка смогла приобщиться к сокровищам мировой литературы. Однако не только чтение книг, но и сама жизнь пробудила у нее острый интерес к социальным и политическим вопросам. Становлению ее классового самосознания способствовал и ее муж Франц. Вскоре она тоже стала членом КПГ. После свадьбы молодые супруги поселились в промышленном городе Вальденбурге (ныне Валбжих), где Фридель стала текстильщицей. Она пользовалась большим доверием у своих товарищей.

В 1929 году она была одним из организаторов крупной стачки текстильщиков в Силезии. Борьба шла за увеличение почасовой оплаты труда на три пфеннига. Социал-демократы были готовы довольствоваться повышением на один пфенниг. Однако рабочие настояли на своем и довели стачку до победы. Силезская окружная партийная организация КПГ избрала Фридель делегатом на XII съезд партии. После окончания партийной школы в Фихтенау под Берлином она руководила работой женщин в Силезии и входила в состав руководства окружной организации. В 1932 году ее избрали депутатом от КПГ в прусский ландтаг. Но с приходом к власти фашистов Фридель арестовали и бросили в тюрьму, где я с ней впервые и встретилась. Ее муж эмигрировал в Советский Союз. С началом второй мировой войны Франц вступил в ряды Красной Армии и боролся против фашизма.

После освобождения Фридель Мальтер отдавала все свои силы построению социалистического общества. Многие товарищи, особенно представители старшего поколения, хорошо знают эту энергичную и беззаветно преданную нашему делу женщину по работе в Объединении свободных немецких профсоюзов и особенно в Лиге дружбы народов.

Фридель живет в том же самом районе, где и я. Мы встречаемся с ней на партийных собраниях, иногда ходим друг к другу в гости, но, к сожалению, слишком редко, поскольку общественные дела занимают у нас много времени. С Фридель нас связывает очень тесная, уходящая корнями в далекое прошлое дружба, которая неподвластна годам. Несмотря на солидный возраст, мы по-прежнему полны оптимизма и гордимся своей сопричастностью к современности.

Когда мы спускались в насосную на очередное политическое занятие, нас обдувал поток холодного воздуха, под ногами в темноте шмыгало какое-то зверье, но эта мрачная обстановка не угнетала, а, напротив, наполняла наши сердца радостью. Ведь нам удавалось хоть в чем-то небольшом, но все же одержать верх над свирепыми надзирательницами и верным псом начальника тюрьмы — Циммерманн. Здесь, в темном и сыром подземелье, мы, озаренные светом великих идей, обретали уверенность в своих силах, начинали видеть и понимать происходящее вокруг.

Трудно сейчас сказать, кто был первым организатором движения Сопротивления в Яуэрской тюрьме. Но когда я находилась в ней, подпольной организацией в первую очередь руководили Хедвиг Нойманн, бывшая ранее депутатом берлинского муниципалитета, Магда Зендхофф, учившаяся в МЛШ в Москве, и Лени Кирш, которая в настоящее время работает сотрудником аппарата ЦК СЕПГ. Эти люди были преисполнены чувства высокой ответственности за своих товарищей и пользовались большим авторитетом среди них. Действовали они осмотрительно и никогда не показывали вида, что являлись нашими руководителями.

В первое время пребывания в Яуэрской тюрьме я резко реагировала на оскорбительные замечания надзирательницы Никсдорф. Мои старшие товарищи своевременно заметили это и посоветовали не поддаваться на ее провокации. С тех пор я уже больше не попадалась на удочку Никсдорф и тем самым лишила ее удовольствия произнести команду: «Лихтер — в карцер!»

В суровых и мучительных буднях каторжной тюрьмы мы стремились жить интересами своей подпольной организации, с радостью выслушивали рассказы о событиях в мире и непрестанно думали о будущем. Почти каждый день мы имели возможность восторгаться проявлением обычной человеческой жизни — радовались удачно высказанной подругой мысли или ее улыбке, знакомству с жизнью и характером человека и получали истинное наслаждение, когда удавалось облегчить его горе и страдание.

Например, мы помогли Люции Язош пережить страшное несчастье. Находясь под следствием в женской Барнимштрасской тюрьме в Берлине, она родила сына. В один из дней после возвращения с прогулки эта женщина не обнаружила своего ребенка в камере. Оказалось, что

официальные власти просто-напросто похитили его у матери. Политзаключенные смогли сообщить об этом родственникам Люции, и те начали борьбу за ее сына.

Такой же случай, но уже в Яуэрской тюрьме произошел с Марией Юрр.

Это была красивая, жизнерадостная женщина, заражавшая своим оптимизмом всех окружавших ее людей. Копна белокурых с золотистым отливом волос венчала голову красавицы, а тонкие правильные черты лица даже в тюрьме всегда озарялись очаровательной улыбкой. Но когда на нее обрушилось несчастье, улыбка исчезла с ее лица навсегда. Мы старались как-то утешить Марию и ее боль воспринимали как свою. А она, разбитая горем, все время повторяла: «Мое дитя, мой ребенок! И можно ли после всего этого называть нацистов людьми?!»

С глубоким уважением мы относились к нашим самым старшим по возрасту женщинам, к матушке Омс и тетушке Кребс, как все любовно звали их. Омс по внешнему виду и характеру напоминала мне образ Ниловны из романа М. Горького «Мать». Скромная, исполненная чувства собственного достоинства, Омс не могла не нравиться людям. Она была молчалива, но если начинала говорить, то к ней прислушивались все. Даже Кикимора относилась к ней с уважением. Многие отчаявшиеся и потерявшие надежду женщины были обязаны ей возвращением к жизни и борьбе. Матушка Омс сумела найти к ним подход, вовремя утешить и подбодрить. После освобождения она жила в Хальберштадте и умерла там в начале 1946 года.

Товарищ Кребс родилась в Берлине в рабочей семье. Эта женщина отличалась большим житейским опытом и высокоразвитым классовым сознанием. Жизнерадостная и остроумная, она очень любила беседовать и шутить с нами, молодыми. Это не нравилось Никсдорф, и она начинала обычно орать: «Как тебе не совестно зубоскалить с этими девчонками! Ведь ты уже пожилая женщина!» Но Кребс не обращала никакого внимания на этот крик и продолжала спокойно работать.

Я очень хорошо помню Кэте Кауфманн, теперь она — Кэте Цибелл и живет в нашей столице. Тогда Кэте была молодой, веселой и отчаянной девушкой, красавицей брюнеткой. Несколько недель мы были с ней соседями по клеткам, в которых ночевали, и научились понимать друг друга по движению губ. Кэте состояла тогда членом социалистической рабочей партии, но, ежедневно об-

щаясь с нами, она многое поняла и в дальнейшем вступила в ряды коммунистов.

Я ограничилась упоминанием лишь нескольких имен своих товарищей по Яуэрской тюрьме, но нас было в ней почти сто двадцать узниц, и каждая из них заслуживает того, чтобы о ней написали целую книгу.

Время шло необратимо, и мы, заполняя свою жизнь воспоминаниями и размышлениями, старались осмыслить происходящее и предвидеть будущее.

Возвращалась и я к впечатлениям от прожитой на свободе жизни. В памяти всплывали события, над которыми я раньше и не задумывалась, но теперь они вставали перед глазами во всех подробностях. Часто повторяла заученные когда-то стихотворения, вспоминала театральные спектакли. Мечтала о будущем и надеялась, что с победой революции в Германии я смогу посвятить себя воспитанию молодого поколения и организации системы детских учреждений в стране. Своими мыслями и переживаниями я делилась с Фридрихом, с которым мне разрешалось переписываться один раз в полтора месяца. Чтобы цензура не могла придраться к моим письмам, я тщательно обдумывала их текст.

Неожиданно мое заточение в Яуэрской тюрьме на короткий срок прервалось. Служба гестапо в Дюссельдорфе затребовала меня на так называемый процесс против католиков. Однако об этом я узнала несколько позднее. А в тот день в конце лета 1936 года, когда меня в сопровождении двух гестаповцев привезли в город на Рейне, я могла только догадываться о цели своего «путешествия». Брошенная в тесную одиночную камеру, в которую через застекленное матовым стеклом оконце почти не проникал свет, я ломала голову, зачем я все-таки понадобилась гестапо.

Поздно ночью дверь камеры распахнулась с отвратительным скрежетом и передо мной появились три гестаповца. От испуга у меня сильно забилось сердце.

— Живо собирайся на допрос! — заорали они почти хором, стремясь психологически подавить свою жертву. — Мы все знаем о тебе, но хотим только проверить, будешь ли ты дальше врать!

Я стала одеваться, но один из них рявкнул:

— И так сойдет!

И так вот, в ночной сорочке, в туфлях на босу ногу и накинутом на плечи пальто, они отконвоировали меня в какое-то маленькое помещение, где потолок, стены, пол

были покрыты звукопоглощающей тканью, а сами ушли куда-то.

«Забьют тебя здесь до смерти, и никто не услышит твоих криков», — со страхом подумала я, но тут же взяла себя в руки и решила твердить только одно: «Я ничего не знаю и никого не видела. Оставьте меня в покое!»

Через некоторое время гестаповцы вернулись и перевели меня в другое, более просторное помещение. Здесь они начали пинать меня тяжелыми сапогами. Каждый удар острой болью отдавался в теле. В эту ночь я еще раз убедилась, как по-звериному жестоки были эти нацисты, считавшие себя людьми. Для них человеческая жизнь ничего не стоила, они обрекали свою жертву не только на физические, но и на душевные страдания. Пытая меня, они поочередно спрашивали, знала ли я Россэна, Хинриха, Хайнца и других католиков-антифашистов. Вначале я еще отвечала, что я не католичка и никого из этих людей не знаю. Потом мне надоело это, и я умолкла, но они еще долго продолжали задавать вопросы.

— Ты знаешь Россэна, Хинриха, ты знаешь!..

Наконец они тоже устали, и один из этой шайки скомандовал:

— Врежь-ка ей еще раз, да покрепче!

Очнулась я уже в камере от сильного озноба, раны на теле и лице кровоточили, запекшиеся от крови волосы прядями спадали на виски.

В понедельник утром появился шеф гестапо и угрожающим тоном спросил:

— Лихтер, вы будете отвечать? Или по-прежнему будете молчать?

Я ничего не сказала. Его охватил гнев, глаза налились кровью. В следующий миг он резким движением схватил стул и разбил его об пол, а затем, окончательно обезумев, поднял ножку стула и изо всех сил ударил ею меня. С криком «Мама!» я рухнула на пол. Хлынувшая кровь, очевидно, напугала гестаповца, поскольку второго удара не последовало. Переведя дыхание, он истошно заорал:

— Поднимайся быстрее!

С трудом начала вставать на ноги, но он грубо схватил меня за руку и потащил в другую комнату, на ходу крича кому-то:

— Давайте вводите его!

Вошел Россэн. Я не сразу узнала его. Он выглядел

очень бледным. Глаза, полные ужаса, устремились на меня. Чтобы дать ему понять, что гестапо ничего от меня не узнало, я из последних сил закричала:

— Никаких католиков я не знаю!

Россэн все понял, и на вопрос, знает ли он меня, ответил:

— Нет, я не знаю этой женщины!

— Пошел вон! И ее живо уберите отсюда! — бесновался шеф гестапо.

Подхватив под руки, охранники выволокли меня из комнаты. Внизу, у лестничной клетки, я увидела многих знакомых молодых католиков, которые с широко раскрытыми от ужаса глазами стали рассматривать меня. Но мой вид не только заставил содрогнуться молодых людей, но и преисполнил их сердца огромной ненавистью к фашистским палачам. На допросах никто из них не сознался, что знает меня.

Меня приволокли в камеру и бросили на койку. Пожилая надзирательница по имени Шаффе, закрывая дверь, с беспокойством посмотрела на меня. Я не знала, сколько смогу пролежать, поскольку все тело изнывало от нестерпимой боли; я стала мерзнуть.

Неожиданно снова вошла фрау Шаффе и, погладив меня по голове, прошептала:

— Ты мужественная девушка. Держишься, как мужчина.

Она наложила мне на голову пахнущие лекарством компрессы и дала бутерброд.

— Ешь, девочка, ешь! — ласково, как мать, упрашивала она.

Однако есть я уже была не в силах. Усталая и замученная, я быстро уснула.

Ночью кто-то стал осторожно открывать дверь, и я тут же проснулась. Это пришел навестить меня старый полицейский, с которым я познакомилась еще во время моего первого пребывания в этой тюрьме.

— Как же они тебя изуродовали! — сокрушаясь, сказал он.

Затем полицейский сменил компрессы и дал мне молока.

Я не знаю, живы ли еще этот полицейский и фрау Шаффе, — вероятнее всего, нет. Но я всю жизнь буду благодарна этим людям, которые помогли мне и другим политзаключенным выжить в фашистских застенках. Одни из них, хоть и не разделяли наших взглядов, остава-

лись верны великим принципам гуманизма и вместе с нами выступали против нацизма, другие же со временем присоединились к нашей партии и заняли достойное место в ее рядах.

В качестве «свидетелей» по делу доктора Россэна нацисты решили использовать приговоренных к каторге руководителей молодежного коммунистического движения Фридриха Гроссе, Эвальда Кайзера и Эрнста Вабру. Фрау Шаффе устроила мне короткое свидание с Фридрихом. Со времени последней встречи на суде он весь поседел. Если уж фашисты так издевались надо мной, то какие же тогда мучения пришлось выдержать ему?

Я не стала расспрашивать Фридриха о тюремной жизни, поскольку все и так было ясно. Мы в основном говорили о том, как нам следовало вести себя на допросах, чтобы облегчить участь молодых католиков. В 1937 году фашистская фемида еще пыталась как-то скрыть свое чудовищное лицо и внешне иногда соблюдала закон, согласно которому обвиняемый в политических преступлениях мог быть осужден только один раз, даже если в дальнейшем обнаруживались новые факты его «подрывной» деятельности. Поэтому мы, как политзаключенные, решили активно использовать готовящийся судебный процесс для разоблачения фашизма. Что касалось меня, то я должна была придерживаться прежней версии: я — еврейка и к католикам никакого отношения не имею.

Гестапо Дюссельдорфа, вероятно, сообщило тюремной администрации о неудаче с допросами «свидетелей» в Берлине. По крайней мере, я почувствовала это в первые же минуты после возвращения в Яуэр. Особенно агрессивно вела себя Никсдорф. В общей камере она, размахивая газетой перед моим носом, во всеуслышание протрубила:

— Правильно сделали, что этой Саре надавали хороших оплеух! Так теперь всегда и будет, пока жиды не перестанут вмешиваться в дела господни! А сейчас, прежде чем отправить тебя в клетку, давай посмотрим твои вещички!

Пока надзирательница «инвентаризировала» мои жалкие пожитки, я краем глаза взглянула на брошенную на стол газету. Насколько я помню, она называлась «Штюрмер». Мое внимание привлекла помещенная в ней карикатура с изображением толстой женщины с огромным носом, короткими безобразными ногами и пышным бюстом. Она сидела на кресле и исповедовала стоящего ря-

дом с ней католического священника. «Сара отпускает грехи Россэну» — гласила надпись под рисунком. Я с трудом удержалась, чтобы не расхохотаться.

Как ни старалась Никсдорф спровоцировать меня на резкий разговор в тот день, я смолчала, и ей не удалось отправить меня в карцер.

Закончив осмотр моих вещей, Кикимора препроводила меня в одиночную камеру, которая находилась рядом с камерой смертников. Моя новая «обитель» была немного светлее, а через приоткрывавшееся матовое окно временами доносилось пение птиц. Никсдорф неусыпно наблюдала за мной через смотровой глазок, чтобы придраться к чему-нибудь и наказать меня. Казалось, что она часами простаивала у дверей и как зверь охотилась за своей добычей. Это действовало на нервы и очень угнетало.

Я много рассказываю только о Никсдорф, и у читателя, вероятно, может создаться впечатление, что эта садистка была, мол, исключением среди нацистских тюремщиков. Нет, это было бы неверно — Никсдорф являла собой типичный образчик служащего нацистской тюрьмы, а постоянное упоминание об этой надзирательнице объясняется только тем, что мне больше всего доставалось от нее. Людей же, которые осмеливались за спиной фашистов помогать заключенным, встречалось все меньше и меньше. Тюремная администрация строго следила за своим персоналом и быстро освобождалась от тех, кто гуманно относился к жертвам нацизма. В Яуэре к числу таких людей принадлежала католичка Шпацковски, которая обслуживала одиночные камеры. Она иногда тайком приносила мне что-нибудь поесть или книгу, освобождала от работы по изготовлению искусственных цветов, чтобы я могла немного почитать. Изготовление цветов, между прочим, было чертовски трудным делом. Люди, которые видели фильм «Невеста», могут хорошо представить себе этот промысел. Нормы выработки были очень высокие, и горе тому, кто не выполнял их.

В начале 1937 года меня снова отвезли в Берлин, где 7 апреля должен был начаться судебный процесс по делу священника Россэна. Фашистская юстиция намеревалась сделать его показательным и придать ему широкий пропагандистский характер. К суду привлекались Штебер, бывший рейхсфюрер католических отрядов штурмо-

ников; священник Карл Кремер, руководитель католических борцов за мир; генеральный секретарь молодежного католического союза Якоб Клеменс вместе с членами этой организации Петером Хиннесом и Германом Юлихом, а также Хуберт Шефер, гауфюрер отрядов штурмовиков в Дюссельдорфе.

Готовя этот процесс, фашисты стремились оклеветать участников движения Сопротивления, представить их как враждебные народу элементы и запугать всех несогласных с фашистским режимом людей. Однако основная цель нацистов состояла в том, чтобы предотвратить создание союза между католиками и коммунистами и попытаться натравить их друг на друга. Они хотели сделать это еще во время следствия, но их усилия, как я отмечала, оказались безуспешными. Теперь они намеревались добиться своего в ходе самого процесса, и поэтому нас снова привлекли в качестве «свидетелей».

Находясь в Моабитской тюрьме, я с нетерпением ожидала начала процесса, чтобы снова увидеть моего Фрица, Эвальда Кайзера, Эрнста Вабру и других товарищей. Утром в день открытия судебного процесса меня привезли во двор «народного суда» и провели в какое-то помещение, где уже сидели мои друзья. Я окинула их взглядом, пересчитала и, улыбаясь, сказала:

— Вот уже и кворум почти собрался. Здесь Эвальд, Эрнст, Фридрих и Берта! Какова же у нас повестка дня?

Все засмеялись, а Эрнст Вабра заметил:

— Но принятие окончательного решения в связи с создавшимся положением зависит не только от нас...

— Вам что, мало досталось, чудаки?! — неожиданно взорвался один из гестаповцев с маленькими усиками, как у Гитлера.

Вскоре нас ввели в переполненный людьми зал судебного заседания. Говор собравшихся людей волнами перекатывался по залу. Мы шли медленно, полные решимости с трибуны так называемого «народного суда» дать бой фашистам, чтобы этот процесс обернулся против них самих.

Фридриха допрашивали первым, и он заявил, что о деятельности Россэна ничего не знает, но коммунистические молодежные организации делают все возможное, чтобы объединить усилия народа для борьбы с фашизмом.

— Гроссе, как же вы считаете возможным для себя сотрудничать с католиками? Это же двурушничество! —

спросил обвинитель, не скрывая удовольствия от своего, по его мнению, «чертовски умного» вопроса.

— Я решительно отвергаю такое определение! Двурушничать — это значит обещать мир другой стране и в то же время посылать туда солдат, — четко парировал провокационный вопрос Фридрих.

— Гроссе, что вы хотите этим сказать? — гневно спросил обвинитель, хотя и прекрасно понимал намек Фридриха.

Лихорадочная подготовка гитлеровцев к войне уже ни для кого не оставалась секретом, а раздававшиеся угрозы в адрес Советского Союза и других стран настораживали весь мир.

— Я только хотел сказать, как понимаю слово «двурушничать», — спокойно ответил Фриц.

— Продолжайте дальше!

— Мы, коммунисты, готовы сотрудничать с представителями всех религиозных кругов: с католиками, протестантами, если речь идет о борьбе против монополистического капитала. Руководство нашей партии еще до захвата власти нацистами обратилось ко всем гражданам, независимо от их религиозной или политической принадлежности, с призывом объединиться в единый фронт борьбы за мир, работу, хлеб и преградить путь фашизму.

— Я предупреждаю вас, Гроссе, прекратите произносить здесь пропагандистские речи! — опять со злостью прервал Фридриха обвинитель.

Представители прессы, среди которых находились и иностранные журналисты, прореагировали на это замечание с явным возбуждением.

— Я не произношу пропагандистских речей. Если вы, господин прокурор, читали «Манифест Коммунистической партии», а я исхожу из предположения, что вы всетаки знакомились с ним, то должны знать — коммунисты поддерживают каждое революционное движение против капитала.

В президиуме заволновались, а прокурор, потеряв самообладание, закричал:

— Я лишаю вас слова!

Мои показания ничего не дали господам из «народного суда» при разбирательстве этого дела. Я продолжала, как мы договорились, играть роль наивного, неосведомленного человека. Но обвинитель попытался сбить меня провокационным вопросом:

— Обвиняемая, ведь Гроссе рассказывал вам иногда

и о католиках. Не всегда же вы болтали только о пустяках?!

— Да, действительно, о мелочах не говорили! Кстати, господин прокурор, надо же иметь такт и не допытываться уж так до всего!.. — ответила я, прикинувшись дурочкой.

В зале прошло оживление.

— «Лихтер не так наивна, как она хочет показать себя», — зачитал обвинитель выдержку из материалов предварительного следствия.

— Я никогда не отрицала своих симпатий к коммунистам. Но разве за убеждения наказывают? — спокойно сказала я.

После этого меня увели, и, к сожалению, я уже не могла слышать, о чем говорили другие товарищи.

Фрейлейн Хельд и старшая наставница в Моабитской тюрьме приносили мне газеты, в которых широко освещался судебный процесс над католиками. Нацистская пресса преподносила все материалы в нужном ей свете. И все же между строк можно было прочитать, что этот процесс не протекал по запланированному фашистами сценарию. Вот как пишется об этом в нашей исторической литературе:

«Фашистские судьи и приверженцы гитлеровского режима, явившиеся на суд в качестве зрителей, с недовольством признавались, что их расчет не оправдался. Католики и коммунисты поддерживали друг друга, защищая право участников движения Сопротивления на борьбу против враждебной народу политики фашистов. Приглашенные на процесс иностранные журналисты сообщали в зарубежной прессе о большом мужестве и стойкости руководителей молодых антифашистов Германии.

28 апреля 1937 года судебный процесс над католиками закончился. Самый тяжкий приговор, одиннадцать лет каторги, вынесли доктору Иозефу Россэпу, а Франца Штебера и Германа Юлиха приговорили соответственно к пяти и двум годам каторжных работ. Генеральный секретарь молодежного союза католиков Якоб Клеменс был осужден на полтора года тюрьмы. Остальных обвиняемых суд был вынужден освободить из-за отсутствия улик. Сразу после этого процесса ЦК КПГ выступил с обращением ко всем католикам Германии, в котором он заклеймил позором новое преступление фашистской юстиции и призвал к борьбе против подавления гражданских свобод в стране.

В самой Германии этот акт террора вызвал особенн сильный гнев среди членов католических молодежных ор ганизаций. В немецкой нелегальной антифашистско прессе, а также за рубежом появились многочисленны публикации, в которых высоко оценивалось мужествен ное поведение Россэна и других борцов движения Со противления».

Процесс над католиками имел большое значение дл объединения усилий в совместной антифашистской бор бе. В условиях нацистского гнета многие честные люд наконец ясно поняли, что они должны выступать едины фронтом, когда речь идет о защите основных ценносте гуманизма от посягательств империалистических варв ров.

Движение Сопротивления, объединившее в своих р дах свободолюбивых людей, предопределило наше буду щее, и рождение новой жизни на немецкой земле 1945 году является ярким свидетельством тому.

Теперь трудящиеся ГДР, в том числе и верующи под руководством коммунистов совместно работают на претворением в жизнь программы построения социалисти ческого общества.

В Яуэр меня везли поездом. После Бреслау рядом моим купе, специально оборудованным для перевозки за ключенных, посадили какого-то мужчину, рыдавшего, ка ребенок. В этот момент я обронила фартук, а когда на гнулась, чтобы поднять его, то обнаружила в перегородк небольшое отверстие под сиденьем. Разглядеть своего со седа через это отверстие было невозможно, но тихо пер говорить с ним я могла.

— Не плачьте! Ведь так можно быстро отправиться на тот свет. Пока человек жив, он всегда надеется на луч шее! — принялась я утешать его.

— Меня осудили на восемь лет и теперь отправляю в Грос-Розен. Такой долгий срок заключения я не выдер жу! — И он снова зарыдал.

Мне было понятно состояние этого человека. Вед при виде узкой тюремной клетки в Дюрендорфе я тож пришла в отчаяние и была готова покончить с собой.

— Не бойтесь! Такое бывает с каждым, но потом че ловек привыкает, — принялась я делиться своим опыто вплотную придвигаясь к отверстию.

Незнакомец постепенно успокоился, а я села в уго и стала тихонечко напевать одну из еврейских народны песен, пока не устала.

— Спой еще что-нибудь! — попросил сосед.

И я продолжала петь. А когда поезд начал замедлять ход, приближаясь к вокзалу, незнакомец успел шепнуть на прощание:

— Я тебя никогда не забуду! Ты слышишь? Никогда!

Что стало потом с моим попутчиком, товарищем по неволе, — не знаю. Но хочется верить, что он выжил.

В Яуэре меня снова определили в одиночную камеру, и жизнь потекла по-прежнему.

Но однажды ночью в камеру ворвалась Никсдорф и объявила:

— Встать! Принимай гостя!

Я хотела что-то возразить, но сдержалась, решив, что это могла быть очередная уловка, которым здесь не было конца. Я уже замечала: если таким людям, как Никсдорф, дать хоть какую-нибудь власть, они становились безгранично жестокими и могли замучить человека до смерти. В таких случаях нацисты легко снимали вину со своих тюремщиков и заявляли, что, мол, политзаключенные погибли по собственной вине.

В камеру, к моему удивлению, вошла высокая симпатичная женщина и представилась как Рут Хайнерсдорф.

— Вот и собрались две Сары. А одна даже имеет звание доктора, — не преминула прокомментировать Кикимора.

Хотя я давно уже перестала воспринимать эту особу всерьез, все же каждый раз при виде ее у меня закипало внутри от ненависти к ней. С тех пор как помню себя, мне всегда ставилось в упрек в этой стране то, что я родилась еврейкой. Пришлось опять взять себя в руки, чтобы не потерять контроль над собой. Шовинизм в любой форме, открытой или завуалированной, мне противен; это страшная язва на теле человечества.

Как только Кикимора покинула камеру, Рут засмеялась. Ее смех был настолько заразителен, что и я невольно расхохоталась вместе с ней. Я заметила, что она хромает, а половина ее лица парализована. Успокоившись, мы стали готовить для нее постель и придвинули кровать вплотную в угол у двери.

Пока занимались устройством, Рут молчала, но потом в наступившей тишине она неожиданно спросила:

— Можешь ли ты представить себе, чтобы образованный, воспитанный человек, которому много дано от при-

роды, мог так низко пасть и предать свою собственную жену?..

Ей очень хотелось излить душу, облегчить страдания. Я узнала, что Рут училась на философском факультете в университете во Франкфурте-на-Майне и там познакомилась со своим будущим мужем, членом Социалистической рабочей партии.

Я быстро подружилась с Рут. Это была прекрасная, самоотверженная, очень тактичная, бесконечно добрая и отзывчивая женщина. В конечном счете она спасла меня от концлагеря. Рут прекрасно знала французскую литературу и познакомила меня с творчеством Анатоля Франса, поэзией Бодлера, рассказала много интересного о Ромене Роллане и его отношениях с Горьким. Мы подолгу беседовали, и иногда между нами возникали разногласия. Например, я решительно возражала против ее мнения о том, что «коммунисты слишком радикальны».

— Что же ты находишь слишком радикального в заявлении коммунистов о том, что Гитлер — это война? — спрашивала я. — Мы просто трезво оцениваем положение в стране. Или ты думаешь, что только с помощью реформ можно обеспечить мир? Лучше было бы нам спросить себя: какие ошибки допустили наши партии? Или ты думаешь, что руководство СДП поступило правильно, отказавшись сотрудничать с нами в борьбе против Гитлера?

После таких острых диспутов мы надолго замолкали, и каждая погружалась в собственные мысли. Я считала, что такой откровенный обмен мнениями помогал нам лучше понять друг друга, окрепнуть политически и духовно.

Мы часто мечтали о свободе, особенно когда освобождали кого-нибудь из наших подруг. Но часто случалось так, что освобожденных политзаключенных нацисты сразу же арестовывали у ворот тюрьмы, мотивируя это «интересами» их же личной «безопасности», или бросали в концлагерь «для перевоспитания».

— Что же они сделают со мной? — как-то с тревогой спросила я.

— Они вышлют тебя в Польшу. Ведь ты же полька!

Да, я родилась в Польше, в Ченстохове, однако ни языка, ни истории, ни ее литературы не знала. Поэтому сама мысль оказаться в этой почти незнакомой стране пугала меня... С тех пор как помнила себя, я жила в Германии...

Мы продолжали работать и вести задушевную беседу.

Рут сидела, прислонившись спиной к двери — так ей было удобнее с ее больной ногой, — и головой закрывала смотровой глазок. Мы радовались, как дети, что получили возможность укрыться от всевидящего ока Кикиморы. Время от времени она все же открывала дверь и начинала копаться в ворохе искусственных цветов, сама не зная зачем, а потом с руганью уходила. В те минуты мы сразу затихали.

— Рут, а если они действительно выдворят меня туда, на что я буду жить там?

— Ничего, что-нибудь придумаем!

В один из дней мне приказали явиться к новому начальнику тюрьмы. Это был холеный, с отличной выправкой нацист, который уже четко усвоил, что права заключенных не могут защищаться никаким законом. В кабинете вместе с ним находились еще два сотрудника берлинского гестапо.

— После освобождения из тюрьмы куда вы собираетесь отправиться? — спросил меня один из них.

— Вероятно, во Францию. Я немного говорю по-французски. К тому же там есть возможность устроиться преподавателем физкультуры.

Этот ответ мог показаться им вполне правдоподобным, поскольку по моим документам они знали, что у меня действительно была такая специальность. Однако я с тревогой подумала, что вряд ли они приехали в Яуэр только для того, чтобы задать такой пустяковый для них вопрос. Мои опасения оказались не напрасными.

Без всякого повода гестаповцы внезапно открыли большую книгу, лежавшую на столе.

— Вы знакомы с этим человеком? — спросил гестаповец, протягивая фотографию Артура Беккера.

— О знакомстве не может быть и речи, но, кажется, лицо этого человека я где-то видела.

— Конечно, вы видели его в Москве!

— Совершенно исключено!

— Почему же?

— Посмотрите, как одет этот молодой человек. В Москве люди носят костюмы совсем другого покроя.

Мой довод в какой-то мере, видимо, подействовал на них, и они разложили передо мной еще несколько фотографий Артура.

— Это все тот же самый молодой человек?

Один из гестаповцев не выдержал и прорычал:

— Сара все пытается водить нас за нос!

Я сделала оскорбленный вид и замолчала. Гестаповцы о чем-то тихо посовещались и протянули фотографию Руди Тунига. В этот миг мне показалось, что стул закачался подо мной.

«Значит, и Руди тоже в их лапах, — подумала я. — Ведь скольких людей он спас от фашистской тюрьмы, а сам так и не смог уберечься!»

— Нет, этого человека я определенно не знаю, — как можно спокойнее ответила я.

— Но этот человек на допросах признался, что он вас знает.

— Не исключено, что он видел меня. Я часто бывала вместе с Гроссе на собраниях, и он многим представлял меня. Но это еще не значит, что знакомство завязывается с каждым, кого вам представляют...

— Ну а если мы не выпустим вас? — неожиданно прозвучал вопрос.

— Что вы имеете в виду? — спросила я с удивлением.

— Отправить вас в Лихтенбург, в женский концлагерь.

Я пожала плечами. Что же мне еще оставалось делать?

Когда я вернулась в камеру, Рут ни о чем не спрашивала, по выражению моего лица она все поняла. Мы молча легли спать, а утром она сказала:

— Знаешь, Леа, они пугают в надежде, что у тебя сдадут нервы и ты начнешь рыдать, а они станут играть роль твоих утешителей, чтобы потом вырвать из тебя какие-нибудь признания. Я уверена, что тебя отправят в Польшу. Гитлеровцы, подлые, уже начинают плести интриги против поляков. Чехословакией они уже занимаются вовсю. Ты полька, срок твоего заключения истек, и фашисты постараются отправить тебя в Польшу, чтобы для вида соблюсти законность.

— Но мое пребывание там еще осложнится и тем, что польские правящие круги предпочитают буржуазно-демократическим порядкам фашизм.

— Леа, мои родители живут в Хожуве, мать владеет там угольной шахтой. И хотя она не разделяет ни твоих, ни моих убеждений, она все-таки охотно поможет тебе, если я попрошу об этом. Она очень любит меня и брата и ради нас готова пойти на все.

— Я в этом не сомневаюсь, Рут. Проблема состоит в том, как связаться с твоей матерью.

— Думаю, что мне удастся сделать это. Заявлю тюремной администрации о резком ухудшении здоровья и попрошу положить меня в больницу. А там через врача буду добиваться разрешения увидеться с матерью.

Я уже представляла, как, получив телеграмму от дочери, забеспокоится эта стройная, с добрыми глазами и прекрасными волосами дама, образ которой мне так часто рисовала Рут, как будет мысленно обнимать свое дитя, плача от горя...

И хотя замысел Рут был вполне реален, я все же опасалась за свою подругу, поскольку в случае разоблачения нам грозило продление срока заключения и ужесточение тюремного режима. Но все обошлось благополучно — Рут поместили в больницу и разрешили увидеться с матерью. В конце октября 1938 года предположение о моем интернировании в Польшу подтвердилось.

На прощание мы крепко обнялись с Рут и молча расстались. Я вышла из камеры и с грустью побрела по коридору, думая о своих подругах по несчастью, которые оставались в этом аду.

После заполнения множества различных бумаг меня в сопровождении охранника доставили на ночлег в местную тюрьму в Бойтепе (ныне Бытом).

На следующий день в восемь часов утра меня вывели из камеры, вручили справку об освобождении и польский паспорт, а затем проводили до тюремных ворот. Здесь я взяла в руки свои пожитки, сложенные в картонную коробку, и быстро зашагала по улице, стараясь как можно дальше уйти от здания тюрьмы.

ПОЛЬСКАЯ ОСЕНЬ

В БЕЗОПАСНОСТИ

Под вечер я прибыла в Хожув и без особого труда (Рут подробно объяснила мне все заранее) нашла дом, в котором жила ее мать. Это была солидная вилла. Я позвонила в калитку сада. Через некоторое время зажегся свет, открылась дверь в доме и навстречу мне вышла молодая стройная женщина в белом накрахмаленном фартуке и с маленькой наколкой на голове. Она окинула меня оценивающим взглядом, словно говоря: чего ты лезешь сюда в таком убогом виде — и спросила:

— Что вам угодно?

— Я хотела бы видеть мою тетю, я — ее племянница.

— Ах да! Проходите, пожалуйста, вас уже давно ждут здесь. Только вам придется немного подождать, госпожи нет дома, но она появится с минуты на минуту.

Вместе с горничной я вошла через ярко освещенный вестибюль в прекрасно обставленную в стиле барокко гостиную, где в углу уютно горел камин. И здесь я вновь почувствовала себя неловко под взглядом девушки, с презрением рассматривавшей мою пыльную от дороги одежду и обувь.

— Иоханн, Иоханн! — закричала она. — Возьми туфли у фрейлейн и почисти их!

Я смутилась. У меня не было домашней обуви, а сказать об этом такой «важной» персоне я не осмеливалась.

— Знаете, мой багаж еще в пути. Не могли бы вы мне одолжить домашние туфли? — солгала я.

Она взглянула на мои ноги и мгновенно исчезла.

Иоханн взял мою обувь, а я надела домашние тапочки, принадлежавшие, вероятно, Рут. В этот миг раздался звон колокольчика, и вскоре послышался приятный, мелодичный голос:

— Люция, все в порядке? Готовьте ужин.

Исполненная служебного рвения, горничная помчалась к госпоже и сообщила о моем приезде.

Фрау Копловиц вошла в гостиную и радостно приветствовала меня.

— Наконец-то ты нашла дорогу к своей тете! Как

себя чувствует мама? Как дела у остальных? — спросила она, обнимая меня.

Люция стояла рядом и с почтением наблюдала за нами. Похоже, ее сомнения, являюсь ли я племянницей фрау Копловиц, исчезли.

— Ты ведь, наверное, проголодалась? Скоро все будет готово! А вы, Люция, распорядитесь накрыть стол.

Девушка ушла исполнять приказание, и мы остались одни.

— Как чувствует себя моя Рут?

— Неплохо... Вот и сейчас она мысленно с нами и наверняка пытается представить себе каждый наш шаг...

— Вы живете жизнью, которую могут понять очень немногие. Я не скажу, что она мне неинтересна или я испытываю страх перед ней. Просто я чувствую себя очень привязанной к прошлому... — медленно произнесла фрау Копловиц.

Я стала рассказывать о том, как Рут составила план моего спасения, как сильно мы переживали, опасаясь провала. Фрау Копловиц внимательно выслушала меня и после небольшой паузы сказала:

— Знаешь, Леа, прошу обращаться ко мне на «ты», чтобы не вызывать никаких подозрений у окружающих.

Я смутилась и покраснела.

— Не надо краснеть. Ведь так принято обращаться к родственникам, — заметила она улыбаясь.

Дверь в столовую открылась, и я увидела великолепно накрытый стол. На белоснежной скатерти стояли красивые тарелки, бокалы, лежали серебряные приборы. На закуску подали колбасу, масло, лососину, копченого угря. Но ела я с большим трудом, все время думая о Минне, Эмми, Рут и других подругах, находившихся в тюрьме. От хронического недоедания они страшно похудели, от них, как говорится, остались кожа да кости, многие страдали водянкой.

Фрау Копловиц сидела молча и, вставая из-за стола, обмолвилась лишь одной фразой:

— Завтра мы поедем в Катовице и сделаем для тебя необходимые покупки.

После ужина мы продолжили беседу. Я стала рассказывать, как нас заставляли делать искусственные цветы и ощипывать утиные перья, от которых шло такое отвратительное зловоние, что многие женщины падали в обморок. Связывали порванные льняные нити или распутывали узлы. Руки приходилось иногда часами держать

поднятыми перед собой, они быстро затекали и страшно болели. Кроме того, мы распускали и расчесывали старые льняные канаты, чтобы можно было вторично использовать пряжу. В помещении поднималась ужасная пыль, и от нее не было спасения. Она оседала на одежду, в волосы, проникала в уши, забивала нос, затрудняя дыхание. Летом или осенью это еще было терпимо, потому что после такой работы можно было помыться. Но зимой, когда вода замерзала, это сделать было невозможно.

Мать Рут очень расстроилась и сразу как-то поблекла, на лице резко обозначились морщины и складки. Только теперь я заметила, что время тоже не пощадило эту женщину. Я извинилась за столь печальный рассказ и умолкла.

— Продолжай, пожалуйста, девочка. Теперь я хоть приблизительно представляю себе, что там происходит. Рут, значит, тоже мерзнет?..

— В одиночных камерах еще терпимо, поскольку там имеется центральное отопление. Сами они крошечные по размеру, и в них быстро становится тепло. Но в помещении для работы стоит убийственный холод.

— Да, ничего не поделаешь, фашизм есть фашизм, — с грустью сказала она и посмотрела на часы. — Тебе пора спать, моя малышка.

Она проводила меня наверх, в спальню Рут. Эту комнату я уже хорошо знала по ее рассказам. В ней находились кровать с белым покрывалом, изящный секретер со множеством ящичков, которые интригующе поглядывали на меня, будто приглашали посмотреть, что там, внутри, книжный шкаф и много полок на стенах.

Я долго не могла заснуть. Перед глазами все время вставали образы дорогих мне людей, оставшихся в Яуэре. Сейчас, после очередного мучительного до изнеможения рабочего дня, они спали, разрывая тишину тяжелыми вздохами и стонами. Их отдых был коротким. В половине шестого уже объявлялся подъем. Я живо представила себе противный запах тюремного кофе и грубого черного хлеба. Затем, засыпая, я стала мысленно сочинять письмо Фрицу, чтобы сообщить ему о том, что нахожусь в безопасности и хочу при удобном случае выехать в Советский Союз.

Сразу же на следующий день в завуалированной форме я написала это письмо и по почте через Мелани отправила его Фридриху. Ответного письма мне не удалось

тогда получить, и сестра Фридриха вручила его мне лишь после войны.

«Ты понимаешь, дорогая сестра, какая тяжесть свалилась с моей души, когда я увидел знакомый почерк! — писал мой муж. — В неизвестном мне месте добрая фея, как в сказке, охраняет нашего одинокого ребенка! Как хорошо, что ему осталось преодолеть всего лишь несколько барьеров и цель будет достигнута. Скажи ему, Лани, я мысленно всегда с ним...»

Время в доме фрау Копловиц шло быстро. Окруженная заботой и комфортом, я постепенно приходила в себя и набиралась сил. Каждый раз погружаясь в ванну, отделанную светло-зеленым кафелем, я спрашивала себя, не сон ли все это? Запах тюремной карболки и клопов все еще неотступно преследовал меня. Но в то же время я четко сознавала, что этот комфорт в тогдашней Польше, как и в Германии, уже имел очень непрочную основу.

Я старалась быть полезной в доме фрау Копловиц. Помогала убираться, стирала, стряпала. Высокомерная Люция только удивлялась, а кухарка считала все это очень похвальным.

— Паненки должны уметь делать все. Мужчинам это правится, — приговаривала она.

Первое время меня очень беспокоил желудок, часто тошнило. Сказывалось то, что я совсем отвыкла от нормального человеческого питания. По мере того как мое общее состояние улучшалось, все сильнее росло желание найти для себя работу. Ведь я привыкла обеспечивать себя с раннего детства.

В восемь лет я уже зарабатывала один талер в месяц за то, что присматривала за внуками владельца нашего дома. Кроме того, меня бесплатно кормили в полдник и ужин.

Я пустила в ход все свое красноречие, чтобы убедить фрау Копловиц, которая уже считала меня своей приемной дочерью, помочь мне устроиться на работу. О своем намерении выехать в Советский Союз я не решалась сказать ей.

ДОМАШНЯЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Фрау Копловиц нашла мне место учительницы в доме братьев Крумоловских, владевших кожевенным заводом в Радоме. На мое попечение передавались две девочки —

трехлетняя Ира и восьмилетняя Нина. Последней перед обедом я должна была давать два урока по немецкому и французскому языкам и по полчаса в день заниматься с девочками гимнастикой. Мне также вменялось в обязанность водить детей на прогулку, а затем беседовать на французском с женой хозяина, которая по образованию была врачом. Спать полагалось вместе с детьми, а питаться — за общим столом вместе с хозяевами. Месячная зарплата при бесплатном питании и ночлеге составляла семьдесят пять злотых. Выходной день — один раз в две недели, а через каждые шесть недель я получала два свободных дня для поездки к фрау Копловиц в Хожув.

Я приняла условия и приступила к работе. Дети нравились мне, но состояние Иры беспокоило. У нее всегда были печальные глаза, и казалось, что ребенок перенес какое-то страшное потрясение. А Нина росла крепкой и здоровой девочкой. Ее красивые светлые волосы заплетались в две большие косы, живые серо-голубые глаза, казалось, вечно что-то искали. Она ела много и с аппетитом, и это было заметно по ней.

Больше всего детям нравилась гимнастика, особенно когда мы выполняли упражнение «лягушка». Смех и радостные возгласы оглашали дом. Домработница и кухарка по имени Аня прибегали посмотреть на нас.

— Смотрите, Иришка играет! — восклицала Аня.

— А что здесь удивительного? Ведь это вполне естественно для ребенка! — недоумевающе произнесла я однажды.

Однако все стало ясно, когда кухарка на ломаном немецком языке, вставляя польские слова, поведала мне печальную историю этой маленькой девочки.

— Мадам, — сказала Аня, презрительно подчеркивая это слово, — совершенно не уделяет внимания детям. Она только и занята поездками в Варшаву, на примерки к портнихе, чтобы быть самой модной и красивой... Когда Ирине было около года, в дом пригласили воспитательницу — очень грубую и несдержанную женщину. Если Ира плакала, она била малышку. Поэтому ребенок и стал таким тихим и забитым. Но об этом никому ни слова! — закончила она и приблизила палец к губам.

И хотя трудно было поверить всему услышанному, я стала еще внимательнее относиться к Иришке. Каждый вечер перед сном я садилась к ее кроватке и, ожидая, пока ребенок заснет, рассказывала сказки, рассматривала вместе с ней картинки. Малышка постепенно освобож-

далась от скованности и вела себя как все дети. Пани доктор заметила это и заколебалась в своем мнении, что Ира была умственно отсталым ребенком. Я даже привела хозяйке ряд примеров, подтверждающих нормальное развитие Иры. В частности, малышка очень легко схватывала французские слова, которые я объясняла Нине.

Случай с Ирой стал семейным событием. Приходившие в дом родственники тоже с радостью отмечали разительные перемены в ее поведении. В знак благодарности мне было подарено много прекрасных вещей, которые очень пригодились впоследствии.

Скопив немного денег, я начала подумывать, как помочь семьям товарищей, томившихся в нацистских тюрьмах. Например, Эрнста Вабру фашисты приговорили к длительному сроку каторжных работ, а у него остались жена и дочь. Найти работу родственникам коммунистов было почти невозможно. Послать деньги жене Эрнста через сестру Фридриха было нельзя, поскольку она и ее муж находились под полицейским надзором. Да и мне следовало соблюдать осторожность при осуществлении своего намерения, так как фашистская агентура все шире здесь распространяла свое влияние. Однако помог случай, когда я познакомилась с полькой по имени Тося.

Хотя братья Крумоловские жили в одном доме, они предпочитали отдельно нанимать учителей для своих детей. Звали моих коллег Регина и Тося. Мы часто встречались втроем с детьми в большом парке около завода или в вестибюле дома и беседовали о различных проблемах, обменивались педагогическим опытом. Как-то я призналась, что по профессии не была учительницей. Обе женщины удивились, особенно Регина.

— У меня не хватило бы смелости взяться в таком случае за воспитание детей, — сказала она откровенно.

— Но ведь вы видите, что Нина и Ира за сравнительно короткий срок хорошо научились говорить по-французски, — возразила Тося. — Как вам это удается? Вы должны поделиться опытом! — попросила она, обращаясь ко мне.

— При обучении стараюсь больше прибегать к игровому методу. Дети так лучше усваивают грамматику и заучивают слова, — охотно поделилась я своим «секретом».

В первую очередь этой методикой заинтересовалась Тося. В результате наши встречи с нею стали более частыми, мы ближе познакомились друг с другом. Однажды в воскресенье она пригласила меня на чашку кофе к

себе домой. Я впервые побывала в гостях у простых поляков. Комната была обставлена с большим вкусом. Покрывало искусной ручной работы, дорожки на полу придавали ей теплую, уютную атмосферу. Мне понравились прекрасные фигурки из липы, и Тося с гордостью рассказала о мастерстве своих земляков.

Благодаря этой молодой женщине я получила первое представление о необыкновенном гостеприимстве поляков, увидела, каким простым и непосредственным может быть их общение между собой. Визиты у них не планируются заранее, как у нас, и никакие специальные приглашения не посылаются. Если у людей есть желание увидеться, они приходят в гости запросто. Так было и на этот раз. К Тосе неожиданно пришла еще одна женщина, молодая, симпатичная, хорошо говорившая по-немецки. Как потом выяснилось, она служила в банке и часто бывала в командировках в Бойтене. По ее высказываниям чувствовалось, что она отрицательно относилась к фашизму. Поразмыслив, я решила попросить ее переслать деньги в Германию.

— Я покинула родину, спасаясь от расправы нацистов. Однако у меня остались обязанности по отношению к некоторым старым людям, у которых нет ни средств к существованию, ни надежды на помощь, — объяснила я ей. — Как мне выслать им деньги, чтобы никто из представителей официальных властей не смог узнать, из какого источника они поступили?

Женщина посмотрела на меня изучающим взглядом и обратилась к Тосе на польском.

— Я думаю, что она из тех людей, на которых можно положиться, — сказала Тося.

По реакции Тоси я поняла, что ее знакомая готова помочь мне.

— Через десять дней я снова поеду в Бойтен, — перешла та уже на немецкий. — Давайте ваши деньги и адрес. Я обменяю их по наиболее выгодному курсу и переведу в один из немецких банков. Тогда уж нацистам не удастся обнаружить следы.

С большим облегчением я покидала дом Тоси, радуясь, что все так быстро разрешилось. Денежные переводы посылались мною регулярно вплоть до начала войны.

Благодаря Тосе я познакомилась еще с одним человеком, который впоследствии сыграл определенную роль в моей жизни. Однажды мы гуляли в саду с детьми, и их мяч перелетел через ограду. За решеткой забора я уви-

дела курчавую голову улыбающегося мужчины. Он вылез из только что вырытой ямы, отряхнул с одежды прилипшие комья глины, взял мяч и перекинул его нам.

— Кто это? — спросила я.

— Пан Стоян, инженер, работает на заводе. Очень хороший человек.

Они поздоровались как старые знакомые, а когда Стоян подошел к нам, Тося представила меня ему.

— О, из Хемница! Там я проучился целый семестр,— произнес он на хорошем немецком языке.

Затем он заговорил с Тосей о чем-то на польском, а я разглядывала своего нового знакомого, обратив внимание на седые пряди в его волосах.

— Тося, заходите к нам с фрейлейн! — сказал он на прощание на немецком и галантно поцеловал нам руки.

— Ничего не говори об этом пани доктор! — попросила меня Тося, когда ушел Стоян.

Конечно, я не рассказала никому о нашей встрече. Но почему же мне все-таки следовало молчать? Об этом я узнала при других обстоятельствах, о которых сообщу позднее.

Благодаря пану Стояну я многое поняла в политической жизни Польши. Уже в первые дни жизни в этой стране я заметила резкий контраст в положении отдельных слоев общества, который гораздо больше здесь бросался в глаза, чем в Германии. Прежде всего поражала большая неграмотность населения. У нас в то время, за небольшим исключением, читать и писать мог каждый. С давних времен посещение народной школы в Мекленбурге, Восточной Пруссии и многих других районах стало обязательным. В Польше же этого не было. Очень много неграмотных было среди крестьян. Казалось, что жизнь в польской деревне остановилась. Церковь, как и в средние века, играла доминирующую роль в стране, особенно в сельской местности. Если ксендз появлялся в деревне, то ему навстречу устремлялась толпа людей, чтобы поцеловать полу его сутаны. Тот же, кого святой отец удостаивал пожатия руки, считал себя счастливейшим человеком и верил, что теперь он ближе, чем другие, находится к богу. Условия жизни и труда крестьянства отличались невиданной отсталостью. Нередко люди на себе пахали землю. В Польше был ужасно высок уровень детской смертности, а средняя продолжительность жизни среди трудящихся была очень низкой. Народ жил бедно. Зато господствующая верхушка польского обще-

ства купалась в необыкновенной роскоши и старалась использовать любую возможность, чтобы добиться для себя новых прав и привилегий.

Разумеется, мои знания о внутриполитическом положении в Польше были очень ограниченными. Читать свободно польские газеты я пока еще не могла, а поляки, с которыми мне доводилось общаться на немецком и французском языках, держались настороженно и избегали бесед на политические темы. Таким образом, то, о чем они говорили между собой, оставалось для меня недоступным. Покупать иностранную прессу я не решалась, поскольку в таком провинциальном городе, как Радом, это привлекло бы внимание местной полиции и вызвало у нее подозрение. Правда, в семье Крумоловских мне иногда все-таки удавалось прочесть французскую или немецкую газету. Знакомясь с помещенными в них материалами, я всякий раз отмечала, что с весны 1939 года отношения между Германией и Польшей стали резко обостряться. Гитлеровское правительство перед лицом мировой общественности открыто предъявляло территориальные претензии к этой стране. Например, оно требовало присоединить к Германии Данцинг (Гданьск). 28 апреля 1939 года фашисты в одностороннем порядке расторгли договор о ненападении с Польшей, а затем постоянно провоцировали опасные пограничные инциденты.

«Неужели после Австрии и Чехословакии Польша тоже станет очередной жертвой захватнической гитлеровской политики?» — спрашивала я себя с тревогой.

По оброненным фразам, мимике и жестам простых поляков я чувствовала, что их очень волнует сложившаяся международная обстановка, они беспокоятся за судьбу своего отечества. Однако подобных опасений у своих хозяев я не отмечала, — напротив, Гитлер очень импонировал им. По их мнению, Польше был необходим именно такой «сильный» человек, который навел бы порядок в стране и ее экономике. И хотя Крумоловские полностью не разделяли гитлеровской политики гонения на евреев, они страстно хотели, чтобы Рыдз-Смиглы и польское правительство как можно больше заимствовали опыта у своего западного соседа.

Я нисколько не удивилась, когда с наступлением летних отпусков Крумоловские, как обычно, направились отдыхать на свою дачу в ста километрах от Радома. Она располагалась в живописном месте под сенью больших старых деревьев, даривших в жару тень и прохладу. Дети

очень радовались возможности побегать и порезвиться на лоне природы.

Однажды я далеко ушла с детьми на прогулку. Красивый густой лес, запах грибов и хвои живо напомнили мне родные места в Рудных горах, и сердце заныло от тоски по родине. Я никогда не думала, что это чувство может быть таким сильным. Усталая и подавленная, я пришла на дачу. Но почему здесь оказался автомобиль и почему так стремительно побежала к нам навстречу пани Крумоловская?

— Пожалуйста, сейчас же начинайте паковать вещи! Война!.. Гитлер, несмотря на все заверения, все же напал на нас!

Война! Конечно, я тогда еще не осознавала всей глубины разыгравшейся трагедии. Нападением на Польшу 1 сентября 1939 года империализм во второй раз в течение столетия развязал мировой пожар, грозивший человечеству неисчислимыми бедствиями. В тот момент я не знала, что 62 дивизии вермахта, оснащенные самой современной техникой, пересекли государственную границу и широким фронтом, от Балтийского моря до Бескид, устремились быстрым маршем к Варшаве. Немецкая авиация варварски бомбила и уничтожала мирные города и деревни Польши. Фашистская солдатня на своих штыках несла кровь и страдания польскому народу; земля была усеяна трупами, на дорогах нескончаемым потоком шли толпы охваченных ужасом людей.

Всем существом содрогнулась я при этом страшном слове — «война». В памяти мгновенно воскресли рассказы родителей и близких о чудовищном истреблении людей в годы первой мировой войны.

Затем я вспомнила о Фрице. Не учинят ли теперь нацисты расправу над своими политическими противниками? А что станет со мной, если фашисты завоюют Польшу?

Начавшаяся война разрушила мою надежду выехать из Польши. Три недели назад я неожиданно получила денежный перевод из Швеции со следующим сообщением:

«Моя дорогая! Купи элегантное платье, чтобы выглядеть соответственно твоему положению в обществе. Обязательно приезжай на свадьбу кузины. Твой дядя Вальтер Швунг».

Живая весточка от Вальтера Хенеля! Я была вне себя от радости. Товарищи не забыли меня и готовы оказать помощь.

Пани Крумоловская и ее близкие очень удивились этому извещению. А когда я солгала, что у меня в Швеции живет богатый дядя, они с почтением стали относиться ко мне.

Я сразу подала прошение выдать мне визу для поездки в Швецию. Однако происшедшие события не только сорвали мой выезд, но и затруднили получение паспорта в полиции.

Когда возвратились в Радом, дети, как и прежде, не отходили от меня ни на шаг. Их мать поспешила в больницу. Вернулась она поздним вечером и тотчас же попросила меня зайти к ней в комнату.

— Фрейлейн Леа, я, как врач, оставлена в Радоме. Муж и дети эвакуируются, а вы будете со мной.

Впервые я почувствовала что-то вроде симпатии к этой женщине и заверила ее в своей готовности остаться с ней. Однако на следующий день после обеда она пришла с работы и стала поспешно собирать чемоданы. Затем пани Крумоловская энергичной походкой направилась в детскую и приказала мне следовать за ней.

— Леа, мне тоже разрешили эвакуироваться. Ключи от дома я отдаю вам на хранение. Думаю, что все это продлится недолго и мы скоро вернемся сюда, — сказала она, когда мы пришли в гостиную. — Зарплату за два последних месяца я выплачу вам с процентами после своего приезда.

Мне захотелось съязвить ей, но я сдержалась.

«Ведь уже ничего не изменишь, — подумала я. — Сытый голодного никогда не поймет».

— А сейчас пусть дети ложатся спать. В полночь мы должны выехать, а завтра — покинуть страну, — отдала моя хозяйка последнее распоряжение и ушла к себе.

Я искупала детей и отнесла их в спальню, но они долго не могли заснуть. Суматоха в доме, озабоченные лица взрослых, занятых упаковкой вещей и драгоценностей, взбудоражили их.

Ночью к подъезду подкатили два лимузина, и один из водителей начал грузить багаж. Я разбудила детей, одела и отвела их вниз.

— Не волнуйся, вы скоро вернетесь сюда, — успокаивала я Иру.

— И я куплю тебе во-о-т такую большую куклу, — сказала она, поднимаясь на цыпочки и показывая маленькими ручонками размеры куклы.

Усаживая малышку в машину, я увидела на заднем

сиденье офицера, который отвечал на заводе за прием продукции для армии. В ногах у него лежала огромная овчарка. Я посмотрела на «героя» с таким презрением, что он смутился.

Однако этого человека вполне можно было считать исключением. С началом боевых действий большинство польских офицеров и солдат, несмотря на тяжесть создавшейся обстановки, показали себя с самой лучшей стороны. Они героически сражались на Вестерплятте, в районе полуострова Хель, около Люблина, Кутно, при обороне Варшавы и под Радомом. Главными же виновниками сентябрьской трагедии являлись тогдашние правители панской Польши. В сравнении с ними мои хозяева были всего лишь мелкой сошкой. В течение многих лет польское правительство не только закрывало глаза на надвигающуюся опасность со стороны Германии, но даже пыталось заигрывать с гитлеровским руководством. Теперь же, когда запахло порохом, оно бросило страну на произвол судьбы.

Когда погрузили багаж и усадили детей в машины, появились братья Крумоловские с супругами. Регина стала просить их взять ее с собой.

— Вы же видите, что у нас нет места, — возразил старший Крумоловский. — Мы и Аню не берем. Нам с братом придется обходиться какое-то время одной кухаркой.

Регина встала на колени и молитвенно сложила руки. Крумоловский, не обращая на нее никакого внимания, уселся в машину. Тогда Регина поднялась и, загородив собой дорогу, продолжала молить хозяев забрать ее.

— Регина, не тратьте на них слов! — гневно воскликнула я. — Этим господам ничего не стоит раздавить вас. Вы ведь сами видите, что для собаки у них нашлось место, а для вас — нет! Отойдите в сторону!

Но несчастная девушка не тронулась с места. Тогда я взяла ее за руку и оттащила от машины. Ира громко заплакала. Мать зажала ей рот, однако ребенок стал отбиваться и выкрикивать мое имя. Потом взревели двигатели, и машины тронулись в путь.

— Они ведь взяли меня из детского дома, а теперь вот бросили! — рыдая, жаловалась Регина.

— Успокойся, мы не умрем с голоду. Давай пойдем к Ане.

Эта девушка тоже начала работать у Крумоловских еще ребенком, когда ей не исполнилось и тринадцати

лет. Она не умела ни читать, ни писать, но зато превосходно готовила.

Едва забрезжил рассвет, гитлеровская авиация принялась бомбить Радом. Люди в панике бросились искать убежища. Дворник Крумоловских открыл подвал, и мы вместе с женщинами, детьми и стариками спустились вниз. При каждом взрыве многие падали на колени и истово молились. У некоторых не выдерживали нервы, и они выскакивали наверх. Дети с криком бежали за родителями.

— Два дня назад было обнародовано обращение польского правительства о призыве в армию всех мужчин в возрасте от шестнадцати до шестидесяти пяти лет. В нем предупреждалось, что уклонившиеся от службы предстанут перед военным судом и будут приговорены к смертной казни, — с грустью обратился ко мне дворник.

— А почему же вы не пошли на сборный пункт?

— Знаете, у меня семеро детей, — безнадежно махнул рукой мужчина. — Если здесь появятся немцы, нам придется положить зубы на полку. Поэтому я решил отвезти жену и детей к отцу на хутор. Если хотите, могу и вас взять с собой.

Я поблагодарила его за предложение и сказала, что вместе с Региной и Аней отправляюсь к Яну Вояneку.

После воздушного налета мы взяли две детские коляски, нагрузили их оставшимися в доме Крумоловских продуктами и тронулись в путь.

МОЯ КАРЬЕРА КУХАРКИ

По профессии Ян Воянек был шофером и долго трудился на карьере в Катовице. Во время одного из обвалов он сильно пострадал и стал инвалидом. Поэтому ему пришлось переселиться с женой Вандой и маленьким сыном в Радом, где зимой он работал на заводе у Крумоловских, а летом — на своем маленьком земельном участке.

— Фрейлейн Леа, хорошо, что вы ушли оттуда, — приветствовал нас Воянек.

Я очень удивилась, когда увидела рядом с ним инженера Стояна и его жену Ханю. Но я не стала расспрашивать их ни о чем, помня предупреждение Тоси. Оба мужчины попросили нас еще раз сходить в дом Крумоловских и забрать там одежду, белье, оставшиеся продукты питания, чтобы распределить все среди пострадавших после бомбежки семей.

Я отправилась туда вместе с Аней, которая не отставала от меня ни на шаг. Этой неграмотной девушке с острым классовым чутьем не надо было объяснять, что лучше будет самим взять, чем просить у буржуазии, то, что она, не церемонясь, присваивает себе. Образованная Регина никак не могла понять этого.

На следующий день мы помогали Яну Воянеку убирать картофель. Сначала он показал нам, как надо правильно пользоваться лопатой, чтобы не повредить клубней. Для Ани эта работа была привычной, а Регина оказалась такой беспомощной, что Янек вскоре вынужден был отправить ее помогать Ванде на кухне. Она с радостью согласилась.

Что касается меня, то я с большим трудом доработала до обеда.

Чувствовала себя очень усталой и разбитой, но старалась не показывать вида. Очевидно, еще сказывалось мое длительное пребывание в гестаповских застенках.

— Сходите, пожалуйста, с подругами на завод. Во время налета там очень много укрылось женщин и детей, и им надо помочь, — попросил меня за обедом Воянек.

Я выслушала его и подумала: «Ты прав. Но говоришь ты от своего имени или от имени своих товарищей — коммунистов?»

На заводском дворе мы увидели собравшихся в круг женщин, они о чем-то оживленно говорили. Ко мне подошла жена одного из мастеров (она и ее муж, выходцы из Катовице, говорили по-немецки) и сказала:

— Фрейлейн Леа, здесь раненый солдат, он потерял много крови.

Я приблизилась к окруженному толпой солдату. Он лежал на земле, нога у него была перевязана какими-то тряпками, пропитавшимися кровью. Я с трудом сняла их, обработала рану йодом и наложила новую повязку. Встал вопрос, где укрыть раненого. Оставлять его в Радоме было опасно: сюда в любой момент могли вступить фашистские войска. Было решено отправить его за город, к Воянеку, что я и сделала вместе со своими подругами.

Польская армия, дислоцировавшаяся в районе Радома, примерно на пятый день войны оказалась втянутой в ожесточенные бои. К 13 сентября ее основные силы были разбиты превосходящим противником. Остатки этой армии продолжали героически сопротивляться вплоть до 18 сентября.

Немного отдохнув, мы с Аней снова вернулись на завод. Начался воздушный налет. Здания рядом с заводом загорелись, и огонь мог в любую минуту перекинуться на заводские цеха. Укрывшиеся здесь люди принялись тушить пожары и выставили охрану около производственных корпусов. Мы тоже бросились помогать.

Мне хочется сказать, что большинство польских граждан вели себя так же мужественно, как и жители Радома. И хотя люди понимали, что напавший на их страну враг обладает подавляющим преимуществом, они продолжали держаться стойко и героически отстаивали честь и свободу своей родины. В авангарде этой борьбы были польские коммунисты. В стране создавались рабочие бригады, которые ликвидировали последствия воздушных налетов, обеспечивали функционирование гражданской обороны и непосредственно участвовали в боевых действиях регулярных войск. Даже после вынужденной капитуляции поляки не смирились с поражением. Сотни тысяч их соотечественников продолжали борьбу против фашизма в рядах Красной Армии или в армиях других стран антигитлеровской коалиции.

Призывы польского правительства о помощи к западным союзникам остались без ответа, а собственных сил у польской армии оказалось недостаточно, чтобы дальше противостоять противнику.

Фашистский вермахт обрушился на Польшу с неслыханной жестокостью. По рассказам беженцев, а также из официальной прессы мы узнали, что агрессоры варварски расправлялись даже с мирным гражданским населением. Они убивали детей, женщин и стариков, расстреливали пленных и интернированных, истребляли представителей польской интеллигенции. Такая же участь постигла и жителей Радома после оккупации города фашистскими войсками.

Как и следовало ожидать, дом Крумоловских оккупанты тотчас же конфисковали для своих нужд. В нем обосновался старший казначей Арнольд со своими людьми. Когда меня вызвали к нему, я ожидала самого худшего, но он встретил меня словами:

— Мне доложили, что вы фольксдойче [1].

---

[1] Фольксдойче *(нем.)* — немцы, не проживавшие на территории Германии. — *Прим. пер.*

Снова судьба оказалась милостива ко мне. Так называемые фольксдойче, составлявшие немецкое национальное меньшинство в Польше, высоко котировались у нацистов. В течение многих уже лет они подвергались обработке со стороны нацистской партии и гитлеровских правительственных органов. Значительная часть этих людей не устояла перед тлетворной пропагандой фашистов и превратилась в агентуру фашистской Германии, помогавшую ей устанавливать оккупационные режимы в захваченных странах.

«Если я умело воспользуюсь неожиданно выпавшим шансом, то не только спасу собственную жизнь, но и смогу оказаться полезной моим польским друзьям», — размышляла я.

И я не упустила этой возможности. Быстро заверила Арнольда, что я действительно «фольксдойче», что мои господа, в доме которых работала, сбежали, оставив на мое попечение двух молодых полек — учительницу и кухарку, что моя мать — вдова, живет в Катовице и я забочусь о ней.

— Фрейлейн Лотте Копловиц, — наконец после столь долгого вступления представилась я, стараясь как можно невнятнее произнести фамилию.

— Позвольте мне называть вас фрейлейн Лотте?

— Как вам будет угодно!

— Что касается работы, то, мне кажется, мы быстро придем к соглашению. Мне срочно нужна кухарка. Готовы ли вы к этому? Польку мне не хочется нанимать. Эти свиньи ни на что не способны!

Меня возмутило такое оскорбление, но я не подала вида, чтобы не вызвать подозрения у нациста. Я приняла предложение, но в условиях оговорила, что мне будут помогать Регина и Аня.

Когда я сообщила о своем решении Яну Воянеку и Стояну, они поблагодарили меня за добрые намерения, но посоветовали соблюдать чрезвычайную осторожность.

Их забота обо мне и сама манера поведения очень напоминали моих товарищей в Германии, и я все больше убеждалась, что Воянек и Стоян являются коммунистами.

Через некоторое время мы уже смогли добыть продовольствие со склада, который оккупанты оборудовали на территории завода. Пока немецкий кладовщик заигрывал с Аней, я и Регина успели нагрузить две детские коляски мукой, сахаром, маслом, горохом, гречневой крупой.

Эти продукты были польского производства, и фашисты реквизировали их для «военно-стратегических целей». Так они называли свой наглый грабеж польского населения.

Когда мы с Региной передали этот ценный груз Стояну, он от радости обнял нас и воскликнул:

— Вы просто чертовки! Знаете, скольким людям можно теперь будет помочь?! Всех труднее приходится евреям. Им даже не позволено вставать в очередь в булочную.

Гитлеровцы намеревались физически уничтожить польский народ. Наряду с кровавым террором они установили очень скудные нормы питания и обрекли население на голодную смерть. Поэтому можно было понять ту огромную радость Стояна, когда он увидел «реквизированные» нами продукты.

Кухаркой Арнольда я пробыла недолго. Этого нациста вскоре куда-то откомандировали, а на его место назначили офицера в чине полковника. Об этом событии не стоило бы и упоминать, если бы полковник не был приятным исключением среди других военнослужащих вермахта. У меня сложилось впечатление, что хорошие манеры этого человека и гуманное обращение с людьми были не только результатом прекрасного воспитания, но и неотъемлемым свойством его натуры. Никогда не забывая, что он является офицером фашистской армии, я все же осмеливалась свободно говорить с ним о таких вещах, о которых перед другими немцами из его круга даже не посмела бы и заикнуться.

— Фрейлейн Леа, о чем говорят между собой полячки? — спросил он однажды.

— Господин полковник, все говорят о кровавом терроре в стране, — откровенно ответила я.

Он сразу умолк, и чувствовалось, что очень расстроился.

Спустя некоторое время я увидела, как немецкие солдаты заставили нескольких стариков евреев вычерпывать руками дождевую воду из воронки от бомбы. Один из них не выдержал этого издевательства и бросился в расположенный рядом колодец, чтобы разом положить конец всем мукам. Я долго не могла прийти в себя от потрясения.

После ужина полковник, заметив мое состояние, спросил, не случилось ли что-нибудь со мной. Я все подробно рассказала ему, но на всякий случай закончила свой рассказ следующими словами:

— Знаете, господин полковник, я совершенно не разбираюсь в политике, но такое глумление и издевательство над старыми людьми посреди улицы, на глазах у всех, не имеют ничего общего с германской моралью и духом.

Офицер долго молчал, а затем, коротко кашлянув, сказал:

— Забудьте то, что вы сегодня видели, и никому больше не говорите об этом ради вашей же личной безопасности.

Как-то утром он, обычно спокойный и серьезный, явился на завтрак взволнованный и веселым тоном произнес:

— Фрейлейн Лотте, я уезжаю отсюда! Я солдат, а не...

И он не стал договаривать дальше...

С тех пор я больше не встречала этого человека, но время от времени вспоминала о нем. Возможно, война на многое открыла ему глаза. А может быть, он и раньше все понял?

После сентябрьского поражения Польши фашисты приступили к осуществлению программы уничтожения польской государственности и польского народа. Приказом Гитлера от 8 октября 1939 года было аннексировано примерно 50 процентов польских земель. На оставшейся оккупированной территории гитлеровцы создали «генерал-губернаторство оккупированных польских областей», по сути представлявшее собой гигантское гетто для поляков. В Радоме расположился гаулейтер Яновский, которому вместе со связкой ключей от города передали и меня, поскольку я сумела «преуспеть» в своей карьере кухарки.

Яновский был прожженным нацистом и свои обязанности гаулейтера выполнял с большим рвением и скрупулезностью. Это был тучный тридцатилетний мужчина и, судя по произношению, происходил из Берлина или Бранденбурга. Его резиденция находилась в доме бежавшего из страны польского банкира. Кабинет, в котором Яновский вершил кровавые дела, свидетельствовал о хорошем вкусе прежнего хозяина. Стены, обшитые панелями из темного дерева, были украшены искусной резьбой в виде цветка подсолнуха.

Теперь от Яновского зависела жизнь или смерть каждого жителя Радомского дистрикта[1], который, как и все генерал-губернаторство, превратился в огромный лагерь принудительных работ. Оккупанты выжимали из страны все, что только могли: сырье, сельскохозяйственные продукты, полностью демонтировались и перевозились в Германию целые предприятия. Памятники культуры были полностью разграблены или сожжены. Нацисты объявили запрет на польские газеты, кино и радиовещание, закрыли все высшие учебные заведения и готовились физически уничтожить польскую интеллигенцию. Вскоре вся страна покрылась сетью концентрационных лагерей. Еврейское население сгонялось в специальные гетто и обрекалось на голодную смерть.

А мне теперь предстояло заботиться о насыщении чрева этого палача польского народа. В растерянности я помчалась к Стояну, но он, спокойно выслушав меня, сказал:

— Очень хорошо! Теперь ты сможешь помогать нам еще лучше.

Для меня и моих подруг, которые снова были оставлены при мне в качестве подсобных рабочих, наступило очень тревожное и опасное время. Наш рабочий день начинался в шесть, а иногда даже и в пять часов утра и заканчивался обычно далеко за полночь.

Яновский не только был исполнительным чиновником, но и умело пользовался всеми выгодами и привилегиями своего положения. Каждый день к дому подъезжал грузовик из Ополе, доставлявший самые дорогие вина и изысканные деликатесы для лукулловых трапез, на которые приглашались высшие офицеры вермахта, эсэсовцы, гражданские чиновники и дамы сомнительного поведения. Они напивались до потери сознания. Не хочу даже и говорить о том, как выглядели комнаты в доме после попоек — настоящий содом и гоморра.

Работая у гаулейтера, я не только занималась «конфискацией» продуктов, но и старалась запомнить приходящих посетителей, их разговоры, поведение хозяина и его гостей, каким дамам оказывалось предпочтение — одним словом, все, что происходило вокруг, чтобы потом рассказать Стояну и Воянеку. Иногда мне удавалось заглянуть в папки с бумагами Яновского и его сотрудников и та-

---

[1] Область, район *(нем.)*.

ким путем получить информацию о предстоящих облавах на улицах и планируемых нацистами арестах. Думаю, что мои отрывочные сведения в какой-то степени помогали Стояну и его товарищам принять соответствующие решения.

Однажды я тайком прочитала приказ о ликвидации ряда польских фирм и о предстоящей высылке многих поляков из города. Что делать? Ведь с утра фашисты начнут проводить свою операцию! Веселье было в самом разгаре, и уходить мне из дому было небезопасно. Все же позвала Регину и проинструктировала ее, как обслуживать гостей, посоветовав при этом больше наливать рома в кофе. Она напугалась вначале, но потом успокоилась и принялась за дело. Убедившись, что у нее все пошло нормально, я поспешила к Стояну. Было уже шесть часов вечера, и начинал действовать комендантский час. Но у меня был специальный пропуск, дававший право появляться на улице в любое время суток. Патрули не останавливали, поскольку знали меня в лицо.

Прибежав к Стояну, я на одном дыхании выпалила все, что запечатлелось в моей памяти. Правда, фамилию одного врача забыла, но хорошо запомнила название улицы, где он жил.

— Что же нам делать? Ведь уже комендантский час! А может быть, все-таки рискнуть?! — сказал Стоян и пошел предупреждать людей о надвигавшейся опасности.

Долго нам пришлось с Ханушкой ждать ее мужа. Но наконец он вернулся домой, и мы вздохнули с облегчением.

На следующий день во время обеда настроение у Яновского и его сотрудников было мрачное. Они терялись в догадках, почему так неожиданно провалилась их тщательно продуманная операция.

Иногда нам путем хитрости удавалось заставить работать врага в наших интересах. Как-то у Ани в гостях побывала ее тетя, член монашеского ордена, и в отчаянии сообщила, что в монастыре вблизи Радома нечем кормить около ста осиротевших детей. Она попросила племянницу помочь ей достать каких-нибудь продуктов.

Когда Аня поведала мне об этом, я, не долго думая, пошла к Яновскому и рассказала ему о положении в монастыре, заявив, что среди этих детей имеются лица арийского происхождения и что «моя тетя» тоже фолькс-

дойче. Яновский внимательно выслушал меня и выписал квитанцию на получение сахара, муки, жира и других продуктов. Мы быстро погрузили все на телегу и отвезли в монастырь. На другой день, после богослужения, монахиня снова приехала в город, чтобы поблагодарить нас.

«А может быть, показать ее гаулейтеру?» — подумала я. Собственно говоря, это могло бы и мне пойти на пользу. Когда Яновский увидел бы голубоглазую, со светлыми волосами монахиню, он окончательно убедился бы в том, что я фольксдойче.

Я так и поступила. Прощаясь с ней в его присутствии, я вела себя как истинная католичка — поцеловала ей руку и перекрестилась.

Мне хотелось бы упомянуть еще об одном случае, который красноречиво характеризует моральный облик гаулейтера и его помощников. Однажды поздно вечером Яновский со своим адъютантом ужинал с двумя молоденькими польками. Я с Аней находилась на кухне, ожидая, когда уйдут гости. В разгар веселья неожиданно раздался выстрел. Из гостиной выбежал Яновский и закричал:

— Здесь оказалась сумасшедшая! Врача! Фрейлейн Лотте, вызовите врача!

Я заглянула в открытую дверь и увидела лежащую у дивана брюнетку, а рядом стоял адъютант и названивал по телефону.

Я послала Аню к врачу, но, когда он пришел, женщина уже умерла. О случившемся в доме нам приказали ничего не говорить.

Утром я увидела, что Яновский и его адъютант спокойно занимались своими делами, будто ничего страшного не произошло накануне. Позднее я узнала, что эти господа, ожидая со дня на день прибытия своих жен, решили дать «отставку» своим любовницам в тот вечер.

— Такова уж судьба каждого предателя! У одной из них хоть хватило мужества покончить с собой, — сказал Стоян, когда я рассказала ему об этом.

Вскоре моя деятельность в качестве кухарки чуть не стоила мне жизни. По случаю приезда в Радом Хильгенфельда, рейхсфюрера «национал-социалистского народного благоденствия», которое сами нацисты называли ведомством социального обеспечения, мой хозяин приказал готовиться к большому банкету примерно на шестьдесят

человек. Эта важная персона прибывала сюда для того, чтобы лично посмотреть, какие еще доходы можно выкачать из Радомской области для фашистской Германии.

Банкет рейхсфюреру понравился, и он соизволил лично пройти на кухню и поблагодарить меня.

— Так может готовить только немецкая женщина,— сказал он, расплываясь в улыбке. Нацист взял мои руки и, разглядывая их, добавил: — У кухарок таких рук не бывает...

На какой-то миг у меня перехватило дыхание, а потом, словно со стороны, я услышала собственный голос:

— Вы правы, господин рейхсфюрер: по профессии я учительница, однако человеку надо на что-то жить, а на моем попечении еще и мать, вдова.

— Где вы учились?

— В Галле, в 1928 году получила диплом.

Мой ответ, видимо, удовлетворил его, и, посмотрев на меня, он сказал:

— На днях в Краков переедет генерал-губернатор. Это мой хороший друг. Я знаю, что он ищет экономку для своего дома. Не займете ли вы это место?

Мне показалось, что все пошло кругом. Экономка в доме у главного палача?! Но разум подсказывал мне, что я должна согласиться.

— Господин рейхсфюрер, это такое великолепное предложение, но я не знаю, смогу ли я...

— Сможете ли вы его принять? Посоветуйтесь с матерью.

— Она живет в Катовице.

— Вам дадут разрешение поехать к ней и забрать ее сюда.

Я поблагодарила его за предложение и пообещала как можно скорее все решить.

— Это не терпит отлагательств, — предупредил он, покидая кухню.

Я оказалась в очень опасном положении. Отклони я предложение, это вызвало бы подозрение и нацисты сразу бы заинтересовались мной. Прими я его, они стали бы скрупулезно проверять меня, и все кончилось бы виселицей. Предположим, что контроль, против обыкновения, прошел бы небрежно. Однако и в этом случае никто не мог гарантировать мою дальнейшую безопасность. В конечном счете гестапо все равно докопалось бы до меня.

Я решила посвятить Стояна в суть дела. Ведь он был честным человеком и единственным, кто мог помочь мне. И я не ошиблась. Стоян, как я и предполагала, был коммунистом. До войны его арестовали и приговорили к трем годам тюремного заключения, а после освобождения он находился под полицейским надзором вплоть до начала войны и должен был регулярно отмечаться в полиции. После оккупации страны он сразу же вступил в ряды движения Сопротивления. Фашистам стало известно о его активной деятельности, и поэтому он и еще два коммуниста, которым тоже угрожала опасность ареста, были вынуждены покинуть Польшу и направиться в Советский Союз через Западную Украину. К этому времени ее уже освободили войска Красной Армии.

Стоян предложил мне присоединиться к его группе, и я согласилась. Но прежде мне хотелось непременно повидать приемную мать и уговорить ее бежать вместе с нами.

Фрау Копловиц была образованной женщиной, но разобраться в происходящих событиях она не могла. Как и многие представители еврейской буржуазии, она еще верила в гуманность фашистских властей. А может быть, она просто не желала расставаться со своими владениями. «Ах, не так страшен черт, как его малюют!» — говорила она иногда.

Стоян с женой были против моей поездки, но я не поддалась уговорам и отправилась в Хожув, как только получила разрешение от Яновского. К сожалению, мои усилия были напрасными — никакие доводы не подействовали на нее.

— Здесь я родилась, выросла и вышла замуж за любимого человека... Недавно он покинул этот мир, и я останусь рядом с его могилой, — заявила мне эта женщина. — Я знаю, что погибну здесь, но поступить иначе не могу.

Расставаясь, мы думали о том, увидимся ли еще когда-нибудь и удастся ли нам выжить. Фрау Копловиц подарила мне прекрасное ожерелье из кораллов и, обнимая, сказала:

— Носи его и не забывай меня!

Эта женщина словно предвидела, что ожерелью предстоит еще сыграть в моей жизни важную роль, но сообщить ей об этом потом, к сожалению, мне так и не уда-

лось. Все усилия, предпринятые мною после войны, чтобы выяснить, где она, ни к чему не привели. Ничего не узнал о судьбе фрау Копловиц и ее сын, проживающий в США.

А Рут Хайнерсдорф? Рассказывают, что она после войны работала в Пекине по специальности германиста, но мы уже больше никогда не встречались, и мне даже неизвестно, жива ли она.

С моим уходом Аня и Регина оставались на попечении мужественной жены Стояна, которая по-прежнему должна была жить в городе и выполнять важные специальные задания. Тогда я об этом могла только догадываться.

В пути к нам присоединились два товарища Стояна, молодые, полные сил люди. Они представились мне как Петр и Роман. Мы все время двигались на восток. Вблизи села Малкина — так мне запомнилось название этого места — наша группа намеревалась пересечь границу. Большую часть расстояния прошли пешком. Идти было очень трудно, поскольку постоянно шел холодный дождь, переходящий в град со снегом. Для меня, человека от природы физически не сильного, эта дорога была нескончаемой. К тому же сказывалось длительное пребывание в гестаповских застенках и на каторге. Все тело ломило от боли, порой ноги просто не шли. Кто знает, смогла бы я вынести все эти страдания и дойти до цели, если бы не моральная и физическая поддержка моих спутников, которые иногда буквально волокли меня под руки.

Помню, как целую ночь и весь следующий день мы пробирались по глубокому снегу и, выбившись из сил, были вынуждены заночевать в открытом месте, в маленькой лощине. Меня охватила глубокая апатия, клонило ко сну. Стоян взял мою голову, запрокинул ее и силой влил в рот несколько глотков водки из полевой фляги. Затем мы улеглись спать. Я легла посередине и поэтому смогла немного вздремнуть, не боясь замерзнуть.

Приходилось идти окольными путями, чтобы миновать контрольные посты и избежать случайных встреч. По приказу оккупационных властей ни один поляк не имел права покидать места своего жительства без специального разрешения. В городах и населенных пунктах действовал комендантский час, и нарушение его жестоко каралось, вплоть до смертной казни. Оккупанты использовали малейший повод для массового истребления польского населения. Смерть угрожала и тому, кто осмеливался помогать беженцам. На стенах домов, деревьях были расклеены листовки на польском и немецком языках со следую-

щим текстом: «Жители, укрывающие у себя в доме подозрительных лиц, будут расстреливаться на месте».

Какой же добротой и мужеством должны были обладать люди, чтобы перед лицом смертельной опасности решиться помочь нам! Среди них были и простой крестьянин, доставивший нас на санях до следующего населенного пункта, и убитая горем женщина по имени Франциска, уложившая меня в кровать сына, умершего от голода, и пожилая экономка зубного врача, разместившая нас в небольшой комнате, которая показалась мне тогда раем, и деревенский священник, протянувший нам, безбожникам, руку помощи! Впервые в жизни я увидела и почувствовала, что значит, когда весь народ поднимается на борьбу против своих поработителей. Мужчинам и женщинам, встречавшимся на нашем пути, казалось само собой разумеющимся оказать помощь человеку, не спрашивая его ни о чем.

ГОРЬКОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Наконец мы увидели село, вблизи которого намеревались перейти на территорию Советского Союза. Вокруг теснились небольшие хаты, на улице никого не было, и из труб нигде еще не струился дым.

— Крестьян, что ли, там нет? — спросила я.

— Там они, да только экономят топливо, — ответил Стоян. — Да и свет тоже. В хлевах — только оконные проемы, которые закрываются ставнями, а на зиму еще забиваются соломой. Здесь, где-то поблизости, должна быть пограничная река.

Каждый, погрузившись в свои мысли, продолжал наблюдать за селом. Вскоре появился фашистский офицер и тотчас исчез за углом дома.

Мы углубились в лес. Что же предпринять? Беспрепятственно пересечь речку по льду не удастся: фашисты сразу же бросятся в погоню. Оставалось ждать, когда стемнеет. Мои друзья не прекращали наблюдать за обстановкой, а я тем временем решила немного отдохнуть и прийти в себя.

С наступлением темноты мы двинулись к стоявшему на окраине села крестьянскому дому в надежде получить там ночлег и хоть какую-нибудь информацию. Прошло немало времени, прежде чем на наш стук отозвались. На пороге появился среднего роста мужчина и, с испугом посмотрев на нас, тихо и быстро заговорил:

— Боже мой, кто вы такие? Чего вам здесь надо?

Мы попросили разрешения переночевать у него, пообещав, что покинем его дом рано утром. Крестьянин сначала внимательно огляделся вокруг, а потом позволил войти.

Хата с земляным полом была довольно обширной. В левом углу висела икона, а перед ней, на столике с искусственными цветами, горела лампада. Около одного из маленьких окошек стояли две кровати, а справа от них — деревянный стол кустарной работы и узкая скамья. На подоконниках красовались домашние цветы.

Хозяин приказал одной из дочерей поставить на стол четыре тарелки и угостил нас аппетитно пахнувшим картофельным супом. Я ела медленно, смакуя вкусную горячую пищу. Поев, мужчины стали оживленно говорить о положении в стране.

— Ты будешь спать с детьми, — сказал Стоян, когда закончился их разговор, — а мы постелем себе сено на полу.

Но прежде чем мужчины отправились на чердак за сеном, хозяин предупредил:

— Каждую ночь, около двенадцати часов, ко мне приходят охранники. Вы не беспокойтесь, в дом они не входят, как правило, а только спрашивают, не видел ли я кого-нибудь, проходившего через лес, и сразу же уходят.

Я решила дождаться проверки, но, разморившись от еды и тепла, быстро уснула. Однако вскоре стук в дверь разбудил меня, и я с тревогой ждала, когда хозяин спровадит солдат. Наконец все стихло, он вошел в дом, встал на колени перед иконой и начал молиться.

Я тут же заснула, но среди ночи Стоян разбудил меня и приказал собираться в путь. Крестьянин разогрел оставшийся с вечера суп и пригласил к столу. Его старшая дочь тоже встала, ей предстояло вывести нас к реке. По ее уверенному поведению мы поняли, что она делает это не в первый раз.

Прощаясь, хозяин протянул моим товарищам несколько картофелин в миске и со слезами на глазах грустно произнес:

— Это все, что я могу предложить вам...

Дочь крестьянина шла впереди и вскоре привела нас к очень узкому месту реки, покрытому по обоим берегам деревьями. Они стояли, склонившись к воде, а их кроны почти соприкасались. Девочка перекрестила нас

и не уходила, пока мы не перешли на противоположный берег.

До советской границы оставалось еще около пяти километров.

В приподнятом настроении мы зашагали вперед. Вскоре мои товарищи заметили советских пограничников, которые двинулись навстречу нам. Я уже различала их лица, слышала речь. От счастья закружилась голова. Стоян подошел к ним и вступил в разговор, а тем временем подъехали верхом на конях еще несколько пограничников во главе с офицером. До меня не доходили все детали разговора, да это и не волновало меня. Ведь я наконец почувствовала себя свободной и счастливой.

Но вдруг все затихли, и Стоян, повернувшись ко мне, сказал:

— Они не пропускают нас. Спрашивают, почему у нас нет никаких документов, и сомневаются, являемся ли мы на самом деле теми, за кого себя выдаем.

— Вы здесь не пройдете. Это приказ! — категорично заявил офицер.

Я попыталась пройти вперед, но Стоян взял меня за руку и сказал:

— Приказ есть приказ! Идем! Мы возвращаемся назад! — Немного успокоившись, он попытался мне объяснить: — Пойми же наконец, что было бы в армии, если бы каждый солдат стал делать то, что ему в данный момент кажется самым разумным и правильным. Эти люди правы, у нас же нет ни одного документа! Откуда им знать, кто мы такие в действительности?

Внутренне я соглашалась со Стояном, но мое сердце, казалось, разорвется от горя, и я заплакала, как ребенок.

Нам ничего больше не оставалось, как повернуть назад и снова двинуться в тягостный путь по оккупированной гитлеровцами польской земле. Мои товарищи, как только могли, старались утешить, успокоить меня.

ОТ ПШЕМЫСЛЯ ДО ПЕРЕМЫШЛЯ

Теперь мы решили попасть на советскую территорию у Пшемысля. Демаркационная линия проходила через город, и можно было свободнее преодолеть ее, используя окольные пути. К тому времени государственная граница еще не была окончательно определена, а Советская власть в освобожденных областях Западной Украины только

начинала укрепляться. Спекулянты, торговцы, контрабандисты и другие искатели легкой наживы пользовались этим моментом и старались сколотить капиталы на людских страданиях. Они занимались и нелегальной переправкой беженцев через границу.

Нам ничего не оставалось, как воспользоваться услугами этих темных личностей. Разумеется, такое предприятие было сопряжено с большим риском, поскольку преступники, пообещав людям помощь, обычно грабили или просто убивали их. Кстати, этим бизнесом занимались и солдаты рейха. Чаще всего они забирали у беженцев деньги и драгоценности, а потом обманным путем загоняли людей в реку Сан и спокойно наблюдали, как водная пучина поглощала их.

В данной обстановке переходить границу целой группой было нецелесообразно, и мы решили разделиться. Я осталась со Стояном, а Петр — с Романом. С болью в сердце я расставалась с ними. Не знаю, как сложилась дальнейшая судьба моих заботливых спутников, но хочется верить, что они благополучно перебрались на советскую сторону, прошли через все военные испытания и дожили до Победы.

Вначале Стоян занялся поиском жилья. Кто-то посоветовал нам пойти в один из домов на окраине города.

— Держите с хозяйкой ухо востро, — предупреждали нас. — Она еще и нечиста на руку. Уж очень любит деньги.

В доме было очень уютно, но за койку в комнате и соломенный матрац на чердаке для Стояна она содрала бешеные деньги. Мой товарищ готов был побить ее.

Действительно, владельцы домов, спекулянты и ростовщики потеряли всякий стыд и драли с беженцев три шкуры.

На этот раз мы решили обзавестись хоть какими-нибудь документами, удостоверявшими наши личности. Не знаю, сколько усилий и денег стоило Стояну достать письменное разрешение посетить родственников на противоположном берегу реки Сан, которые якобы справляли золотую свадьбу.

С этой бумажкой мы направились в центр города, где жил один молодой рыбак, занимавшийся нелегальной переправкой людей через реку. Стоян долго торговался с этим типом, но, когда он поднес к его лицу коралловое ожерелье, тот наконец соблаговолил произнести спасительное для нас слово «согласен».

Мы точно прибыли к назначенному месту, где уже толпилось много людей. Минуты ожидания тянулись мучительно долго. Наконец к берегу причалило рыбацкое суденышко, каких я много видала в Шпревальде.

— Женщины и дети садятся в первую очередь! — раздалося знакомый нам голос «капитана».

Перед отчаливанием он перекрестился. Все это походило на гротеск. Мне вспомнился давно забытый миф — Харон перевозит мертвых через Лету.

Никто из нас не имел никакого багажа, но мы были живы. Единственной драгоценностью, которую я увозила с собой, был медальон с фотографией Фрица. В течение долгих лет заключения я бережно хранила его как талисман.

10 Зак. 879

НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

НА ДРУГОМ БЕРЕГУ РЕКИ САН

Мы прибыли на советскую территорию. Наконец наша цель достигнута! Как же теперь пойдет жизнь? Что предстоит делать? Эти вопросы постоянно задавали себе беженцы. Одни из них утверждали, что русские сначала всех заключат в крепость и заставят работать как пленных, а затем переправят в различные районы страны. Другие не соглашались с такими заявлениями и успокаивали людей, что все устроится нормально.

Я поняла, что не все, кто переправился с нами на другой берег, были друзьями Советской власти, не все из них хотели честно работать. Были и такие люди, которые искали легкой жизни и старались извлечь только личную выгоду для себя.

— Вы не желаете пойти вместе со мной? — неожиданно обратилась ко мне молодая женщина в сером пальто.

— Мы вдвоем, — ответил вместо меня Стоян.

— Может быть, все-таки решитесь? Я уже много раз проходила этим путем...

Разговор прервался: к нам приближались советские пограничники. Молодая женщина побледнела...

Мы все выстроились в колонну по четыре и направились к заставе. Здесь нас поместили в большой теплой комнате, и многие сразу принялись сушить у печки свои намокшие вещи. Через некоторое время вошел офицер и раздал нам анкеты для заполнения.

— Пожалуйста, пишите обо всем подробно и точно. Это облегчит положение и вам, и нам! — сказал он и вышел.

Анкета была составлена на русском и польском языках. Наряду с другими вопросами в ней спрашивалось и о членстве в ВКП(б). Я стала давать ответы на немецком и назвала себя Гердой Готтфельд, поскольку под этой фамилией с 1930 по 1933 годы проживала в Советском Союзе и вступила там в партию.

Не прошло и получаса после заполнения анкеты, как в комнату снова вошел офицер и спросил:

— Кто здесь Герда Готтфельд? Прошу пройти за мной!

В помещении, куда меня привели, сидели несколько офицеров. Один из них, блондин с голубыми глазами, показался мне знакомым, но вспомнить сразу, где я видела его, не смогла.

— Какой номер у вашего партийного билета?

— Ведь прошло слишком много времени, и я забыла его.

— Ну хорошо, вы свободны!

Когда я вернулась в свою комнату, меня обступили со всех сторон и буквально засыпали вопросами:

— Ну как? О чем они спрашивают? Чего еще хотят?

— Интересовались моей профессией, где работала, училась, — спокойно отвечала я.

— Вот видите, если бы мы сразу ушли, то избежали бы этой проверки! — обратилась к нам с упреком женщина в сером пальто.

Стояну предложили перейти в другое помещение, и, уходя, он шепнул:

— Будь осторожнее с этой дамой! Она не внушает доверия.

Наступил вечер, и все стали искать места для отдыха. Я расположилась на столе.

— А можно, я лягу на полу под вами? — обратилась опять ко мне женщина.

— Почему же нет! Каждый волен здесь устраиваться там, где свободно.

Перед сном нам разрешили выйти на улицу, и около туалета эта женщина снова подошла ко мне:

— Когда меня вызовут, будьте добры, наденьте на это время мой корсет на себя!

Просьба показалась странной, если не сказать, безумной. Но эта дама не была сумасшедшей. Она улыбнулась и показала внутреннюю сторону корсета, состоявшую из кармашков, которые были набиты долларами. От удивления у меня глаза чуть не вылезли на лоб.

— Вот так-то, детка! Надо быть оборотистой. Я проделываю это уже в пятый раз, — ухмыльнувшись, заявила она.

Уставшие беженцы быстро заснули, и в помещении воцарилась полная тишина. Я же продолжала бодрствовать на своем высоком ложе. Неожиданно открылась дверь, и вошел раздававший анкеты офицер. Он стал искать кого-то. Наконец наткнулся на меня и попросил следовать за ним.

В дежурной комнате было очень тепло. Мне предложили выпить чаю с сахаром. Офицер-блондин тоже находился здесь.

«Ну, Леа, попытайся же вспомнить, где же ты его видела?..»

— Вы пишете, что работали в КИМе? Тогда скажите, с кем вы работали, с кем были знакомы, — обратился ко мне какой-то полковник.

Я подробно рассказала о Чемоданове, Поляковой, о Краснове, Прокофьеве и многих других сотрудниках, упомянула о некоторых чертах их характера и внешности, вспомнила известные мне эпизоды из их личной жизни.

Сидевшие рядом офицеры внимательно слушали меня. В конце мой белокурый знакомый, так я уже мысленно называла его, внезапно прервал меня:

— Ведь в КИМе вас называли Леочка, не так ли?

Меня будто пронзило током. Как же я не подумала сразу об этом? Действительно, только в КИМе я могла видеть его!

— Может быть, рассказать еще о ком-нибудь? — спросила я.

Все рассмеялись.

— Если ты говоришь неправду, то я не знаю, кто тогда может сказать правду! — подвел черту офицер.

— Куда вы собираетесь поехать? — поинтересовался полковник.

— Сначала во Львов. Там живут родственники моих друзей. Затем напишу письмо своей сестре в Москву. Она свяжется с товарищами из КИМа, и те помогут мне устроиться на работу.

— У вас есть деньги?

Я улыбнулась и шутя спросила:

— Показать вам свои карманы?

Офицеры сразу собрали приличную сумму денег и вручили мне.

В заключение я еще раз заверила советских товарищей в том, что Стоян прекрасный человек и убежденный коммунист. Сообщила и о котрабандистке и ее набитом долларами корсете. Они смеялись от души.

— Кто много путешествовал, тому есть что рассказать, — сказала я, пожелав спокойной ночи офицерам.

Советские товарищи отвели для меня небольшую комнату, в которой я смогла хорошо отдохнуть. Утром солдат принес чай, сахар, хлеб и колбасу. Чай я тотчас же выпила, а колбасу и хлеб завернула, чтобы потом поде-

литься со Стояном. Затем выдали пропуск, и солдат проводил меня к выходу, где уже ожидал Стоян.

Мы долго бродили по заснеженным улицам, потом зашли в железнодорожную кассу и, предъявив пропуск, приобрели билеты, стоившие тогда очень дорого, запаслись продуктами на дорогу.

Около десяти часов утра мы пришли на вокзал и сели в вагон. Я достала газету «Известия» и принялась читать. Однако от усталости вскоре крепко заснула. Стоян разбудил меня уже перед прибытием поезда во Львов. Проснувшись, я не сразу смогла сориентироваться, где нахожусь. А когда пришла в себя, почувствовала приятное облегчение, словно огромная тяжесть свалилась с души.

Наконец мои мытарства остались позади и я снова на советской земле.

ЛЬВОВ НА РАССВЕТЕ

Львов, при австрийском владычестве именовавшийся Лембергом, пережил много бурь. В его архитектуре сохранились следы вычурного стиля времен Марии-Терезии. Город был постоянно яблоком раздора между Австро-Венгрией, Польшей и тогдашней царской Россией. В 1919 году он перешел к Польше.

Когда в начале 1940 года я прибыла туда, этот город переживал очень сложный период. Становление Советской власти происходило в условиях острой классовой борьбы против польских помещиков и буржуазии, против украинских националистов и немецких фашистов.

Для освобожденных областей Западной Украины, и Львова в особенности, было характерно наличие запутанного клубка социальных и национальных противоречий. Распутать этот клубок, перестроить жизнь на социалистических началах, провести правильную линию раздела между друзьями и врагами, было чрезвычайно трудно для украинских коммунистов и их сторонников.

Мы прибыли сюда всего несколько месяцев спустя после освобождения, когда только начиналась ломка старых устоев и устанавливался новый, социалистический порядок. Классовый враг ожесточенно сопротивлялся и делал все возможное, чтобы помешать революционным преобразованиям. Поэтому заботу и доверие, которые советские товарищи проявили в отношении нас в столь сложной обстановке, следует оценить очень высоко.

Поезд прибыл во Львов поздно, на улицах уже зажглись тусклые газовые фонари. Работало всего несколько магазинов, а остальные были закрыты. Я с интересом рассматривала старинные соборы, костелы, здания театров и другие исторические памятники культуры, которыми так славен этот город. На улицах слышались польская, украинская, русская и немецкая речь. Повсюду сновали беженцы, у большинства не было никаких средств к существованию. Это создавало большие трудности для местных властей, поскольку людей надо было накормить и обеспечить жильем.

Мы со Стояном остановились у его дальних родственников Вондалевских. Ему удалось быстро найти временную работу. Я же с ходу устроиться не смогла. Время шло, а вызов из Москвы не приходил. Молчала и моя сестра, которой я послала несколько открыток. Я испытывала неловкость, что оказалась на иждивении у Вондалевских, но они старались успокоить меня:

— Найдешь работу, тогда расплатишься.

Но как долго я пробуду в таком положении? Надо было что-то предпринять, и я решила обратиться в горком партии.

Точно в восемь часов утра я пришла к зданию горкома.

— Что вы желаете, гражданка? — спросил постовой.

— Хочу встретиться с секретарем горкома, — спокойно ответила я, проходя внутрь проходной.

— Но к нему на сегодня записано много посетителей.

— Я все равно подожду, — может, у него найдется и для меня время.

Постовой с удивлением посмотрел на меня, а потом попытался выяснить цель моего визита, но я промолчала, решив, что вряд ли будет целесообразным посвящать этого молодого человека во все перипетии моей жизни. Затем я пододвинула к себе единственный стул в дежурной комнате и с невозмутимым видом уселась на него, разглядывая в окошечко входивших людей. Теперь у постового были все основания принять меня за сумасшедшую. Он взял трубку и кому-то позвонил. Через некоторое время в комнату вошел, как я поняла, его старший товарищ.

— Мне нужно поговорить с секретарем горкома, — повторила я свою просьбу. — Правда, у меня нет никаких документов, удостоверяющих мою личность.

Он провел меня в небольшую комнату, где находилась пожилая женщина.

— Коль вы не можете удостоверить свою личность, я должна устроить вам проверку. Выверните ваши карманы.

Я выполнила быстро ее приказание. На пол упал клочок бумаги с адресом Вондалевских. Я подняла его и объяснила, что у этих людей снимаю угол. Постовой записал этот адрес и повел меня к секретарю.

Это был мужчина лет сорока, с открытым, ясным взглядом. Он поздоровался со мной и пригласил сесть в кресло рядом с письменным столом. Я перевела дыхание и принялась рассказывать о себе. Неожиданно открылась дверь, и в кабинет вошла секретарша.

— Пожалуйста, принесите нам что-нибудь поесть и позаботьтесь, чтобы нас никто не беспокоил... Как долго вы добирались сюда? — спросил он, уже обращаясь ко мне.

— Мы покинули Радом в конце октября прошлого года. Во Львове нахожусь десять дней...

— Да, прошло уже больше трех месяцев...

— Я прошу вас помочь мне получить паспорт и устроиться на работу, пока не придет вызов из Москвы.

— Думаю, что он скоро придет. Надо немного подождать. А сейчас я приглашу сюда секретаря горкома комсомола... Пожалуйста, позаботься о нашей гостье,— сказал он вошедшему секретарю городского комитета ВЛКСМ. — Обеспечь ее продуктами и топливом. А я сейчас свяжусь с госпиталем и узнаю, не нужны ли им рабочие руки.

Разговор по телефону шел на украинском языке, и я ничего не поняла. Положив трубку, секретарь горкома что-то написал на листке бумаги и передал его мне.

— С трудоустройством в городе очень тяжело, — сказал он на прощание. — Временно могу предложить должность уборщицы в военном госпитале. Поработайте там, пока не придет вызов из Москвы. Если возникнут какие-нибудь проблемы, приходите ко мне. Секретарь комсомольской организации и его жена будут помогать вам. А сейчас он подвезет вас домой.

Мы ехали по вечернему Львову. И по мере того как приближались к центру, все больше встречали куда-то спешащих, кутающихся в теплые шарфы людей.

Миновали здание кинотеатра, около которого толпилось много народу. Секретарь горкома комсомола поин-

тересовался, люблю ли я кино. От этого вопроса я внутренне содрогнулась и промолчала. После ареста в 1934 году театр и кино для меня уже не существовали, и я всегда вспоминала об этом как о приятном сне. Правда, в Радоме был кинотеатр. Но днем я не могла посещать его, а по вечерам не разрешала уходить из дома пани доктор. Ведь у нее я зарабатывала на хлеб, и мне следовало быть покорной.

Автомашина остановилась. Прощаясь, секретарь комсомола протянул мне какой-то сверток.

Стоян и супруги Вондалевские были очень взволнованы.

— Как же ты могла так надолго уйти, ничего не сказав нам?! — встретили они меня упреками. — Уж о чем только мы не передумали здесь!

Я молча развернула сверток и обнаружила в нем хлеб, колбасу, сахар, чай и конфеты. От удивления у всех широко раскрылись глаза.

— Я нашла работу, постоянную работу! — радостно воскликнула я.

В ВОЕННОМ ГОСПИТАЛЕ

С волнением я пришла к начальнику кадров госпиталя. Он скептически посмотрел на меня и спросил:

— Вы сидели в гитлеровской тюрьме? И как долго?

— Пять лет, и большую часть срока в Яуэре. Это в Силезии...

Чувствовалось, что майор не верил. Однако это было его правом, и я не стала ничего доказывать ему. Придет ответ из Москвы, и его сомнения улетучатся.

Госпиталь находился у подножия большой горы на окраине города, и на дорогу туда и обратно у меня уходило около полутора часов. Первое время я уставала, но потом постепенно втянулась в работу.

Однажды утром мне в коридоре встретился главный фармацевт госпиталя полковник Зверев. Он нес в руках большое количество коробок с медикаментами. Неожиданно одна из упаковок упала на пол. Я быстро подняла ее и, вручая ему, сказала:

— Пожалуйста, вот ваш ксероформ!

— Спасибо! Вы знаете латынь?

— Нет, не знаю, но немного владею французским языком.

— А почему вы работаете уборщицей? Зайдите сегодня же в аптеку.

Конечно же я обрадовалась этому предложению и охотно помогала полковнику и его сотрудникам в аптеке, заботилась о чистоте помещений.

— Девочка, я уже два дня наблюдаю, как вы кашляете, и вижу, с каким испугом смотрите на носовой платок, — сказал мне полковник Зверев. — Во-первых, я приготовлю для вас лекарство, а во-вторых, с сегодняшнего дня будете жить в доме около госпиталя вместе с молодой девушкой — нашим поваром. А там посмотрим, что делать с вами дальше!

Я смутилась. Действительно, уже несколько дней я время от времени покашливала и при отхаркивании иногда появлялась кровь.

Лекарство, которое мне дал Зверев, очень помогло: я стала меньше кашлять и выделение крови почти прекратилось. С Машенькой — так звали повара — у меня установились хорошие отношения. Она часто приносила мне лакомые кусочки с кухни и приговаривала:

— Ты у нас еще поправишься!

ВЫЗОВ

По воскресеньям я посещала Стояна и семью Вондалевских и в качестве гостинца приносила им сэкономленные мною за неделю кое-какие продукты. Общение с этими людьми доставляло мне удовольствие, они всегда ждали меня и проявляли живой интерес к моим делам.

Уже во время первой рабочей недели меня навестили секретарь горкома комсомола с женой. Мы беседовали о политическом положении в мире.

От них я услышала о VII конгрессе Коминтерна и о речи на нем товарища Димитрова. Эту речь они принесли с собой, но, к сожалению, она была напечатана на украинском языке. С жадностью я впитывала все, о чем мне рассказывали советские товарищи. Создание единого рабочего и народного фронта для борьбы против фашизма было первоочередной задачей международного рабочего движения. Я испытывала огромную потребность наверстать упущенное в моем политическом образовании.

Однажды в воскресенье я сделала сюрприз Вондалевским и Стояну, пригласив их на кинофильм «Цирк»; билеты купил секретарь комсомола. Фильм очень понра-

вился всем, а разоблачение в нем расизма по-настоящему взволновало зрителей, поскольку национальный вопрос в Западной Украине стоял остро. Одна часть населения стремилась жить под эгидой панской Польши, другая хотела присоединиться к Австрии, а украинские националисты добивались «самостоятельности» с сохранением буржуазных порядков. Поэтому в отношениях между людьми здесь проявлялись национализм и шовинизм, что создавало большие трудности для становления Советской власти.

В конце марта 1940 года мне наконец пришел долгожданный вызов из Москвы. В телеграмме говорилось следующее:

«Герда Готтфельд, или Мария Наглер, она же Леа Лихтер, является нашей сотрудницей. Ожидаем ее немедленного прибытия на работу в КИМ».

Внизу стояла подпись: «Димитров».

От нахлынувших чувств я не могла вымолвить ни слова, лишь спустя какое-то время спросила:

— Когда мне можно уехать?

— Это зависит от вас, — ответил вручивший мне телеграмму товарищ.

Времени на сборы ушло немного. Я получила необходимые документы, проездные билеты и деньги. Тепло попрощалась с товарищами по госпиталю, навсегда увозя в своем сердце любовь и признательность к этим людям. Особенно я была благодарна полковнику Звереву за его истинно отеческую любовь ко мне. Она проявлялась тактично и ненавязчиво.

Стоян и супруги Вондалевские проводили меня на вокзал. Расставаясь с ними, я уже мысленно была в Москве, которую покинула семь лет назад, радовалась встрече с друзьями и возможности крепко обнять свою сестру после десятилетней разлуки. Однако мое приподнятое настроение омрачалось и грустью. Ведь во Львове оставался Стоян, так много сделавший для меня. Это был прекрасный, редкой души человек. Такие люди, как он, не часто встречаются на нашем жизненном пути.

Уже после Победы мне стало известно, что Стоян и Ханушка всю войну жили на оккупированной гитлеровцами Украине и мужественно боролись против фашизма, а потом отдавали все свои силы делу построения новой жизни на польской земле. Полковник Зверев с фронта не вернулся. Погибли и супруги Вондалевские в 1941 го-

ду, во время оккупации Львова немцами. Относительно судьбы Ани и Регины Стояну и Ханушке, несмотря на все их усилия, ничего не удалось узнать.

ВСТРЕЧА

Путь от Львова до Москвы занял почти двое суток. Поезд прибыл на Белорусский вокзал. Мой сосед по купе, офицер из Киева, помог мне надеть пальто и вынести вещи на перрон.

— Не беспокойтесь, я подожду до тех пор, пока вас кто-нибудь не встретит, — любезно сказал он.

Прибывшие пассажиры постепенно расходились. Я огляделась и увидела недалеко от нашего вагона стройного седого мужчину с очень моложавым лицом. Он пристально посмотрел на меня, затем подошел и спросил:

— Вы Леа?

— Да, я — Леа!

— Меня зовут Саша, — представился он и нежно обнял меня.

Моя сестра, маленькая, изящная брюнетка, уже устремилась нам навстречу. Мы обнялись и молчали от нахлынувших воспоминаний и чувств.

Тронутый этой встречей, офицер сердечно попрощался и пожелал нам всего хорошего.

— Леа, давай пойдем к стоянке такси, — пригласила меня сестра, когда мы немного успокоились.

— Яхетель, не надо брать такси, пожалуйста. В честь встречи с Москвой я хочу пройтись пешком.

— Я же говорила тебе, мой дорогой, она вечно что-нибудь выкинет! Такова наша Леа.

Саша взял меня под руку, и мы втроем отправились к центру города по улице Горького, которую я еще помнила по старому названию как Тверскую. Куда же делись все маленькие ларьки? Где старые дома? Улицу расширили и выпрямили, всюду стояли новые, строгой архитектуры здания.

— Многие люди въехали в новые квартиры со всеми удобствами, — с гордостью сказал мой свояк.

Да, жилищная проблема в стране оставалась острой, новостройки не успевали за бурно растущим населением города.

Сотни тысяч людей учились в вузах, в вечерних школах и на рабфаках. Великий народ прилагал огромные

усилия, чтобы в кратчайший срок преодолеть техническое и культурное отставание от западных стран.

На площади, ныне носящей имя Маяковского, выросли современные жилые дома, были построены станция метро, магазины с прекрасными витринами. В начале улицы Горького появилась гостиница, а вблизи Большого театра работал универсальный магазин.

Когда я жила в Москве, план реконструкции города еще только разрабатывался и обсуждался в прессе. Теперь же многое из задуманного воплотилось в жизнь, и я с огромной радостью любовалась тем, что построили советские люди.

Мы вошли в небольшую комнату, которая по тем временам была настоящим богатством.

— Леа, через несколько лет, если не будет войны, мы получим большую, просторную квартиру.

Этот неиссякаемый оптимизм, прозвучавший в словах Саши, я чувствовала тогда у всех советских людей, охваченных великим пафосом созидания.

«Цветы в апреле, когда еще так холодно», — подумала я, остановив свой взгляд на прекрасном букете.

— Подарок от твоих друзей из КИМа, — сказала Яхета.

Временно меня разместили в маленьком уютном номере в гостинице «Москва» у Красной площади.

Коминтерн теперь располагался в новом здании, а старое использовалось как жилой дом. С нетерпением я ждала встречи с товарищами, с которыми не виделась так давно. Товарищ Слуцкер, новый председатель КИМа, сердечно приветствовал меня. Во время нашей беседы в комнату вошел Раймон Гийо, и мы крепко обнялись.

— Да, Леа, тебе придется наверстывать упущенное,— сказал он, послушав наш разговор со Слуцкером. — Годы минули и уже больше нам не принадлежат. Об основных событиях этих лет ты сможешь теперь узнать из документов, прессы, из рассказов друзей... Я уже прошел через это.

— Времени у нее для этого будет достаточно. Врачи настаивают на том, чтобы она уже в ближайшие дни направилась на лечение в крымский санаторий для легочных больных. Для поправки здоровья потребуется четыре — шесть месяцев. За это время нужно изучить ма-

териалы VII конгресса Коминтерна, документы Брюссельской и Бернской конференций.

— Тебе следует подробно познакомиться с событиями в Испании, с финско-советским конфликтом, четко представлять причины, побудившие Советский Союз заключить с Германией пакт о ненападении, — добавил Раймон.

Четыре — шесть месяцев? Я огорчилась, но возражать не стала. Если врачи считают, что такой срок лечения необходим, пусть будет так.

После обеда товарищ Слуцкер провел меня по главному зданию Коминтерна. На втором этаже меня приветствовал Вильгельм Пик и представил мне Фрица Беккера, опытного профсоюзного деятеля, который пользовался большим авторитетом в нашей партии. Его спокойные светлые глаза и скупая речь понравились мне.

— Готовься, мы с интересом послушаем тебя, — сказал он с мягкой, теплой интонацией.

Затем подошел Антон Аккерманн. Мы обнялись как старые знакомые, ведь с ним я работала еще в Рудных горах. Пауль Вандель, секретарь Вильгельма Пика, также тепло встретил меня. Здесь я увидела и товарища Эльснера, который за эти годы мало изменился и оставался все таким же по-юношески задорным человеком.

В один из дней меня пригласили в КИМ рассказать товарищам о пережитом и увиденном за годы каторжного заключения и в период пребывания в оккупированной фашистами Польше. Среди присутствующих был Вильгельм Флорин. Я просияла от радости, увидев его, но он только холодно кивнул. После выступления Флорин даже не подошел ко мне, как это сделали другие товарищи, чтобы пожать руку и сказать несколько теплых слов. Я не могла тогда объяснить себе его сдержанность. И только годы спустя, когда товарища Флорина уже не было в живых, мне случайно удалось выяснить причину такого поведения. Дело в том, что за несколько дней до моего отъезда из Парижа он дал мне один адрес в Кёльне, по которому я могла устроить Фрица в случае крайней необходимости. Во время ареста я сумела незаметно уничтожить записку с адресом. Владельцы конспиративной квартиры были дальними родственниками семьи Флорина, и, насколько мне известно, их арестовали почти сразу же за мной. Поэтому у Флорина сложилось ложное мнение, что провал этих людей лежал на моей совести.

Несмотря на этот печальный факт, я не переставала уважать Вильгельма Флорина. В условиях подпольной борьбы возникают иногда такие ситуации, когда человека в силу стечения каких-то обстоятельств начинают в чем-то подозревать или даже обвинять. Это приносит ему мучительные страдания и может вызвать целую трагедию.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Ялта! Этот город давно стал для советских людей символом прекрасного отдыха на Черноморском побережье Крыма. Мягкий климат, теплое море, богатая растительность, комфортабельные санатории благотворно действуют на отдыхающих, и им подчас кажется, что они попали в настоящий рай.

Каждый день, ровно в шесть часов утра, в нашу палату входила симпатичная сестра с пышными темными волосами, выбивавшимися из-под шапочки, и начинала выдвигать кровати на залитую солнечными лучами веранду. С этого момента мы почти весь день были здесь. Затем подавался крепкий, приятно пахнущий чай с необыкновенно вкусным и очень калорийным печеньем.

Во время обхода наш врач, старый большевик, кстати неплохо знавший немецкий язык, внимательно осматривал и прослушивал больных.

— А вы должны обязательно прибавить в весе, — говорил он мне. — Это самое лучшее лекарство для ваших легких.

Первое время я находилась большей частью на веранде, много спала под мерные аккорды морского прибоя и нисколько не испытывала пресыщения от этой музыки. Через месяц я уже настолько окрепла, что, как мне казалось, могла бы выкорчевывать пни. Но когда спрашивала врача о сроке отъезда, он всегда лишь повторял: «Надо подождать еще немного!»

Однажды во время очередного медосмотра он заявил:

— Завтра у вас будет гость.

— Из Москвы? — удивленно спросила я.

— Нет, не из Москвы, а из соседнего санатория. В нем на лечении находится тяжело раненный в Испании немецкий товарищ. Я рассказывал ему о вас.

Я очень обрадовалась предстоящей встрече и возможности послушать о гражданской войне в Испании.

На другой день после тихого часа ко мне пришел вы-

сокий, стройный мужчина с очень живыми глазами и представился как Гейнц Рот.

Я подробно выспрашивала его о войне в Испании, поинтересовалась, не встречал ли он там Артура Беккера. В Москве мне сообщили, что Атце был замучен фашистами в Бургосе. Гейнц Рот подтвердил это, и я почувствовала, с какой глубокой скорбью и болью он воспринял смерть нашего товарища и вообще поражение в Испании.

Сестра принесла чай и печенье, но когда увидела моего гостя, то сразу поспешила еще за одним стаканом. За чаем каждый из нас вспоминал о тех трудных временах, когда за глоток воды и кусок черного хлеба он был готов отдать все. Гейнц держался просто, а его рассказ отличался правдивостью, без какой-либо лакировки действительности.

— В твоем немецком все же чувствуется швабский диалект.

— Что? Это при всех-то моих титанических стараниях?! — возразил Гейнц и рассмеялся.

Мне казалось, что я уже давно знаю Гейнца. Своей скромной, сердечной манерой поведения он располагал к себе людей.

Время нашей беседы промчалось незаметно, и, поднимаясь, он сказал:

— Мне пора! Иначе будет нагоняй! Опять скажут: «Вы многое себе позволяете».

На следующий день Гейнц Рот пришел снова и принес цветы. По запаху и форме они были похожи на маленькие розы. Я поблагодарила его и внезапно рассмеялась. Гейнц посмотрел удивленно, но я объяснила ему причину смеха.

В 1929 году мы с Фрицем жили в Галле, где он работал секретарем молодежной организации. Жили трудно, приходилось считать каждый пфенниг, прежде чем решиться купить что-нибудь. Как-то в день моего рождения он подарил мне букет очень дорогих цветов. Я чрезвычайно удивилась такому подарку. Однако много позже он признался, что эти прекрасные цветы нарвал для меня в саду какого-то феодального замка Руди Егер, член руководства молодежной организации в Галле. (После освобождения Руди работал в Центральном правлении Союза свободных немецких профсоюзов.)

Гейнц приходил еще не раз. Мы бродили по Ялте, которая имела тогда более провинциальный и интимный

вид, чем теперь. Однажды наняли пролетку с извозчиком и поехали к Ласточкину гнезду. Воздух был насыщен запахом лаванды и олеандра. Очарованная всей этой красотой, я думала: «Не снится ли тебе все это, Леа?» К сожалению, мы познакомились с Гейнцем уже в конце курса его лечения, и в июне 1940 года он уехал.

— Вот увидишь, мы еще встретимся! — сказала я при прощании.

Так и вышло. Встреча эта состоялась очень скоро, и произошла она в Национальном комитете «Свободная Германия». Гейнц уже носил форму советского офицера.

Теперь ему не было необходимости скрывать свою настоящую фамилию Гофман. Он стал министром национальной обороны, на него партией и народом возложена чрезвычайно высокая ответственность по защите первого социалистического государства на немецкой земле.

Как только я окрепла, врач посоветовал мне побольше совершать пеших прогулок. Я исходила весь город и его окрестности. Отличаясь плохой зрительной памятью, я часто блуждала на незнакомой местности; приходилось заходить в крестьянские дома, чтобы спросить дорогу в санаторий. Местные жители были исключительно гостеприимны. Они строили свои дома с большой любовью и вкусом, что свидетельствовало о высоко развитом у них чувстве красоты. Меня все это поражало и влекло как магнит. Вначале я очень удивлялась, обнаружив, что кухня в каждом доме, построенном из камня, дерева или глины, всегда находилась во дворе под открытым небом. Но потом поняла, что готовить пищу в жару в помещении было бы настоящей мукой, на улице же часто дул освежающий ветер с моря.

Однажды вечером мои новые знакомые взяли меня с собой на лов рыбы в открытое море. Это было незабываемое событие! Темная безветренная ночь и бесконечное, усеянное мириадами сверкающих звезд небо, от которого невозможно оторвать взгляда. Рыбаки гребли медленно, и я пристально, как загипнотизированная, смотрела на искрящиеся волны.

— Почему вода так блестит? — спросила я рыбака.

— Наше море содержит много фосфора, поэтому вода отсвечивает, — ответил он улыбаясь.

В такие особо приятные для меня моменты я всегда

вспоминала о Фрице и моих товарищах, томившихся в нацистских тюрьмах. Наш врач, много переживший в годы борьбы с царизмом, хорошо понимал мое состояние и считал, что теперь для меня самым лучшим лекарством будет работа и еще раз работа. В середине июля 1940 года по моей просьбе он разрешил мне вернуться в Москву.

Я приступила к работе в КИМе.

В «ДОМЕ СОЛНЦА»

Мне всегда нравилось работать с детьми. Сложись моя жизнь по-другому, я обязательно выбрала бы профессию педагога. В Советском Союзе перед началом Великой Отечественной войны мне пришлось соприкоснуться с этой профессией.

В городе Иванове, находящемся примерно в двухстах пятидесяти километрах от Москвы, располагался в 1933 году самый большой интернациональный детский дом, осуществлявший свою деятельность по линии МОПРа (Международной организации помощи борцам революции). В нем жили дети революционеров из более чем тридцати стран мира. Среди них было много и немецких детей. С приходом фашистов к власти число приезжавших из Германии детей с каждым годом увеличивалось. Их родители или погибли в борьбе с фашизмом, или попали в тюрьмы и концлагеря. Некоторые из них отдали свою жизнь, сражаясь за свободу испанского народа. Советский Союз приютил этих сирот и полностью взял на себя заботу о них. Руководящие товарищи из Коминтерна и МОПРа — Г. Димитров, В. Пик, Д. З. Мануильский, Е. Д. Стасова и другие часто приезжали туда и поддерживали постоянные связи с учителями и воспитателями.

Однажды товарищ Вильгельм Пик попросил меня посетить детдом и познакомиться с его немецкими воспитанниками.

— Постарайся, чтобы дети рассказали тебе обо всем, что их волнует, о чем они мечтают, кем хотят стать, что читают, — напутствовал он меня. — Расскажи им также немного и о себе. Это поможет тебе найти путь к их сердцу.

Я пробыла в детдоме лишь три дня, но думаю, что мне все же удалось установить контакт с детьми. Во всяком случае, в день отъезда детвора устроила мне теп-

лые проводы, а старшие школьники даже пришли на вокзал. Я очень растрогалась этим вниманием.

Сейчас я уже не могу точно припомнить, сколько немецких детей воспитывалось тогда в детдоме, но кажется, что их было около пятидесяти человек. Немецкая группа являлась второй по численности. Самой же большой группой была китайская группа. Основной возраст воспитанников был от семи до шестнадцати лет.

Когда сегодня говорят или пишут о помощи, оказанной нашему народу Советским Союзом, то среди многочисленных примеров забывают подчас упомянуть о спасении и воспитании советскими друзьями детей немецких антифашистов. В Иванове я собственными глазами видела, с какой заботой и любовью относились советские люди к детям интернационалистов. Я никогда раньше не бывала в домах приюта в Германии, но то, что я слышала и читала об этом, давало мне право говорить о коренном отличии детдома МОПРа от подобных заведений в буржуазных странах. Там сирот систематически притесняли, старались отодвинуть их на второй план и лишить шансов на успех в будущем.

В Ивановском же детдоме все сотрудники, от повара до директора, делали все от них зависящее, чтобы из этих девочек и мальчиков, перенесших уже столько страданий, воспитать здоровых, жизнеспособных людей. Немецкий коммунист, по профессии учитель, Фриц Бейес, посетивший этот детдом, написал о нем в 1936 году в Париже очерк под очень точным названием — «Дом солнца».

Конечно, даже самый лучший детдом не может заменить тепла родительского очага. И все же на меня произвела большое впечатление забота советских людей о детдомовцах. А ведь работа с ними требовала от воспитателей огромного терпения и усилий. С какими только проблемами и ситуациями они не сталкивались!

Помню, как ко мне подошел маленький мальчик и неожиданно спросил:

— А ты видела мою мамочку?

У меня не хватило мужества сказать ребенку, что его родителей казнили. Случайный посетитель, вроде меня, мог бы на ходу придумать какой-нибудь другой ответ. А каково было воспитателям? Ведь им все равно приходилось когда-то говорить детям правду.

Воспитанники Ивановского детдома учились вместе с советскими ребятами в городской школе. Это помогало

им быстро осваивать русский язык, чтобы потом свободно общаться между собой и учителями. Кроме того, дети политических эмигрантов изучали родной язык, литературу, историю и географию своей страны. Однако количество часов, отводившихся по программе на эти предметы, было, на мой взгляд, явно недостаточно. Как коммунистка, я была убеждена, что гитлеровский режим в недалеком будущем будет уничтожен и перед представителями молодого и старшего поколений антифашистской эмиграции встанет задача строительства новой, прогрессивной Германии. Поэтому с учетом этой перспективы немецким ребятам следовало давать больше знаний о своей стране. Очевидно, такая проблема возникала при обучении детей и других национальностей. Отчитываясь в Исполкоме Коминтерна о своей поездке, я высказала эти соображения, и со мной все согласились.

После заседания Вальтер Ульбрихт, который тоже проявлял исключительную заботу о молодых немцах, подошел ко мне и сказал:

— В Москве и в Подмосковье живет много немецкой молодежи. Многие из них уже заняты в сфере материального производства, другие же заканчивают среднюю школу. Я прошу тебя встретиться с ними, побеседовать, выяснить круг их интересов. Те из них, кто пожелает учиться в вузах, будут направлены туда, а кто захочет повышать квалификацию по уже полученной профессии, смогут поступить на специальные курсы. — Прямо смотря мне в лицо, он добавил: — Умные родители начинают заблаговременно заботиться об устройстве детей. В данной обстановке эту роль мы взяли на себя.

Порученное товарищем Ульбрихтом задание я восприняла с огромным удовлетворением. Встречи и беседы с молодежью действовали на меня, как освежающий напиток. С многими из молодых людей у меня постепенно сложились крепкие дружеские отношения. Они часто приходили ко мне в гости, и мы вместе посещали кино, театры. С некоторыми из них я поддерживаю связь до сегодняшнего дня. Например, с профессором, доктором исторических наук Дернбергом, представителем ГДР в ООН Петером Флорином, литературоведом доктором Эмми Штенцер и другими. Никогда не забуду тот день, когда самые старшие из моих молодых друзей пришли проститься со мной перед уходом на фронт. Они как-то сразу повзрослели в красноармейской форме, выглядели настоящими бойцами, готовыми сразиться в смертельной

схватке с фашизмом. Многие из них, такие, как Хельмут Гюптнер, Удо Кенен, а также сын известного музыковеда Марианны Гундерманн и прекрасная девушка, которую я знала по имени Эрика, не смогли дожить до Дня Победы.

Однако произошел и позорный случай, когда молодой человек по имени Макс категорически заявил мне: «В немцев я стрелять не буду!» А ведь он был из семьи убежденных коммунистов, его отца нацисты замучили в тюрьме, а мать продолжала бороться с фашизмом.

Я изо всех сил старалась переубедить этого немца, но он и слушать не хотел никаких аргументов. Мне стало ясно, что Макс наверняка попал под влияние каких-то сомнительных элементов.

Несмотря на свою занятость, Вальтер Ульбрихт находил время помочь мне в работе с молодежью. Я всегда внимательно выслушивала его деловые советы, восхищалась корректностью и выдержкой этого человека. Он был немногословен, энергичен и деятелен. Добрый и чуткий по характеру, он не терпел в людях жестокости и черствости. Вспоминаю, как во время загородной прогулки мы шли по старому кладбищу, на месте которого предполагалось разбить парк. Несколько рабочих занимались переносом в другое место исторически важных захоронений. Когда мы проходили мимо, к моим ногам скатился с могильного холмика череп. Я остановилась в испуге и тихо произнесла:

— Вот жил когда-то человек! Он работал, любил, страдал, как мы...

— Какая же ты сентиментальная! Все проходит в этом мире, и остаются от нас лишь эти кости, да и они тоже истлевают, — цинично перебила меня девушка из Берлина и ногой пнула череп.

Я промолчала, а товарищ Ульбрихт с возмущением сказал ей:

— Почему ты такая бесчувственная? Твоя жестокость — не признак силы!

ВОЙНА

НА РАДИОВОЛНЕ ПРАВДЫ

22 июня 1941 года гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз. Начавшаяся священная война против немецкого фашизма круто изменила судьбу советских людей. Они как один поднимались на борьбу, чтобы защитить честь, свободу и независимость своей Родины и освободить порабощенные народы Европы.

Уже в первом обращении от 24 июля 1941 года ЦК КПГ к немецкому народу говорилось:

«Дело, которое защищает победоносная Красная Армия, — это наше собственное дело. Наш враг находится в нашей собственной стране: фашистские рабовладельцы — вот наш враг. Победа Красной Армии и борющихся за свою национальную свободу народов будет также победой немецкого народа» [1].

Мы, живущие в СССР немецкие антифашисты, считали для себя высокой честью влиться в ряды защитников Советской страны.

В годы Великой Отечественной войны я сначала работала на Московском радио в редакции передач на Германию, а затем на радиостанции Национального комитета «Свободная Германия». Эта работа являлась для меня совершенно новой сферой деятельности, и мне приходилось учиться, как говорится, на ходу. Всех нас, новичков и опытных сотрудников, объединяло общее стремление сделать наши передачи достаточно эффективными, чтобы их содержание доходило до сознания немцев, отравленных идеологией нацизма.

Редакция передач на Германию существовала с 1929 года и была в основном укомплектована высококвалифицированными специалистами. Приехавшие в Советский Союз после установления в Германии фашистской диктатуры, политические эмигранты стали тесно сотрудничать с Московским радио. Среди них были, например, Зепп Шваб, под руководством которого я сделала первые шаги в этой области, Ганс Роденберг, сохранившийся в памяти многих немцев как ведущий театральный кри-

[1] Коммунистический Интернационал, 1941, № 6—7, с. 124.

тик и искусствовед. На радио в то время трудились и знаменитые актеры: Хайнрих Грайф, Лотте Лебингер, Максим Валентин, а также Карл Марон, ставший впоследствии министром внутренних дел ГДР, и Георг Штиби, работавший потом заместителем министра иностранных дел в нашей республике.

Передачи Московского радио были для многих немцев фактически единственным источником объективной, правдивой информации о событиях в мире, внутреннем положении в Германии, решениях нашей партии и Коминтерна. Радиоволна, на которой сообщались эти новости, стала называться «красной волной», «волной правды». Эти передачи позволяли сквозь мрак фашизма взывать к совести одурманенных немцев, заставлять их задумываться над тем, в какую пропасть нацисты толкали Германию. Немецкие антифашисты с благодарностью приняли предоставленную им возможность общаться с соотечественниками через эфир, рассматривая это как еще одно проявление Советским Союзом интернационализма и чувства дружбы к немецкому народу и его коммунистической партии.

«Немецкие антифашисты, — писал активный сотрудник Московского радио Эрих Вайнерт, — могли использовать в своей работе возможность выступить в радиовещаниях на Германию. Через эфир можно было достичь слуха миллионов немцев, до которых не доходили листовки. Иногда, сидя в редакции, мы задавали себе вопрос, слушает ли кто-нибудь нас вообще, сколь велико число немцев, имеющих мужество настроить свои приемники на столь опасные для их жизни передачи? Мы размышляли о том, какой же отклик находят в душах немцев наши передачи, на подготовку которых мои товарищи затрачивали такую огромную энергию и силу. Поймут ли немцы то, о чем им говорят?

Но очень скоро из Германии стали поступать по различным каналам письма и сообщения о том, что наши усилия не пропали даром, нас услышали».

Руководство КПГ придавало передачам Московского радио на немецком языке очень большое значение и старалось сделать их более эффективными, с учетом изменившейся обстановки. 25 июня 1941 года Вальтер Ульбрихт внес на рассмотрение руководящих деятелей Коминтерна свои предложения по работе Московского радиовещания на заграницу, встретившие единодушное одобрение со стороны советских товарищей. 10 сентября

1941 года мы уже обратились к немецкому народу через предоставленный нам радиопередатчик. Созданный радиоцентр возглавил Георг Хансен, известный сейчас многим в ГДР по своей деятельности в газете «Нойес Дойчланд». Наш центр имел несколько отделов, которые составляли рассчитанные на определенные категории радиослушателей программы. Например, за передачи, адресованные к солдатам, отвечали Отто Винцер, впоследствии ставший министром иностранных дел нашей республики, и Рихард Гюптнер. Во главе отдела передач для женщин стояла Элли Шмидт, моя подруга, известная молодому поколению как одна из создательниц и в течение многих лет председатель Демократического союза женщин Германии (ДСЖГ).

Я работала в отделе передач для молодежи, которым руководили Фриц Шеликке и Ганс Мале. Последнего я знала еще со времен моей подпольной деятельности. После освобождения Мале несколько лет занимал пост генерального директора Демократического радиовещания. Сейчас ему уже за семьдесят лет, но, несмотря на такой солидный возраст, он полон энергии и продолжает активно бороться за дело социализма. В настоящее время он является членом бюро руководства Социалистической единой партии Западного Берлина и главным редактором газеты «Ди Вархайт». Фриц Шеликке долгие годы возглавлял издательство «Дитц». Издательской деятельностью он начал заниматься очень давно, его первые успехи в этой области связаны еще с работой в КИМе.

Я благодарна Шеликке и Бернхарду Дому за то, что они помогли мне сравнительно быстро освоиться с работой на радио. После освобождения Дом посвятил себя науке и принимал активное участие в подготовке и издании произведений К. Маркса и Ф. Энгельса в ГДР.

Наша программа для молодежи называлась «Буревестник», она транслировалась ежедневно с 8.40 до 22.15. В начале передач как позывной звучал запоминающийся призыв: «Истина, свобода, право и честь — это наши боевые знамена! Молодежь Германии, становись в наши ряды!» А заканчивалась передача словами: «Будущее будет светлым! Наш шаг уверен! Если ты наш единомышленник, борись вместе с нами!»

Молодежную программу «Буревестник» наша радиостанция стала передавать в эфир уже после эвакуации из Москвы, в конце сентября 1941 года, а раньше она включалась в цикл передач Московского радио.

ЭВАКУАЦИЯ

Враг уже стоял на подступах к Москве. Поскольку столица стала прифронтовым городом, Государственный Комитет Обороны принял решение эвакуировать оборонные заводы, научные и культурные учреждения. Это касалось также и Центра радиовещания. Однако часть его сотрудников оставалась на месте и продолжала вести передачи. Товарищ Слуцкер предоставил мне свободу выбора: остаться в Москве или присоединиться к эвакуирующимся. Я предпочла первый вариант. Днем работала на радиоцентре, а ночью, как и все москвичи, несла дежурства во время воздушных налетов. Я гордилась, что и мне выпала честь быть среди защитников Советской страны и вносить свою скромную лепту в ее оборону.

Как известно, гитлеровское командование намеревалось закончить войну к рождеству и отпраздновать победу парадом своих войск на Красной площади. Гитлер даже приказал сочинить марш по этому случаю. Очевидно, музыку для марша и сочинили, но сыграть ее в Москве фашистским воякам не удалось. Красная Армия разбила гитлеровские полчища и далеко отбросила их от советской столицы.

Во время очередного ночного дежурства в конце октября 1941 года, когда Москва переживала самые трудные и тревожные дни, мне позвонили из секретариата Димитрова и сказали:

— Вы и товарищ Карлос немедленно отправляйтесь на вокзал. Там вы обратитесь к товарищу Мирову, начальнику эвакуационного поезда. Жена Карлоса и его оба ребенка уже там. В свои квартиры не заходите. Все поняли? Разговор окончен!

Я сразу сообщила об этом Карлосу, испанскому антифашисту, дежурившему вместе со мной. Мы молча оделись и вышли на улицу. Каждый из нас думал о Москве, о той серьезной опасности, которая нависла над ней.

— Вы последние, кто подлежит эвакуации. Сейчас отправляемся в Башкирию, в Уфу, — сказал Миров, когда мы подошли к нему.

На вокзале скопилось очень много людей. Одни возбужденно двигались взад-вперед, другие стояли на месте. В зале ожидания негде было приткнуться. Накрывшись одеялом или пальто, эвакуируемые спали прямо на полу.

В полдень мы сели в поезд и тронулись в путь. Через несколько часов жажда и голод дали о себе знать. Те,

кто успел прихватить с собой съестное, стали жевать, испытывая неловкость перед теми, у кого ничего не было.

Миров быстро оценил обстановку и сказал:

— Товарищи, многие из пассажиров пришли на вокзал прямо с работы или дежурства и не смогли зайти домой, чтобы собрать багаж и взять что-нибудь из еды. Я не знаю, сколько дней мы будем в пути, а поэтому предлагаю собрать все продукты в «общий котел» и экономно распределить их между всеми. Кто за это предложение, прошу голосовать.

Возражений не было...

На восьмой день мы прибыли ночью в Уфу. Вокзал был ярко освещен. Это было необычное для нас зрелище, для тех, кто покинул затемненную, постоянно подвергавшуюся воздушным налетам Москву. Стоял лютый тридцатиградусный мороз, а на мне были чулки из вискозы и демисезонное пальто, которое еще можно было носить в Москве в это время. Меня быстро усадили в кабину грузовика, чтобы я не обморозилась.

Нас разместили в Доме пионеров на улице Ленина. Огромный актовый зал был хорошо натоплен, на полу у стен лежала приятно пахнувшая солома. Всем, кто приехал налегке, выдали теплую одежду и комплект постельного белья.

Устраиваясь на новом месте, мы с нетерпением ждали последних известий с фронта. И какова же была наша радость, когда мы услышали, что наступление группы армий «Центр» остановлено и что 7 ноября на Красной площади состоялся традиционный парад советских войск! И хотя опасность для столицы еще не миновала, планы фашистских захватчиков на «молниеносную войну» против Советского Союза были сорваны, Красная Армия нанесла сокрушительное поражение гитлеровским войскам.

Успешные оборонительные бои на подступах к Москве укрепили веру в грядущую победу не только в сердцах советских людей, но и в сознании народов порабощенной фашистами Европы.

РАБОТА В УФЕ

Уфа, столица Башкирской АССР, была в то время небольшим городом, промышленность которого только что начинала развиваться. На окраине стояли обычные дере-

венские дома. Самой современной была улица Ленина, где в гостинице «Башкирия» некоторое время жили Вильгельм Пик, Вильгельм Флорин и другие известные руководители Компартии Германии.

Население города составляло приблизительно сто тысяч, но во время войны число его жителей увеличилось, по меньшей мере, в десять раз, поскольку сюда эвакуировалось много людей из временно оккупированных областей Советского Союза. Кроме того, в этот надежный тыл приехало немало политэмигрантов из Германии и ряда других стран.

Местное население и власти делали все возможное, чтобы накормить, разместить и обогреть продолжавший прибывать поток людей. Жители Уфы и прилегающих к ней деревень брали эвакуированных в свои квартиры и дома, но все равно еще оставалось много неустроенных людей. И тогда под жилье оборудовались подвалы, склады, конюшни и другие подсобные строения. В то же время предпринимались титанические усилия, чтобы быстро ввести в строй эвакуированные заводы и обеспечить выпуск оружия и боеприпасов для фронта. Не дожидаясь, пока будут возведены капитальные цеха, рабочие развертывали оборудование в больших палатках и приступали к работе. Ничто — ни мороз, ни голод, ни усталость — не могло остановить этих людей, полных решимости обеспечить фронт всем необходимым.

В Уфе я еще раз ощутила великую силу советского народа и поняла, что так может бороться только тот народ, который отстаивает свою свободу, независимость и право на жизнь.

Как ни трудно было советским людям, они окружили политэмигрантов особой заботой и вниманием. Им создали лучшие, чем для других эвакуированных, жилищные условия, лучше кормили, теплее одевали. Лично мне выдали валенки, телогрейку, стеганые брюки, шапку-ушанку, и теперь в такой экипировке было не страшно появиться на улице в любой мороз.

Мы, коммунисты, навсегда сохранили в своих сердцах великую благодарность советскому народу и его правительству за всю неоценимую помощь, оказанную нашей партии и немецким антифашистам. Например, только предоставление Советским Союзом радиостанции в наше распоряжение явилось беспрецедентным актом, на который не пошло ни одно правительство стран, воевавших против фашизма. Правда, Великобритания, США и дру-

гие государства тоже вели радиопропаганду против гитлеровской Германии и ее союзников, но они очень редко приглашали немецких антифашистов выступить перед микрофоном. А что касается нас, коммунистов, то англичане и американцы вовсе не были заинтересованы в том, чтобы наш голос звучал в эфире.

Приближался новый, 1942 год. Как-то, проходя по улицам города, я увидела афиши, возвещающие о предстоящем концерте Эмиля Гилельса. Мне давно хотелось послушать этого замечательного пианиста. «Где и когда еще представится такая возможность?» — подумала я и направилась к кассам.

Обошла весь город, но билетов не достала. Всюду у касс висела одинаковая табличка: «Все билеты проданы». Какой-то красноармеец, заметив, с каким расстроенным видом отходила я в очередной раз от кассы, сказал:

— Давайте я проведу вас на концерт. У меня есть два билета: для меня и моего товарища. Сначала мы, мужчины, войдем в зал, а затем я выйду снова к вам с двумя билетами. Согласны?

— Так же нельзя! Можно попасть в неприятное положение.

— Не бойтесь, ведь половина зрителей проходит в зал таким путем.

Мне ничего не оставалось, как согласиться. Вечером мой знакомый и его друг, тяжело раненный в ногу, ждали меня перед зданием театра. Мы благополучно прошли в заполненный до отказа зал. Почти на каждом стуле сидело по два человека. Много людей стояли в фойе и на лестнице, ведущей к гардеробной. Двери в концертный зал оставались широко распахнутыми. Верхнюю одежду никто не снимал, поскольку в зале было прохладно.

Публика долго приветствовала пианиста, но, когда он сел за рояль, в зале мгновенно наступила тишина. Зачарованные музыкой, люди на время забыли о войне, о невзгодах и страданиях.

В шестидесятых годах я встретилась с Гилельсом в Карловых Варах у источника Мюльбруннен. От неожиданности я выронила бокал. Музыкант взглянул на меня и, улыбнувшись, тихо сказал:

— Ничего, не расстраивайтесь! Здесь много таких бокалов.

Я только кивнула, а сама подумала о том новогоднем вечере в Уфе и том необыкновенном концерте.

Радиостанция разместилась на почте, в самом высоком здании на улице Ленина. На верхнем этаже было помещение для редакции. Часть его занимала обитая звукопоглощающим материалом кабина с микрофоном. Те, кто задерживался после вечерней смены, мог переночевать здесь на диване, чтобы на следующее утро без опоздания явиться на работу. Многие охотно оставались в редакции и дольше, особенно когда в квартире из-за нехватки топлива было холодно.

Наша редакция (Фриц Шеликке, Бернхардт Дом, Ганс Мале и я) снова собралась вместе. Хорошо помню первое совещание в Уфе, которое провел с нами Вальтер Ульбрихт.

— В наших руках находится необычное оружие, — говорил он, — и надо хорошо овладеть им. Содержание радиопередач должно быть таким, чтобы оно доходило до сердца и разума каждого человека. Число военнопленных растет, и перед нами здесь открывается большое поле деятельности. Мы должны делать все возможное, чтобы основную массу этих людей завоевать на свою сторону. Цель политической работы — убеждать людей, подходить к ним дифференцированно. Например, обращаясь к женщинам, нужно прежде всего взывать к их материнскому чувству и разъяснять, что Россия — не место для легких прогулок, там идет жестокая, кровопролитная война, в которой по прихоти Гитлера гибнут их сыновья. А ведь мать растит и воспитывает детей для жизни, а не для смерти. Родители видят в своих детях надежду и опору в старости, а фашизм лишает их этого. Минутное любование девушки своим женихом, одетым в военную форму, в конечном счете оборачивается для нее трагедией на всю жизнь. В то же время надо учитывать, что аудитория не симпатизирует нам и воспитана в духе оголтелого антикоммунизма.

Было уже далеко за полночь, когда мы разошлись по домам. Каждый уходил с мыслью о том, что написать в ближайшие дни. С освещения каких вопросов начать и какие аргументы использовать?

По рассказам пленных и захваченным письмам можно было судить, что наши радиопередачи слушаются не только в самой Германии, но и на фронте. Однако прошли месяцы, прежде чем число наших слушателей резко увеличилось.

Наше пребывание в Уфе продолжалось не слишком долго. В начале марта 1942 года мы снова вернулись в

Москву. Теперь эффективность передач росла изо дня в день. Военные успехи Красной Армии под Москвой, Сталинградом, Курском и на других фронтах действовали на многих немцев деморализующе. Гражданское население, военнослужащие рейха, да и военнопленные, долгое время верившие фашистской демагогии, постепенно освобождались от иллюзий и начинали задумываться над смыслом войны и последствиями преступной деятельности нацистов. Немцы теперь становились более восприимчивыми к антифашистской пропаганде, чем в начале войны. Это, конечно, повышало нашу ответственность. Радиоцентр с его отделами должен был как можно активнее и действеннее помогать этим людям искать выход из грозившей Германии катастрофы.

Агитационно-пропагандистская работа среди военнопленных усиливала у них антифашистские настроения и в конечном счете увенчалась созданием 12—13 июля 1943 года Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ).

Об этой организации много рассказано и написано книг в нашей стране, и я позволю себе лишь кратко остановиться на работе ее радиостанции, к которой я имела непосредственное отношение.

РАДИОСТАНЦИЯ «СВОБОДНАЯ ГЕРМАНИЯ»

20 июля 1943 года радиостанция «Свободная Германия» передала в эфир свою первую программу.

Под руководством Антона Аккерманна на ней трудились ряд товарищей, которые приобрели большой опыт еще во время работы на Московском радио. Это были Фриц Эрпенбек, Макс Кайльсон, Густав фон Вангенхейм, Ли Вайнерт и другие.

Передачи радиостанции слушали не только в Германии, но и во всем мире. Ее авторитет рос с каждым днем, и вскоре она стала политическим и организационным центром немецких антифашистов. Это подтверждал анализ корреспонденции, приходившей к нам от слушателей Великобритании, Франции, США, Мексики и других стран. Тексты наших передач и призывов тайно печатались в виде листовок, распространялись в Германии. Некоторые солдаты носили такие листовки с собой и тщательно прятали их. Ну а когда удавалось перебраться через линию фронта и сдаться в плен, они служили им в

какой-то мере пропуском или доказательством их искреннего намерения вступить в ряды антифашистов.

На радиостанции «Свободная Германия» меня назначили ответственной за составление программ. Антон Аккерманн, поручая эти обязанности, напутствовал меня очень недолго.

— Леа, представь себе, что ты находишься в нацистской Германии и слушаешь сейчас тайно наши радиопередачи. Что бы ты хотела услышать в первую очередь? — спросил он.

— Конечно, о положении на фронтах.

— Правильно! Но особенно их интересует обстановка на Восточном фронте. Для них он — главный фронт! Поэтому каждая программа должна начинаться с обзора военных действий на этом фронте. Ясно? А теперь принимайся за дело!

Итак, я приступила к исполнению своих обязанностей. Конечно, бывали неудачи и срывы. Они глубже западали в память, чем успехи. А составление радиопрограмм оказалось не таким уж простым занятием. Много сил и энергии уходило на работу с авторами. Каждый из них хотел доказать, что его статья очень актуальна, и требовал немедленной передачи ее в эфир. Особенно часто у меня возникали споры с военным комментатором Куртом Фишером, впоследствии руководителем нашей народной полиции.

— Товарищ Фишер, передача длится всего двадцать минут, и я не могу взять ваш комментарий в том объеме, который вы предлагаете, — пыталась я урезонить его. Нельзя же выпустить из программы сводку Совинформбюро. Текст ее уже перевела Лоре Штаймер.

Лоре, дочь Вильгельма Пика, работала очень оперативно, и я не помню случая, чтобы она когда-либо задержалась с переводом сводки военных новостей, которые передавались почти одновременно со сводкой Совинформбюро по Советскому радио.

Курт Фишер очень злился, все время посматривал на свою статью, поправляя очки в золотой оправе, а затем обычно устремлялся к Аккерманну. Через некоторое время мой начальник сам приносил сокращенный вариант статьи Фишера и молча вручал мне.

А один из авторов, например, сразу приходил в неописуемую ярость. Стоило мне сказать: «При возможности обязательно включим ваши короткие рассказы в программу передач», он кричал, требовал немедленного

включения их в программу, говорил, что не доверил бы мне даже место гардеробщицы в театре.

Сначала я обижалась, затем привыкла к столь бурной реакции авторов, понимая их естественный энтузиазм, страстное желание внести лепту в дело борьбы с фашизмом.

Рабочий кабинет президента Национального комитета «Свободная Германия» Эриха Вайнерта был этажом выше. Там же находилась и редакция газеты «Фрайес Дойчланд» — орган этого комитета. Как в газете, так и на радиостанции с нами сотрудничали военнопленные — солдаты и офицеры. Время от времени они принимали участие в совещаниях нашей редакции, а иногда наши сотрудники сами отправлялись в лагеря для военнопленных и там собирали необходимые материалы для публикаций и радиопередач. Выступления по радио бывших военнослужащих вермахта и их статьи оказывали сильное воздействие на умы и настроение немцев, уже отказывавшихся слепо верить лживой геббельсовской пропаганде.

Временами я удивлялась, как все же трудно и медленно человек отрекается от ложных представлений о мире, внушаемых ему с детства. Новым знаниям и понятиям он, как правило, противится, и, чтобы осознать и принять их, ему приходится пройти долгий и мучительный путь познания.

Напряжение в нашей работе было велико. Все волновались, спешили поскорее сдать свои материалы, которые в последний момент могли быть опять направлены на контрольную проверку. Случалось и так, что нашему ведущему диктору Фридриху Хайльманну, когда он уже начинал читать текст, в кабину протягивались один или несколько листов, испещренных пометками. В этот момент даже Фридриха, нашего известного весельчака, покидало чувство юмора. Такой же напряженный ритм, говорят, характерен для работы на радио и в настоящее время.

Кроме того, подготовленные к передаче материалы предстояло еще доставить на радиостанцию, находившуюся на окраине Москвы. Однако с этой обязанностью успешно справлялся наш шофер, уволенный в запас из-за тяжелого ранения в голову.

Мы старались разнообразить свои радиопрограммы с учетом различных социальных и возрастных групп. Наряду с информационными материалами и комментария-

ми передавались музыкальные программы, рассказывалось слушателям о выдающихся немецких и иностранных литераторах и художниках, ученых, в эфире звучали произведения прозы и поэзии.

Больших успехов мы достигли в разоблачении заявлений геббельсовской пропаганды о том, что, мол, советские солдаты не брали пленных. Однако непосредственное обращение военнопленных по радио к своим родственникам и знакомым лучше всего опровергало эту ложь. Весь материал для таких обращений обычно готовился и записывался в лагерях для военнопленных.

Просматривая регулярно списки приветственных обращений, я обратила внимание на то, что они часто адресовывались в один и тот же город или район Германии. Чтобы избежать этого и расширить географию адресов, я решила предварительно систематизировать материалы и лишь потом выпускать их в эфир.

Теперь диктор заранее оповещал и называл радиослушателям город или район, военнопленные из которых должны были обратиться к своим родственникам и знакомым.

— Помогите отцам и матерям, — говорил в заключение диктор, — избавиться от тревог за своих родных и близких! Сходите к ним или бросьте записку в почтовый ящик с сообщением о том, что пропавший без вести жив и находится в безопасности.

Однажды после войны товарищ Аккерманн сказал мне:

— Передача приветственных обращений военнопленных к родственникам была для нацистов страшнее взрывчатки. Это подтверждают признания самого Геббельса.

На мне также лежала обязанность согласовывать текст радиопередач с нашим военным цензором полковником Брагински, человеком с умным узким лицом и пышной копной каштановых волос. Он всегда встречал меня приветливой улыбкой.

В составлении программ, в выборе формы и содержания у нас была полная свобода. Однако шла война, и обстановка требовала того, чтобы не были случайно разглашены сведения, которые оказали бы помощь врагу. До войны профессор Брагински преподавал на кафедре древней истории и прекрасно знал немецкий язык. Его дельные и умные советы, которые он всегда давал в тактичной, вежливой форме, очень помогали нам в работе. Все

сотрудники редакции глубоко уважали этого милого и обаятельного человека.

Наша деятельность по привлечению военнопленных генералов и офицеров к антифашистскому движению наталкивалась на большие трудности. Настроение среди этих людей было неодинаково. Одни ратовали за продолжение войны с Россией, яро защищали Гитлера и надеялись на победу, другие же считали, что война проиграна и ее надо скорее кончать. Однако обе эти группы в одном вопросе занимали общую позицию — на сотрудничество с коммунистами и НКСГ не идти. Однако работа с пленными не прекращалась, и в конце концов она принесла свои плоды. Этому содействовали военные успехи советских войск, особенно их победа в Курской битве. 11—12 сентября 1943 года более ста делегатов от офицерских лагерей военнопленных собрались в Луневе, недалеко от Москвы, и объявили об образовании Союза немецких офицеров (СНО). В своем обращении «К немецким генералам, офицерам, к народу и армии» они потребовали немедленной отставки Гитлера и его правительства.

С передачей этого обращения меня постигла неудача. Просматривая его текст, я натолкнулась на незнакомое мне слово «коммодор» [1]. «Не ошибка ли?» — закралось сомнение. Спросила товарищей, но никто не знал значения этого слова.

Направилась к Аккерманну, но у него в это время шло совещание. А срок передачи приближался. Время не ждало. Обращение нужно было уже везти на радиостанцию.

«Коммодор»... Боже мой, что же это такое?..»

Надо было бы заглянуть в словарь, но как-то сразу не догадалась. Определенно, здесь закралась какая-то ошибка, решила я, и тут же вместо этого слова поставила слово «комендант» [2].

Вскоре в комнату вошел диктор Хайльманн и, поднеся к моему носу текст, с возмущением спросил:

— Кто же это натворил?

Следом за ним подошел Антон Аккерманн. То, что обрушилось на мою голову, трудно описать. Я никогда

---

[1] Командующий соединением кораблей, командир соединения кораблей (не имеющий адмиральского звания) или командир авиаэскадры. — *Прим. пер.*

[2] Командир. — *Прим. пер.*

еще не видела его в таком возбужденном состоянии, хотя знала его давно, еще во времена, когда он работал ткачом на чулочной фабрике.

Попыталась сказать что-то в свое оправдание, но оно прозвучало как детский лепет.

— Думать надо, прежде чем внести правку! Неясно — спроси!.. — негодовал Аккерманн.

Суть проблемы была даже не в самой правке, а в пластинке, которая была рассчитана всего на три записи и стоила тысячу рублей. Сама звукозаписывающая аппаратура и пластинки к ней были закуплены в США. И вот теперь из-за моей оплошности запись приходилось повторять. За допущенную халатность меня справедливо наказали большим денежным штрафом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работа в редакции заполняла все время. Официально рабочий день начинался в 7.30 и кончался в 20.00 или 22.00 часа. Возвращаясь домой, я сразу валилась в постель от усталости. Часто не хотелось даже ни есть, ни пить. Все мысли были заняты работой, всегда беспокоило только одно: не забыла ли что-нибудь сделать, не пропустила ли чего-нибудь?

Уйдя с головой в повседневные дела, я отвлекалась от тягостных раздумий над приходившими из Германии ужасными сообщениями. Почти ежедневно там чинились расправы над коммунистами, а также над всеми, кто осмеливался выражать недовольство фашистским режимом. После покушения на Гитлера 20 июля 1944 года в стране был развязан неслыханный террор с целью подавить любое проявление оппозиции гитлеровской клике. Фашисты убили Эрнста Тельмана — одного из популярнейших руководителей международного рабочего движения.

А жив ли еще Фриц? Увидит ли он приближающийся конец коричневой чумы? Тревожные мысли постоянно возникали в сознании и отнимали много душевных сил.

С фронта приходили радостные вести. В начале апреля 1945 года советские войска вышли к Одеру. Третий рейх был накануне окончательного разгрома. Близился день моего возвращения на родину.

Бессмысленное сопротивление гитлеровской армии стоило немецкому народу многих новых страданий и разрушений.

— Поступающие сообщения свидетельствуют о том, что такие города, как Дрезден, Кёльн, Хемниц, Берлин, почти полностью разрушены, — говорил нам Вильгельм Пик на одном из совещаний. — Нас ждет трудная работа, но мы построим другую, новую Германию. Политбюро уже составило списки тех коммунистов, которые, как только станет возможно, отправятся в Берлин. Из них созданы три группы, и руководителями назначены: Вальтер Ульбрихт, Антон Аккерманн и Густав Соботтка.

После этих слов в зале наступила напряженная тишина.

— Редакция газеты и коллектив радиостанции должны теперь обходиться небольшим составом, — продолжал он после паузы. — Многие из вас в ближайшее время поедут в Германию. Я надеюсь, что эти товарищи сделают все возможное, чтобы оправдать доверие партии на новых участках работы.

Зал пришел в движение, как пчелиный рой. Ведь всем хотелось первыми вернуться на родину.

Затем Вильгельм Пик пригласил меня к себе. По выражению его лица я поняла, что ему предстоит сказать мне что-то неприятное. Желая как-то подготовить меня к печальному известию, облегчить страдания, он расспросил о делах, здоровье и лишь только потом с грустью сказал:

— На все запросы о судьбе Фрица нам сообщили, что в начале 1944 года его увезли из каторжной тюрьмы Бранденбурга и направили в концлагерь Бухенвальд. Но туда его якобы не довезли. Это обычная практика нацистов, когда они решают расправиться с кем-либо. Я понимаю, как тебе тяжело. Но что поделаешь...

Я встала и хотела выйти, чтобы побыть одной. Но потеряла сознание, а когда очнулась, рядом со мной уже была моя сестра.

Примерно через десять дней после этой беседы я снова встретилась с Вильгельмом Пиком. Он обнял меня за плечи, подвел к круглому столу и, усадив в кресло, с радостью сказал:

— Мы получили телеграмму от генерала Благодатова из Вены. Комендант города сообщает, что Франц Далем и Фридрих Гроссе находятся у него. Товарищ Димитров уже договорился, чтобы их тотчас же отправили в Москву.

От счастья у меня закружилась голова. Пережить столько в течение нескольких дней было выше моих сил. Ноги казались ватными, я не сразу смогла подняться. Пик позвонил своей дочери Лоре, мы поехали вместе домой. Там она вызвала врача, и мне дали успокоительное.

Когда на следующий день я пришла в редакцию, кто-то из товарищей попросил меня войти в другую комнату. Открыв дверь, я увидела, что навстречу мне идет очень худой, изможденный, совсем пожилой мужчина. У него бритая голова, на шее выделяется плохо заживший рубец и резко выступает кадык. С большим тру-

дом я узнала в этом человеке своего мужа, да и то лишь по неповторимому, мягкому тембру его голоса.

Почти восемь лет прошло с тех пор, как я видела его в последний раз на процессе молодых католиков. И хотя Фриц поседел тогда и выглядел похудевшим, он еще сохранял стройность и моложавость. Теперь передо мной стоял почти старик.

Я зарыдала и бросилась к нему в объятия.

1 июля 1945 года мы вместе с Вильгельмом Пиком и другими товарищами вернулись в Берлин. Вскоре Фрица направили на партийную работу в Саксонию, где я приняла участие в создании нашего демократического радиовещания. Директором Дрезденского радиоцентра назначили Руди Пфютцнера, а меня — главным редактором. К 7 декабря 1945 года из Дрездена должна была прозвучать в эфире первая радиопередача, и она прозвучала, несмотря на все трудности, которые нам пришлось преодолеть.

Фриц и я активно включились в процесс возрождения и развития нашего государства. Нам выпала высокая честь участвовать в объединении двух пролетарских немецких партий, в образовании нашей республики, в демократическом переустройстве ее хозяйственной, социальной и духовной жизни.

В 1949 году Фрицу оказали большое доверие в качестве посла представлять наше молодое государство в Чехословакии. Я сопровождала его с двумя детьми, которые родились у нас к тому времени.

Мы прожили с Фрицем до его безвременной кончины интересную, прекрасную жизнь, отдавая все свои силы, знания и опыт делу построения новой жизни на немецкой земле. Но об этом счастливом и сложном периоде нашей жизни я хотела бы рассказать отдельно, если, конечно, хватит сил.

Когда вернулись домой, тучи над нашей семьей сгустились. Фриц стал часто болеть. Маутхаузен сильно подорвал его здоровье.

В 1957 году мой муж умер. Я продолжала работать и воспитывать детей, чтобы они стали настоящими, достойными людьми, которые продолжили бы наше дело. В этом я видела смысл своей жизни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гроссе Леа

Г88 Итог жизни: Мемуары/Пер. с нем. Т. С. Голуновой. — М.; Воениздат, 1986 — 182 с.

70 к.

Книга представляет собой мемуары известной немецкой коммунистки. Она повествует о борьбе против гитлеровского фашизма в предвоенные годы и в годы второй мировой войны. Автор убедительно показывает организующую и руководящую роль коммунистов в развертывании сопротивления фашизму, их стойкость и мужество.

Книга заинтересует широкий круг читателей.

Г $\frac{1305000000\text{-}083}{068(02)\text{-}86}$ 163-86

ББК 63.3(0) 6

9(М) 7

Леа Гроссе

ИТОГ ЖИЗНИ

Редактор *И. М. Кузьменков*
Художник *С. А. Астраханцев*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *А. А. Перескокова*
Корректор *Н. Г. Худякова*

ИБ № 2526

Сдано в набор 30.06.85. Подписано в печать 28.10.85.
Г-82195. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарн. обыкнов. новая.
Печать высокая. Печ. л. $5^3/_4$. Усл. печ. л. 9,66. Усл. кр. отт. 10,19.
Уч.-изд. л. 10,30. Тираж 65 000 экз. Изд. № 10/634. Зак. 879.
Цена 70 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3